

«Уральский следопыт». № 8, 2007. (№602)

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт
№ 8, 2007

август
2007 (№602)

Елена ДУРЕКО

Путешествие на Шихан

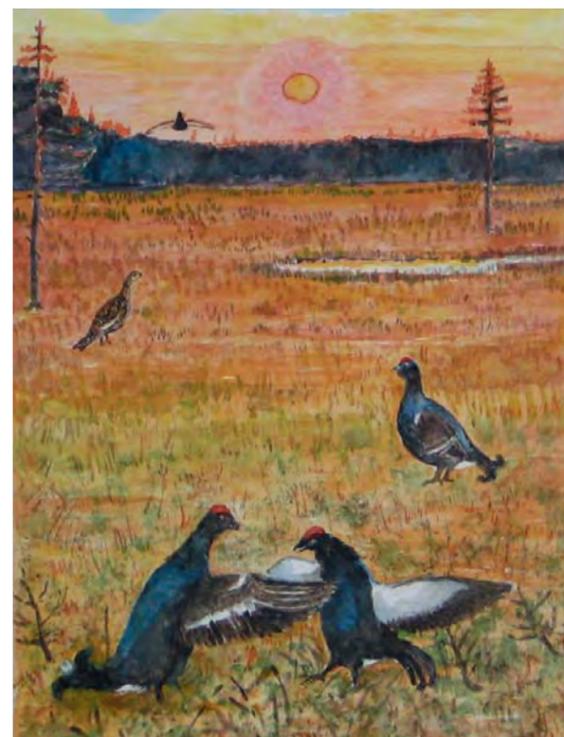
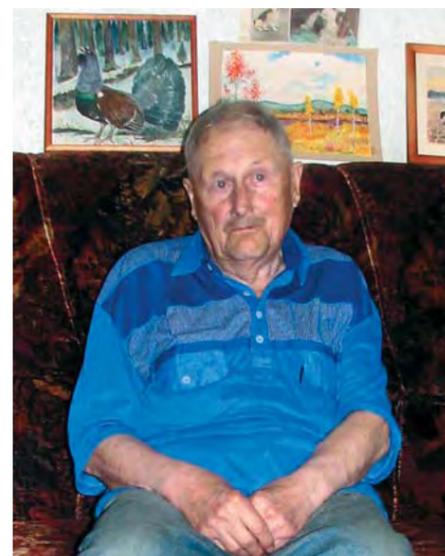
Пунктом назначения очередной экспедиции «Уральского следопыта» стала гора Шихан, что возле озера Аракуль. Путь до нее совсем не ближний. Но те, кто уже побывал на аракульских горах, говорят, что о поездке не пожалели. Продвижениями нашей команды снова руководил Сергей Коптелов, который с горой «на ты», поскольку спелеологи и скалолазы в отличие от обычных туристов там бывают довольно часто — тренируются хотя бы раз или два в год.

Маршруты «Уральского следопыта»

ВСТРЕЧНЫМ ВЕТЕР

Хранитель птиц

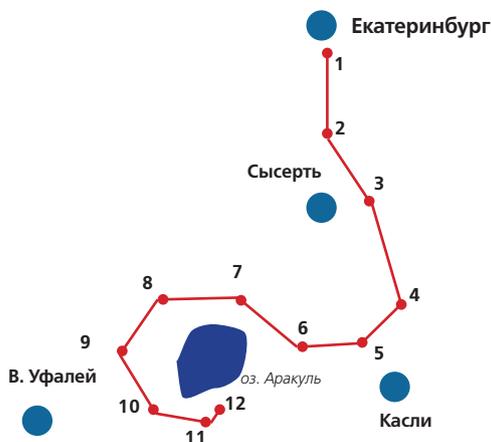
Олег Викторович Штраух (род. 11.08.1922 г.) — почетный гражданин города Ивделя. Уроженец Украины, он прожил на Северном Урале основную часть своей жизни, посвятив всего себя уральской природе и людям. С 1956 года является корреспондентом-фенологом при Географическом обществе СССР, а в 1982 году избран действительным членом этого общества при Уральском отделении ГО СССР. Был принят в члены Уральского орнитологического общества. В настоящее время является его почетным членом. Олег Викторович Штраух — автор уникальной аннотированной сводки «Птицы ивдельского района» (1992 год). С 1992 года он является членом Союза охраны птиц России. Все фенологические зарисовки регулярно появляются на страницах ивдельской газеты «Северная звезда», с которой Олег Викторович сотрудничает с 1959 года и как фенолог, и как прекрасный журналист.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Юбилей

представляет

Используя GPS-приемник, вы можете проложить маршрут до интересного места, которое мы вам рекомендуем посетить.

Маршрут представляет собой последовательность промежуточных точек, которые приведут вас к конечному пункту назначения.

Введите в память прибора координаты предлагаемых путевых точек и постройте маршрут

НА АРАКУЛЬСКИЙ ШИХАН

№	Точка маршрута	широта	долгота
1	г. Екатеринбург. УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ редакция	N56°50'144 "	E60°35'562 "
2	г. Екатеринбург. выезд на Челябинский тракт	N56°44'265 "	E60°42'237 "
3	Перекресток. Дорога г. Сысерть – г. Арамиль	N56°33'585 "	E60°52'407 "
4	Перекресток. Съезд с трасы Е-бург-Челябинск на Кыштым	N56°02'507 "	E60°58'629 "
5	г. Касли. Дорога на Кыштым	N55°53'496 "	E60°43'390 "
6	Перекресток. Поворот на г. Вишневогорск	N55°55'101 "	E60°36'139 "
7	г. Вишневогорск поворот на Аракуль	N56°00'830 "	E60°38'700 "
8	Д. Силач. Съезд на грунтовую дорогу. Здесь лучше оставить машину	N55°59'699 "	E60°26'166 "
9	Развилка на гору - налево	N55°59'522 "	E60°26'431 "
10	г. Аракуль. Стоянка	N55°59'190 "	E60°29'409 "
11	г. Аракуль. Шихан	N55°59'325 "	E60°29'459 "
12	берег оз. Аракуль выход со стороны Шихана	N55°59'550 "	E60°30'188 "

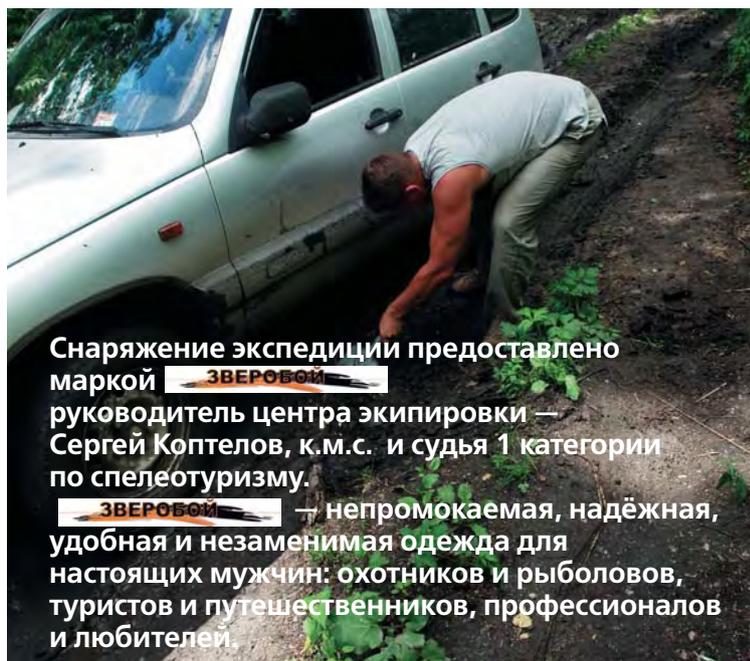
Приключения начинаются

Мы уже проехали разъезд Силач (проткнув при этом колесо – пришлось примерно полчаса потратить на его замену) и остановились перед извилистой, местами песчаной, местами глинистой, узкой, в две колеи лентой. Кажется, эта дорога не ведет вообще нику-

да. Она, видимо, и так-то была не сахар, а недавние дожди сделали ее самой настоящей трассой для гонок внедорожников. Поднимаясь вверх, дорога местами раздвигается или превращается в чвакающую грязевую массу.

Десять метров вперед – уже почти чудо. Машину все время норовит стянуть в яму, колеса ведет на скользком грунте.

– Я пойду вперед, посмотрю можно ли там проехать. – Вызвался в разведку Сергей Коптелов. Практически до самой горы он так и шел впереди машины. Время от времени подталкивал ее, не давая сползти в яму. Иногда проверял твердая ли колея. В общем-то, казалось, что местами грязь, стоит в нее ступить, затянет ногу как минимум по колено. И машине тут не пробраться.

Снаряжение экспедиции предоставлено маркой **ЗВЕРОВОЙ** — непромокаемая, надёжная, удобная и незаменимая одежда для настоящих мужчин: охотников и рыбаков, туристов и путешественников, профессионалов и любителей.

– Это же гора. Под грязью почва все равно должна быть твердая, – резюмировал Сергей, помогая преодолеть очередной чавкающий и хлюпающий, очень сомнительный участок. Один раз даже пришлось достать из багажника саперную лопату, чтобы закопать грязь и создать прочную опору для колес.

Приехали

Непростой подъем, похоже, подходит концу. Из-за кустов и невысоких деревьев видно возвышение, как будто сложенное из больших овальных, неровно обточенных светло-серых каменных валунов. Между большими камнями – почти геометрически правильной сеткой разбегаются различной глубины и ширины тре-

щины. Гребень постепенно становится все выше.

Пошел дождь. В такую погоду на скалы не полезешь. Решили перекусить. Сергей, сидя на переднем сидении машины, колдовал над кашей: разместил на коленях примус, а на нем небольшой (литра на три) автоклав, изготовленный чьими-то мастеровитыми руками из обычного алюминиевого чайника. Наша промышленность таких не выпускает. Удобно – каша должна закипеть, а потом можно спокойно снимать с огня – так дойдет.

Пока мы пережидали непогоду, небольшие группы молодых людей по 5-7 человек в дождевиках периодически проходили гуськом по тропинке от гребня скалы к синему

шатру. И обратно. Цель этих прогулок осталась для нас тайной – предположили, что у них какая-то зарница.

Курс на Шихан

Дождь перестал. Мы перекусили – каша получилась отличная. Пора было двигаться к Шихану. Камни влажные, от них идет пар – гора отдает накопленное тепло. Скала расположена полукругом. Один склон – «обжитой» – на нем тренируются скалолазы, спелеологи. А другой порос бурьяном. Неподалеку находилось несколько групп людей в экипировке для скалолазания. Оказалось, это группы альпинистов из Архангельска, Екатеринбурга и Челябинска прибыли сюда тренироваться.

– Спускаться можно только здесь, – Сергей указал на прореху между камнями. Вбиты крепления, к ним привязаны две веревки, – вот эта, похоже, наша. С последних соревнований. Наверно, уже перетерлась, – он посмотрел на ту часть, которая была вдема в петлю. Действительно, истончилась. С разрешения уже спускающейся группы альпинистов, воспользовались их веревкой и по ней начали двигаться вниз.

Высокие каменные ступени, блестят от недавнего дождя. Где-то приходилось опираться ногой на покатый, практически ровный камень, пытаюсь другой найти опору. Или, держась за веревку, делать широченный шаг в сторону, на скользкую каменную платформу.

Таким манером мы спустились до подножия скалы. В нескольких местах группы по двое-трое в экипировке следили за подъемом кого-то своих наверх, сопровождая его действия комментариями и указаниями: «теперь двигайся вон к той трещине, так, закрепись и дальше вправо». Человек, прижавшийся метрах в пяти от земли к практически плоской скале, паучьими движениями перебирался с одной узкой трещины до другой, нащупывая маленькие ступеньки для ног.

– Это детские скалы, здесь обычно молодежь тренируется, – Сергей указал на ту часть горы, по которой забиралось несколько групп. – Самое сложное дальше.

Самое сложное

Еще одна ступенька — и мы у самой сложной части горы. Высоковато. С самого верха спускается веревка, на вид — прочная.

— Эту веревку не трогать, — прозвучала от специалиста уже знакомая фраза. Не трогать, значит не трогать. Скатились так. На пятой точке. А следом двое туристов пробовали на эту же ступеньку подняться. Женщина взялась за веревку, занесла одну ногу над уступом и веревка поехала вниз. Она оказалась не закреплена. Если бы при спуске кто-нибудь из нас взял за нее — махом соскользнул бы.

На детскую скалу я смогла подняться примерно на метр, встав в довольно широкую трещину и распластавшись по камню. На следующий же участок Шихана мы могли только смотреть.

Светлый, почти белесый камень, как мне сказал наш вожатый, метров 40 в высоту. Несколько больших выступов нависают над головой, а кое-где поверхность почти ровная и по всей скале —

сетка трещин, прямоугольной и треугольной формы сверху донизу. Местами набиты дорожки креплений. Здесь даже на полметра не подняться. Выступов, за которые можно хоть как-то зацепиться, и удержаться на них без крепежа не видно. Самая верхушка Шихана заканчивается большим камнем с двумя зубцами, покоящимся на прямоугольной тумбе.

— От верхнего камня и до туда, — Сергей указал на стоящую отдельно от всего хребта скалу, — наши ребята натягивали веревки и отработывали приемы спасработ.

Мы решили залезть на невысокий покатый (наклоном, может, чуть меньше 45 градусов) хребет, которым заканчивалась гора и пройти немного по нему, а затем до отдельно стоящей скалы. Ровные скользкие от дождя плиты без уступов. По ним можно скатываться как с горки. Только вот вниз придут одни уши.

Максиму легче всех — у него ноги длинные. С одной трещины перешагнул на другую, еще пара цеплятельных движений — и уже

наверху. Мне пришлось пару раз скатиться, каждый раз Сергей подставлял под скатывающуюся ногу свою руку. С третьей попытки я забралась. А вот ему залезать пришлось дольше и сложнее — сзади-то никого нет.

Куда ты, тропинка

Пройдя немного по хребту, спустились вниз. Здесь расположился небольшой лагерь туристов: тент, костер, вокруг суетится и облаивает всех подходящих дымчатый спаниель — настоящая идилия.

Обогнули скалу, продираясь через заросли травы, доходящей мне до плеч, оказались около узкой тропинки. Скорее всего, это дорога к озеру Аракуль.

Местами она становилась круче. Плоские скользкие камни, поваленные стволы и торчащие корни — все это затрудняло движение. Все же спуск получился довольно быстрым.

И вот взгляду открылось озеро Аракуль, расположенное на 263 метра выше уровня моря, окру-

женное со всех сторон лесом или горами. Распластавшись под небом как большое зеркало, оно будто впитало часть его голубизны. Почти по всему периметру стояли палатки или машины. Солнце, цепляясь за дальнюю кромку воды, находящиеся рядом с ней лес и поле, уже клонилось к закату.

Неплохо бы искупаться, вот только купальные костюмы никто с собой не взял. Мужская часть экипажа все же залезла в воду.

– Слышь, Макс, тут до сих пор раки водятся, – сказала одна из голов, торчащих из воды, – похоже, на Урале это одно из последних чистых озер.

В обратный путь, вверх по склону отправляться не хотелось. Как-то на авось думалось, что идти вообще не придется, а если и придется, то нескоро.

Подъем дался гораздо сложнее, чем спуск. С тремя короткими передышками. Тропинка, по-моему, стала раза в три круче, а под конец казалась почти отвесной. Наверх все выбрались красными и запыхавшимися.

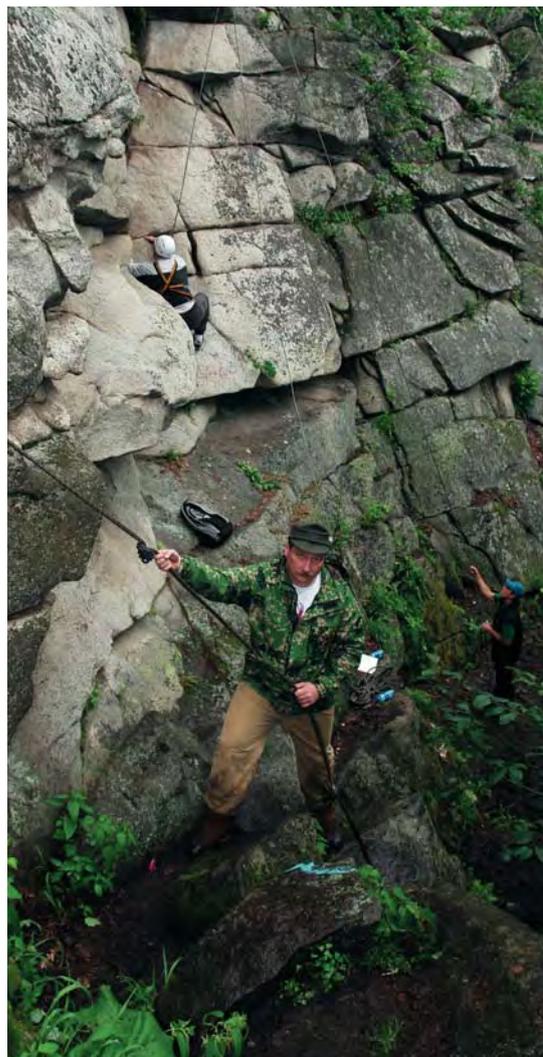
Для тех, кто здесь живет по нескольку дней, такие прогулки вверх-вниз – будничная обязанность. К озеру обычно ходят за водой, так как никаких других источников в округе нет.

В обратный путь...

...двинулись почти сразу после прогулки к озеру. Нужно было преодолеть спуск по бездорожью до Силача засветло.

Вниз скатываться было намного легче, хотя дорога стала еще хуже: прошедшие за день дожди прибавили грязи и углубили уже знакомые канавы.

Выбрались на ровную безопасную дорогу. Шихан остался позади, и немного грустно с ним расставаться. Жаль, не смогли полазать по верху – камень был слишком мокрый, опасно. Когда еще сюда попадешь? Хотя...в будущем году здесь будет проходить первенство России по спелеотуризму. Отличный повод приехать и продолжить знакомство с горой.

август 2007

Юрий СЕНТЯБРЕВ

Тайна имени горы Шуйда до сих пор не открыта. Легенда о пропавшем руднике.

РЕКА ВРЕМЕНИРодословная

В. ДАНИЛОВА Я – из Азигулова 6

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ Писательницы России 9

Память

В. МИХАЙЛОВ Памятники Свердловска-Екатеринбурга 12

Человек и природа

А. КОЗЫРЕВ

Не с позиции «голой обезьяны» 29

Заповедные земли

Ю. СЕНТЯБРЕВ,

В. САДЫРИН

Шуйда – гора из прошлого 32

По белу свету

В. СТРУГАНОВ

Планета Байконур 62

Клуб собирателей

В. ПУРОНЕН

Белый раджа Саравака. «Пост офис» 70

Далекое - близкое

В. МОИСЕЕВ

У Горбатого моста 73

Юбилей

И. КУЗНЕЦОВА

Хранитель птиц 3 пол. обл.

Леонид АНДРОНОВ

Эрцшурер призвал ответственных за страдания, с Романа сдернули телесную оболочку и швырнули его душу в смрадную тьму...

АЭЛИТАКоординаты чудес

Л. АНДРОНОВ

Мозговой шторм 18

Сумма технологий

Е. ЛОТОШ

Ошибки и штампы в фантастике 26

Повод для улыбки

В. СУХИХ

Первопечатник 67

Владимир НОВОСАД

Анна Сергеевна вздохнула и в одну секунду вспомнила события тридцатилетней давности: скандал, милицию, следователя – историю, за которую долго себя корила...

СВЕЧА ГОРЕЛАНаши друзья

В. ОХОТНИКОВА

Стихи 10

Новые встречи

В. НОВОСАД

Встреча 46

Время мастера

Н. БУЙНОСОВА

Вода живая 39

Елена ДУРЕКО

Десять метров вперед — уже почти чудо. Машину все время норовит стянуть в яму, колеса ведет на скользком грунте.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕРМаршруты «УС»

Е. ДУРЕКО

Путешествие на Шихан 2 пол. обл

Заповедные земли Урала

М. ПИОНТКОВСКАЯ

Зюраткуль – это состояние души 34

И. КУЗНЕЦОВА

Ивдель и Вижай 58

Главный редактор – Максим Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С. А.Надь, Е.Л. Русяев. **Худ. редактор, верстка** – Ю.В. Ульянова. **Художники** – А.А. Федотов, Я. Ахметшина. **Набор** – В.М. Кадочникова.
Корректоры – Ю.Ю. Ларина, Е.О. Макушкина
Учредители –
 • Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»;
 • Ассоциация советских книгоиздателей;
 • Союз писателей РСФСР.

Издатель – ООО «Трудовой коллектив журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Станислав Мешакин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
- Семен Спектор, заслуженный врач России.
- Дмитрий Бругров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке **Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям** при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции: 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.

Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479

E-mail: uralstalker@mail.ru

www.uralstalker.ru

Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г. Министерством печати и массовой информации РСФСР.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые получки» «Уральского следопыта» и знаком **УС** публикуются на правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 269-22-34.

Вы также можете оформить подписку через агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003», агентство «Урал-Пресс», Почта России.

Подписной индекс 73 413.

Цена свободная.

Подписано к печати 04.07.2007 года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии ООО ПТЦ «ЯСА», г. Красноуральск, ул. Чкалова, 4. Заказ № 3230

Я — из Азигулово

Отец

60-е годы прошлого века...

Размытые холмы отрогов косматого Урала — почти сопки. Вековые таежные леса с болотной топью, тяжелыми раскидистыми сумрачными елями, затерянной среди них сладкой черемухой и душистой, крупной земляникой. И тут же леса лиственные, с травой по пояс, с клубничными полянками.

Село Азигулово расположено на извилистом берегу набравших силу, прозрачных вод реки Уфы. Река огибает большое село, приближаясь вплотную, в двух местах. Её деревянный мост почти каждый год съедается прожорливым ледоходом.

Чего-чего, а воды здесь вдосталь. Впритык к огородам, переливчато журча, перекачивается по умытым галькам веселая и говорливая речка-ручеек, бежит, впадает в Уфу. Ее называют «Иске Уфа» — «Старая Уфа». Весной она наполняется водой, набирает силу и становится похожей на свою старшую сестру. Говорят, раньше, давным-давно, сама река Уфа протекала здесь, потом ее русло изменилось; а здесь, на высохшей старице, остался только ее маленький преданный приток. Насквозь прозрачная, с неустанно мельтешащей стайкой вечно озорующих пескариков; не более полуметра глубиной и не более 5 метров шириной, она притягивала в летнюю жару нас, детей, неодолимой силой. Мы частенько отпраши-

вались у родителей половить рыбку, а девочки деловито прихватывали с собой пару полотенец для стирки. Строили песочные замки на берегу, плескались в ласковой, торопливо бегущей воде.

Однако перед тем, как влиться в большую реку, маленькая речка вдруг затихала, став задумчивой и медлительной, разливалась широко и тихо, образуя большую запруду. Затем опять убегала из нее и бежала, бежала к большой реке, как шаловливый ребенок к матери — дети не могут долго оставаться серьезными.

Другой край села пересекался в нескольких местах еще одной речкой — но как она была не похожа на Иске-Уфу! Если та речка — дочь, эта — видно, падчерица. Мрачная, с илистыми, засасывающими берегами, темная, бесшумная, себе на уме, как угрюмый неразговорчивый собеседник. И название ей под стать: Меллятле. Весной словно злые и таинственные силы просыпались в бурлении грязно-пенных ее вод. И тогда она торопилась к большой реке.

В весенний разлив, когда стояла особенно большая вода, село разделялось на два полуострова и маленький островок. Мы жили на островке, на котором опасливо жались друг к другу три дома. Медленная вода подходила к домам совсем близко, и сообщение прерывалось на несколько дней. Тогда школьников перевозили до школы и обратно на лодках. Отец уходил на работу — он был учителем мате-

Мой отец. Год 1960

матики — в длинных сапогах через широкий и неглубокий залив.

Крупная рыба, то и дело мелькая в мутноватой весенней воде, подплывала совсем близко, удивленно и не боязливо застывала на несколько мгновений, в упор разглядывая носящуюся по невысокому бережку ребятню. Жизнь в воде и жизнь вне воды. Глаза в глаза.

Мои родители жили на школьной квартире. Это был уютный, небольшой пятистенок на две семьи. Чистенький бревенчатый сарай, на чердаке которого хранилось душистое сено. Летом в заманчиво-теплые ночи соскучившиеся по деревенным родственникам из города, мои двадцатилетние дяди и тети, предпочитали спать именно там и брали меня, еще маленькую, с собой. Чудные таинственные ночи, полные шепота темноты, света мерцающих звезд, удивительных запахов лета — счастливое время!

Венера Хатимовна Данилова родилась в селе Азигулово. После окончания Уфимского пединститута преподавала в школе математику и работала программистом на уфимских заводах. Рассказы и очерки печатались в уфимской периодике. Цикл очерков «Я — из Азигулово» «Уральский следопыт» начал печататься в №8, 2006 г.

Береза, рябина, калина росли в небольшом садике около дома — мы их принесли из леса. Лесная земляника, посаженная мной рядочками, разрослась запутанным ковром. Самый интересный уголок в саду — там, где стояла деревянная бочка с водой, где летом жили рыбки. Обычно пескари — они набивались десятками в стеклянную банку с накрошенным хлебом в речушке за огородами. А однажды, там жили две огромные щуки. Мой отец купил их, вяло шевелящих жабрами, засыпающих, в весенний разлив. Принес, показал нам, и мы решили запустить их в бочку, где они быстро ожили и прожили до первых морозов.

Вообще любопытство во мне и распахнутый взгляд на все живое — это заслуга моего отца. Мы одинаково удивлялись окружающему нас миру — он и я, тогда еще несмышлениш. Одинаково переживали, бесильно наблюдая, как ястреб несет на большой высоте жалобно пищущий желтый комочек — недельного цыпленка. Отец пытался криками и свистом испугать хищника, подбрасывал камни — но куда там, птица в своей стихии была слишком уверена в себе. Да и цыпленка размазало бы, сорвись он с такой высоты без парашюта.

У нас, почти как у всех, были гуси. Весной, оставшийся холостяком гусак, гусыня сидела на яйцах, каждое утро провожал отца до школы, и никакой силой нельзя было отогнать его домой, а оставить взаперти невозможно: он начинал требовать свободу. Иногда мы с отцом шли в магазин, а позади деловито и уверенно вперевалку вышагивал гусак. Терпеливо дожидался нас у дверей. Обрато шагали опять вместе, только гусак теперь впереди, срываясь от нетерпения в воздух и убедительно гогоча, уговаривая нас идти быстрее. Своя стая. Больше всего я любила сидеть среди гусей летом, когда отец давал им корм в длинном деревянном корыте. Уже повзрослевшие, шумные, разговорчивые, мягкие и добродушные; я гладила их, а они безбоязненно вытягивали шею и еще неустановившимся ломающимся голосом рассказывали, говорили мне что-то ласковое.

А еще передо мной стоит такая картинка детства.

У нас были две пуховые козы, и одна из них, любительница приключений, частенько попадала в различные переделки.

Село наше, окруженное заливными лугами и лесами, имело богатейшие пастбища. Тогда коз и овец летом просто выпускали на улицу, и вечером они возвращались домой сытые и ленивые. Пасли только коров.

Однажды вечером наша проказница не явилась домой — это означало, что она опять где-то нашкодила.

Так оно и оказалось. Соседи сказали, что ее гонял по своему огороду дед — его звали Аптель-бабай. С длинной седой бородой, тяжелым взглядом, он казался мне очень древним, пришедшим откуда-то из мрачной давности, а может из какой-нибудь страшной сказки — я его всегда боялась и старалась обойти стороной, встретив на улице. Мы с отцом нашли козу за его огородом — побитую, со сломанной ногой. Она жалобно блеяла, виновато пытаясь подняться на ноги.

Отец принес ее домой на руках. Потом он собрался к деду. Я увязалась за ним.

— Животное не понимает, за что ты его бьешь. Зачем же так его калечить? Разбираться надо было со мной, — мой отец с видимым усилием, но сдерживался.

Они стояли друг против друга, и дед показывал кустики объединенной капусты и, разводя старческими, жилистыми руками, оправдывался:

— Как увидел, что полгрядки подгрызено, так не удержался, саданул ее пару раз. Дед рядом с отцом казался в виноватом недоумении — может, оттого, что не было привычной «мужской разборки»?

Коза, конечно, через пару недель уже опять была в форме. Так же, как и раньше, любила чужую капусту, но тот огород она теперь обходила далеко, как я — деда. Почему мои детские воспоминания чаще связаны с отцом, чем с матерью? Возможно, с ним всегда было интереснее? Он терпеливо выслушивал мои бесконечные «почему» и всегда находил ответ. Я с детства помню свои долгие разговоры с ним: можно было спорить, отстаивая свою точку зрения — сила никогда не была у него аргументом. Привыкшая к свободомыслию, я росла довольно своевольной.

Однажды у нас дома собрались гости — приехали дальние родственники.

Мама готовила на стол, я путалась у всех под ногами, и она прогнала меня: «Уйди, не мешайся». Я обиделась. Конечно, у всех дела, разговоры, все чем-то заняты, а я никому не нужна? Сопя, как рассерженный щенок, я полезла под кровать и затихла в уголке. Конечно, меня сразу хватились. Обнаружив меня на четвереньках, упрямо застывшую у стенки, начали хором и поодиночке уговаривать, выманивать сладостями. Я угрюмо и молча отворачивалась, не поддаваясь на уговоры. Мама тоже звала-звала, а потом не вытерпела и пригрозила:

— Вот сейчас кочергу принесу и вытащу тебя.

Отец понаблюдал спектакль, который я устроила — я опять в центре внимания! — и сказал:

— Ладно, дочка, если тебе нравится там, сиди, пока хочется.

И про меня словно забыли. Я сидела, сидела... пока терпелось. Высидела ровно два долгих-долгих часа. Потом тихонько выскользнула из убежища, подошла к отцу, он посадил меня на мой стул и спросил:

— Проголодалась?

— Да. Еще как.

Он внимательно посмотрел на меня:

— А почему ты сидела так долго, не вышла, когда тебя все звали?

— Но ты же меня не звал, а я хотела, чтоб ты меня позвал, — уже забыв про саму обиду, ответила я ему.

Был случай, когда отец пригрозил мне ремнем. Какой ребенок не балуется? Я была виновата и знала это. Отец мне сказал:

— Принеси ремень, я накажу тебя — я вижу, иначе ты меня не поймешь. Я быстро отыскала отцовский, такой страшный ремень и стремглав бросилась на улицу прятать. Закопала торопливо в снег, вернулась, пряча руки за спину:

Азигуловская школа 50-е годы.

— Пап, я ремень не нашла.

Отец в это время сидел за столом, проверяя школьные тетради и исподтишка наблюдая за мной:

— А ты мне правду говоришь? — Я молча прятала от него глаза. — Иди отнеси ремень на место, и больше так не делай, хорошо?

— Ты не сердись на меня, папа?

— Немножко.

— Я буду хорошей дочкой, пап! — Как сияло теплое весеннее солнышко, когда я откапывала из снега зарытое там мое наказание!

А еще я помню майский праздник. Опять у нас собрались гости, но Хатима-апа (тетя) с утра ушла на элеватор — она работала там заведующей, и еще не пришла. Меня послали за ней. Стоял теплый полдень, по небу кружили нахмуренные тучки, и солнце то и дело исчезало в их неласковых объятиях. Зато, когда ему удавалось ненадолго вырваться, земля будто светлела и веселела. Вприпрыжку догоняя и обгоняя резвящихся, разминающих после зимы крылышки бабочек, я прибежала к тете и потянула за руку:

— Хатима-апа, идем быстрее, все ждут только тебя.

— Сейчас, — заторопилась она, — я уже почти закончила работу.

Пока она собралась, навесила замок на двери, черная тучка уютно расположилась на небе. Моя очень взрослая тетя, а ей было где-то около двадцати пяти лет, взяла меня за руку:

— Айда быстрее, сейчас дождь пойдет. — Мы спустились по полому склону, покрытому нежной, только-только оживающей зеленью.

— Первый дождик, да? — Я сама не услышала свой вопрос, грохотнул басисто и хрипло неожиданный гром.

— Загадываем быстро желание, а теперь, — моя тетя толкнула меня на травку, сама упала на землю, и покатила вниз по горке. — Догонай меня...

Я с щенячьим визгом последовала за ней.

— Есть такая примета, — сказал она мне потом, отряхивая мое платьишко, — как услышишь первый гром, надо загадать самое заветное желание и упасть на землю, тогда твое желание сбудется. Успела загадать?

— Да. Хочу быстрее вырасти.

— Ну, тогда точно сбудется.

Едва мы заскочили в дом, небо обрушилось коротким, хмельным ливнем и сразу осветилось улыбкой умытого солнца.

Все уже сидели за столом, когда мое внимание задела чьи-то слова:

— Я привез хорошее вино — настоящее грузинское, марочное.

Что это такое вино, которое пьют взрослые? Мне тоже хотелось попробовать, и я потянулась к отцу — можно? Он очень серьезно посмотрел на меня и сказал:

— Во-первых, детям пробовать вино очень вредно. А если ты его все-таки попробуешь, это сразу бу-

дет заметно всем. Ты собираешься идти гулять на улицу?

— Да, собираюсь.

— Тогда твои друзья заметят, что ты пила вино. Тебе не будет стыдно?

— А как они это увидят? — Я не собиралась так легко сдаваться, черти боролись во мне с ангелами с переменным успехом.

— Щеки у тебя будут красные, глазки начнут блестеть — и всем будет понятно, что моя дочка пьяная. — За столом на меня смотрели, сдерживая улыбки, и дружно поддакивали отцу. — Ты все еще хочешь попробовать или расхотела?

— Хочу... — ухмылялся во мне бес познания...

Отец протянул мне рюмку, и я сделала шаг к взрослой жизни — глотнула прозрачную, пахучую гадость. «И что нашли в ней хорошего? Непонятные эти взрослые...» А любопытство несло меня дальше, я сорвалась и побежала на улицу. Вот и соседский мальчишка, мой сверстник-приятель. Приблизилась к нему бочком, с опаской — замечает он чего-нибудь или нет?

— Ты чего это странная какая-то? — меланхоличной репликой встретил он меня.

Значит, мой отец прав, значит, точно, глоток этого гадкого вина сразу бросается в глаза. Я не знала, куда спрятать лицо.

— Посмотри, у меня щеки сильно красные? — решила я наконец.

— Красные...

— А глаза блестят? — допытывалась я дальше.

— Блестят, — неуверенным эхом вторил он.

Что делать? Значит, весь мир это видит... я закрыла ладонями лицо...

На детей, наверно, больше влияют отцы. Матери, они всегда рядом — кормят, одевают, ворчат, ласкают — привычные, необходимые и незаметные. А отцовское слово — оно весомее. Родители не только любят своих детей — свое подобие и свое творение, но и вкладывают в них свои надежды: ребенок должен быть лучше их и не должен повторять их ошибок. У отца в школе был друг — словесник. Внешне чем-то похожие,

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для библиографического словаря)

по характеру они были полной противоположностью друг другу: один — открытый, шумный, слова вылетали из него, как из скорострельного автомата, я им всегда восхищалась, ведь иногда он еще умудрялся и думать; у другого — каждое слово взвешено, а мысль — отточена, куда денешься, математик! А математик по профессии и плюс математик по характеру — это вам уже математика не на плоскости, а математика в полном объеме.

У обоих — за плечами фронт, оба женились здесь, в этом селе; правда, друг его успел это сделать на пару лет раньше. И село это было его родиной. Вся разница в их судьбах была только в этом.

Они всегда слегка соперничали друг с другом. Отец преподавал в классе, где училась дочь его друга. Девчонка была гуманитарием, в отца: ей с большим трудом давались точные предметы. Тем более пятый класс — он довольно труден для ребенка. При всем этом она не отличалась усидчивостью: ведь папа — учитель в ее школе, всегда вытащит, к чему лишние напряги? Дружья-то дружья, но после долгих раздумий мой отец по математике за первую четверть поставил девочке двойку.

— Как ты мог? Неужели нельзя было трючку поставить? — друг его был разобижен, и мало того, разгневан.

Конечно, отец чувствовал себя скверно. Но считал, что прав:

— Я же тебе всю четверть пытался объяснить, что она запускает математику напрочь и не занимается ни черта. Оценка объективна, я ее исправлять не буду; может, это ее проймет.

— Так-так, друг-товарищ. Хорошо-хорошо-хорошо. Через пару лет твоей дочери предстоит учиться у меня, мы с тобой еще поквита-а-емя...

Прошло два года, я начала изучать правила русского языка, но, увы, лингвистические способности меня не подвели: я стала лучшей ученицей моего учителя по русскому языку, что он однажды сказал моему отцу с легким вздохом неуголенной мести:

— Эх, не удалось мне посчитаться с тобой. Да и ладно. Очень неплохо твоя дочка учится.

Отец тогда гордился мной, я знаю.

Отец, отец... Много-много лет тебя уже нет, а у меня — свои взрослые дети. Только теперь я по-настоящему понимаю силу и надежность отцовской любви. Как детям не хватает отцов, когда они уходят! Особенно навсегда...

(Окончание следует)

В

ВЕЛИЧКОВСКАЯ Анна Николаевна (псевд. Волкович, А.Н. и др.; 1854 —?), публицистка, писательница и драматург.

«Брачный вопрос как детский вопрос». СПб., 1908; «Но то был сон!..» СПб., 1908; «Бога ищут. (Из суд. хроники). СПб., 1909; сотр. в «Заре» (1905). Под псевд. Волкович-Вель, А.Н. — в «Ниве» (1905, № 43), в «Родине» (1907) и др. изд., а также «Анчар (из переписки одного гимназиста). СПб., 1913; «Черви» (Из письма)» — «Женское дело», 1900, № 3. О ней: Писатели современной эпохи. М. 1928.

Масанов; Венгеров. Источ.

ВЕЛЬЕГОРСКАЯ А.М.

(Сватовство Гоголя). — «Ист. Вестн.», 1914. № 10. С. 197, 198.

ВЕЛЬТМАН Елена Ивановна (урожд. Кубе; 1816 — 1868), прозаик; жена прозаика и поэта А.Ф.Вельтмана.

Став женой разностороннего литератора, была ему помощницей во всем и конечно же взяла на себя все заботы по дому. По собственному признанию, смотрела на мир глазами мужа. Была центром кружка, собиравшегося на их «четверги». Проза самой В. поднимала проблемы брака и семьи, неравенства женщин, но в ней заметен романтический налет и известное влияние творчества Ж.Санд. Главное произведение В. — историч. ром. «Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой» (отд. изд. СПб., 1867). Основанный на тщательном изучении источников, ром. достоверно воссоздает картину жизни Европы и России кон. XVI — нач. XVII веков. Авт. «Азбуки и чтения для первого возраста» (ч. 1-2, М., 1862); очерка-путеводителя «Святыни и достопамятности Моск. Кремля» (М., 1865, 1873). О ней: Акутин Ю.М. Загадка Елены Кубе // Наука и жизнь. 1976. № 6.

Русские писатели (семейное фото); Слов. рус. писательниц; Масанов; КЛЭ, т.9; Венгеров. Сл.

ВЕЛЬЯМИНОВА Мария, переводчица.

Работала вместе с мужем А.Вельяминовым, подписывая переводы «М. и А. В.» Пер. с

франц. «Остаток человеколюбия во Франции, или Анекдоты республики». Ч. 1-2. М., 1798-1799. На титульном листе ч. 2: Пер. с франц. Д.М.В. Криптоним расшифровывается: девица Марья Вельяминова.

Сводный каталог; Масанов.

ВЕЛЬЯМИНОВА-ЗЕРНОВА Анисья Федоровна

(См. Кологривова, А.Ф.)

ВЕЛЬЯШЕВА Е.П., стенографистка в 1900-е гг.

Авт. «Схема упрощенной силлабической методы стенографии, составленной и примененной к европейским и восточным языкам, с изображением шрифтов европейских и восточных языков в применении к этой методе». М., 1903.

Венгеров. Источ.

ВЕЛЬЯШЕВА Надежда (урожд. Горлова), переводчица 1900-х гг.

Венгеров. Источ.

ВЕЛЬЯШЕВА София, писательница 1850-х гг.

Слов. рус. писательниц; Венгеров, Источ.

ВЕЛЬЯШЕВА-ВОЛЫНЦЕВА Анна Ивановна, поэтесса и переводчица.

Сестра П.И. Вельяшевой-Анненковой (см). Из старинного дворян. рода. Ее сестра и брат тоже были переводчиками. (См. И.Ф.Мартынов. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С.66). Пер. с франц. «Историю бранденбургскую с тремя рассуждениями о нравах, обычаях и успехах человеческого разума, о суеверии и законе, о причинах установления или уничтожения законов» соч. короля прусского Фридриха 11. М., 1770; пов. Мадлен Гомес «О графе Оксфордском и о миладии Гербии» СПб., 1764. Писала стихотв., о кот. упоминает Новиков в своем Словаре. Упом. в очерке Ал. П. Чехова и А.П.Буниной («Ист. Вест.» 1895. № 10. С.170). Уч. в изданиях Н.И.Новикова.

Слов. рус. писательниц; Венгеров, Источ.; Сводный каталог.

(Продолжение на стр. 25)

Вера ОХОТНИКОВА

* * *

Здесь не убавить, не прибавить.
За безупречностью штриха
нет никаких особых правил,
которым следует рука,
одушевляя лес и камень,
давая волю голосам
в российской безграничной раме,
где верят слову и слезам.

* * *

Так много зелени, что чернозём
оттенком красноватым отливает.
Я вижу столь привычный окоём –
нечёткая волнистая кривая –

граница бытия с небытиём,
или вот так – поэзии и прозы,
где мы с тобою жили и живём,
решая бесконечные вопросы:

любовь и нелюбовь, отцы и дети...
Вопросы есть – ответов нет как нет.
А мы с тобою живём на белом свете,
сгорая в красном земляном огне.

* * *

Листопадом болеют леса,
им пожары высокие снятся.
Скоро солнце в четыре часа
будет месяцем новым сменяться.

Скоро снег повелит привыкать
к тёплой куртке, перчаткам и шапке.
Листопадом утешусь, пока
золотисто, и зыбко, и зябко.

* * *

Где кончается дождь,
появляются новые звуки,
разливаются сплошь
акварелью оттенки разлуки.

На щеках и плаще
высыхают до капли печали.
Не припомнить, зачем
эти капли звучали вначале.

Ты по лужам идешь
и, возможно, их не замечаешь.
И сегодняшний дождь
почему-то за счастье считаешь.

Вера Александровна Охотникова закончила Нижнетагильский худграф, живет и работает в г. Верхнем Тагиле преподавателем живописи в школе искусств. Первый поэтический сборник «Божественный след» вышел в 2005 году. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Арион» и «Московский Парнас».

* * *

Банальный снег, банальный дождь,
обычная словесность,
которая не бросит в дрожь –
всё пресно, пресно, пресно.

Банальный всхлип, банальный взгляд
и запахи съестные.
Вещей банальных целый ряд
и рифмы прописные.

Банален день, банален год.
И всё вокруг банально.
Но, впрочем, вот – любимый кот
мурлычет гениально.

* * *

Мелькание листов,
теней полупрозрачных,
где призрачно-пустой
мерещится вчерашний

день, что забрал себе
неповторимый запах,
неповторимый цвет
ещё незрелых злаков,

порхание огней
крылатых однодневок,
печаль столетних пней
и смех влюблённых девок.

* * *

Умирает от счастья округа,
небо звёздам доверило взгляд,
и дождя бессловесная ругань
поутихла в густых тополях.

Погляжу, как в недвижимой луже
оживает Медведицы ковш,
и покажется странною суша,
по которой как будто плывёшь,

продвигаешься ближе к надежде,
к берегам той неясной реки,
где, как прежде, как прежде, как прежде,
всё любовью полно, вопреки...

* * *

Над головою
мгновенье сухим листком
играет со мною,
потом ложится ничком.

Едва ли замечу
возню жидконогих жуков,
но чувствуют плечи
ветренный голос веков.

А дальше, над лесом,
где скалы отмыли бока,
тысячелетья
молчат и глядят свысока.

* * *

На выдохе последних дней,
когда болезнь возьмёт в объятья,
предложит ложе из камней,
все станет проще и понятней;

воды из чайника попей,
облокотись на подоконник,
увидишь: круглый воробей
ворует крошки на балконе...

* * *

Каждый день проявляет по-разному
море Чёрное норов крутой:
то лизнёт обнажённого праздного,
то пловца захлестнёт с головой,

напугает внезапно медузою,
повыносит огромных коряг
и завяжет любовными узами
отдыхающих в этих краях,

между волнами спрячет волнение,
перемоем столетнюю пыль,
оставляя на сердце сомнения:
то ли небыль с тобой, то ли быть...

* * *

Вижу: розовые блики
проступают на воде,
гулкие ребячьи крики
провожают знойный день.

Возвели мальчишки башню
из песка, на палке флаг.
Превратится в день вчерашний
на восходе этот знак.

Превратится в грош бесценный
этот вечер золотой.
А сейчас обыкновенный.
И, прикрыв глаза рукой,

весь – от мала до велика –
загорающий народ
всё глядит на эти блики,
и глядеть не устаёт.

* * *

Умирает от счастья округа,
небо звёздам доверило взгляд,
и дождя бессловесная ругань
поутихла в густых тополях.

Погляжу, как в недвижимой луже
оживает Медведицы ковш,
и покажется странною суша,
по которой как будто плывёшь,

продвигаешься ближе к надежде,
к берегам той неясной реки,
где, как прежде, как прежде, как прежде,
всё любовью полно, вопреки...

* * *

Здесь не убавить, не прибавить.
За безупречностью штриха
нет никаких особых правил,
которым следует рука,
одушевляя лес и камень,
давая волю голосам
в российской безграничной раме,
где верят слову и слезам.

* * *

Смотрю на ребяташек – сочиненье
им по картине задано писать.
А солнце разыгралось, и тетрадь
у многих даже не открыта.
Поленом не изгнать весенней лени –
мне тоже неохота их ругать.

Открою окна, буду вспоминать.
Семидесятый год. Апрель – дыши досыта!
Наш одноногий фронтовик-учитель
урок литературы проводил
на берегу. Он костыли сложил,
свернул свой плащ, присел, задачи обозначил...

А мы вокруг носились, как могли,
под грохотание плывущих льдин,
про сочиненье позабыли, не иначе.
Такой же, помню, день хороший был.

Вячеслав МИХАЙЛОВ,
фото автора

ПАМЯТНИКИ СВЕРДЛОВСКА-ЕКАТЕРИНБУРГА

На ул. Первомайской, 16, в 1964 г. установлена мемориальная доска – в память о декабристах, останавливавшихся на отдых на почтовой станции (ул. Толмачева, 27). Авторы – архитектор В.Г. Кусенко, скульптор – В.Е. Егоров.

Памятник-мемориал скорби и славы установлен в 2002 году на площади в районе Компрессорного завода. На памятнике слова А.А. Ахматовой: «Для славы мертвых нет».

В 2000 году на проспекте Ленина 79а установлена мемориальная доска: «В этом доме с 1946 по 1985 год жил выдающийся создатель артиллерийского и ракетного оружия дважды Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, основатель и Главный конструктор ОКБ, новатор Лев Вениаминович Люльев». Л.В. Люльев (1908–1985) работал на машиностроительном заводе им. Калинина с 1934 по 1985 г., о чем свидетельствует мемориальная доска, установленная на здании Заводоуправления.

Окончание. Начало в № ??

Памятник Б.Г. Музрукову (1904–1979), директору «Уралмашзавода» с 1939 по 1947 г. установлен на площади Первой пятилетки в 2004 году.

Памятник участникам ликвидации последствий аварий и ядерных катастроф установлен в парке Дворца молодежи 26 апреля 2000 года. Автор – Б.А. Демидов. На основании памятника надпись: «Остановись, задумайся, вспомни и не допусти».

Памятник сотрудникам Управления внутренних дел Свердловской области, погибшим при исполнении служебного долга, установлен на территории спортивного комплекса «Динамо» ориентировочно в 2000 году. Автор памятника неизвестен. На постаменте надпись: «Вечная память сотрудникам органов внутренних дел, погибшим на боевом посту».

Памятник погибшим пожарным, выпускникам Уральского государственного института противопожарной службы, установлен на ул. Мира, 22, на пересечении ее с ул. Первомайской в 2004 году, к 75-летию основания Свердловского пожарно-технического училища.

Памятник А.П. Банникову (1895–1932), организатору и руководителю Уральского завода тяжелого машиностроения, установлен на площади Первой пятилетки.

В память о боевых действиях Советской Армии в Афганистане на Московском тракте, вблизи автобусной остановки «Новомосковская», установлен вертолет – боевая машина, принимавшая участие в боях в Афганистане.

Памятник спортсменам-биатлонистам установлен на территории учебно-спортивного комплекса «Динамо», расположенного на 10-м километре Старомосковского тракта.

Памятник 37-му Екатеринбургскому пехотному полку установлен в 2005 году на проспекте Ленина, напротив музея камнерезного и ювелирного искусства. Автор – архитектор А.А. Новиков.

Памятники юмористического плана установлены у здания старого железнодорожного вокзала к 125-летию основания Свердловской железной дороги. Дежурный по станции, Путевая обходчица, Проводница, Пассажиры, Ремонтники путевого хозяйства.

У главного учебного корпуса УГТУ-УПИ установлен памятник Героям Советского Союза, работавшим или учившимся в УПИ.

Мемориальный комплекс в честь 60-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне установлен в 2005 году на площади Обороны. Автор – скульптор Г.А. Геворкян.

В 2006 году на ул. Вайнера установлен комплекс памятников: Друзья (Кузнец, лошадь и собака), Коробейник, Влюбленные, Банкир.

Рядом с магазином «Пассаж» в 2006 году установлен памятник Е. Артамонову. На основании памятника надпись: «Изобретатель велосипеда Ефим Артамонов. 1800 г.».

Памятный знак на месте расстрела последнего русского царя и его семьи установлен у Храма-на-крови и крест на горе Татищева.

Памятник В.С. Высоцкому (1938–1980), известному поэту, артисту, установлен в 2006 году на ул. Красноармейской, у здания торгового комплекса «Антей».

Мозговой штурм

Обычный офис. Только здесь непривычно темно и как-то неряшливо. На столах тут и там разбросаны бумаги, листочки, скрепки, карандаши, непонятный мусор, не поддающийся идентификации. Донышками кружек проштампованы крышки столов. Кое-где получились чуть ли не олимпийские кольца. На клавиатуры вообще больно смотреть. Ладно, они хоть чёрные. И вообще, чёрный цвет в офисе преобладает. Чёрные стулья, чёрные «мышки», чёрные мониторы, перегородки тонированные, тёмные. Мрачно.

Две комнаты. В маленькой гнездится шеф. Сейчас его нет, он на совещании. В общей сидят все остальные. Ближе к входной двери приставлены друг к другу два стола. За ними трудятся Найджел и Кристоф. Майк сидит у противоположной стены напротив. У него отдельный стол, побольше — он дольше всех здесь проработал. У Романа ещё нет стола, он только появился. Первый день.

— У тебя, наверное, от всего этого голова идёт кругом? — спросил Майк, покачиваясь на стуле.

Роман в задумчивости растирал горло.

— Честно говоря, до сих пор прийти в себя не могу.

— Ничего. — Майк белозубо улыбнулся. — Работа специфичес-

кая, но, если котелок варит, справишься.

Новичок с сомнением оглядел комнату.

— Ты русский? — спросил Майк.

— Да.

— У нас русских мало. Они в основном в технических службах. Из Москвы?

— Нет. Только про медведей меня не спрашивай, ок?

В кабинет влетел шеф. Пронёсся по комнате и к себе. Майк пристынул.

— Готовься, — Майк посмотрел на Рому. — Щас отымеет так, что жопа будет дымиться.

— Все в переговорку! — заорал шеф.

— Пошли, — Майк поднялся.

Роман двинулся за ним. Найджел и Кристоф пристроились в хвосте.

— Давно тут? — спросил Рома.

— Прилично, — с достоинством ответил Майк. — Здесь долго не задерживаются. Горят на работе, — он многозначительно улыбнулся. — Меня в прошлом году хотели к телевизионщикам перевести, да Фальстом не дал. Который год уже у него сижу.

— Ценит?

— Думаешь, он скажет? Живой, и то хорошо. Я из стариков один остался. Какое-то время вообще один работал. Пока Найджел не пришёл. Кристоф-то у нас недавно...

— Он француз? — Роман кашлянул.

— Не, бельгиец. Но ничё, прикольный чувак. У него своё агентство было. Дизайном порносайтов занимался.

— Тогда почему он здесь?

— Да хрен его знает. Я чё-то не спрашивал.

Шеф уже сидел в переговорке, разложил перед собой бумаги и смотрел зверем. Ребята сели перед ним.

— Найджел, дверь закрой, — сказал Фальстом и обвёл всех багровым взглядом. — Так.

Все притихли. Повисла нехорошая пауза. Роман пытался совладать с приступом кашля.

— Как вы знаете, я только что был на совете директоров, — прогремел шеф. — И по полной программе получил за работу нашего отдела... — Он сделал ещё одну красноречивую паузу. — Мне надоело выслушивать, что моё подразделение работает хуже всех. Мы уже третий год по результатам на последнем месте. И что? Вы думаете, это так всегда будет продолжаться?

Все молчали. Он подался вперёд.

— Что молчите? А? — Он стал наливать краской. — Хоть одну нормальную идею вы родили за последнее время? Это, мать вашу, не торговля вибраторами. Потеть

Леонид Александрович Андронов родился 6 июня 1975 года в Свердловске. В 1996 году окончил Уральский государственный экономический университет по специальности коммерческая деятельность. В настоящее время работает директором.

Писать начал с 12 лет, чем и занимается по сегодняшний день. Предпочитает писать фантастику о людях — для Леонида первичен человек и его реакции в фантастических обстоятельствах. Участвовал в разнообразных литературных конкурсах. Рассказ «Коллекционер сновидений» опубликовался в сборнике «Аэлита/Новая волна».

не надо, только думать. А вы что? Забыли, что ли, как вас сюда брали? Ты забыл, Кристоф?

— Нет, — Кристоф опустил глаза.

— Я не слышу.

— Нет, — громче сказал тот.

— Как валялся в ногах у эрцшурера, умоляя не отправлять туда, где тебе самое место. Забыл? Снова тебе устроить экскурсию туда?

— Не надо. Я помню.

— А ты, Майк? Что ты ухмыляешься? Ты что, думаешь, раз ты когда-то там что-то придумал, ты пожизненный герой?

Майк помрачнел.

— Я не что-то там придумал.

— Что ты там вякнул? — Фальстом сдвинул брови. — Тоже на экскурсию захотел? Так я устрою, ты не сомневайся. Вон у нас Роман как раз на днях туда едет, так что отправись с ним.

Майк покраснел.

— Я...

— Поздно, дорогой. Доулыбался. — Он перевёл дыхание. — Все отделы как отделы. У всех прорывы. Идеи фонтанируют как сперма в немецкой порнухе. Слушаешь, не нарадуешься. Наладить обмен порнухи на фотки убитых иракцев придумал пацан, который работает у интернетчиков всего месяц! Каково, а? А вы тут сидите, штаны протираете! Говнюки!

Парни сидели, опустив головы.

— Мне плакать хочется, когда я слышу, как работает Интернет-отдел. Посмотрите, как они чётко отслеживают вкусы потребителя. Всё чётко, сегментировано. Любишь пидоров? Пожалуйста. Детское порно? Вот ссылка. Нравится смотреть, как лижут колготки? Нет проблем. Красота! И при этом в каждом разделе несколько фото из других разделов. Всё сделано, чтобы человек развивался! Вот это маркетинг! А у нас?

— Работал бы я у них, я бы тонну таких идей предложил, — обиженно сказал Кристоф.

— Там таких гениев, как ты, двести человек. И все работают, стараются. Пердят от напряжения! Выискался тут умник! Кто тебя туда взял? Ты тут-то ни хера сделать не

можешь. Да и кем ты себя возомнил? Биллом Гейтсом? Рисовать каждый может.

Кристоф посмотрел на него исподлобья. Фальстом покачал головой.

— Как развивается телеотдел! Проекты один другого краше. Короче, так. Я с вами, дегенераты, разговариваю в последний раз. Если к пятнице у меня не будет хотя бы одной приличной идеи, с прописанным планом, проектом бюджета и тому подобным, вы, говнюки сраные, будете уволены, понятно.

— Разрешите сказать, — поднял руку Найджел.

— Да, — шеф перевёл на него тяжёлый взгляд. — Говори.

— Не считите мои слова наглостью. Но я всё-таки хочу заметить, что мы работаем в очень узкой области.

— Да что ты говоришь?! Видимо, я не знаю.

— Пожалуйста, дослушайте меня. Почта — это всё-таки не телевидение...

— Так, — прервал его начальник. — Если я ещё раз услышу такие разговоры, хоть от кого, пощады не ждите. Меня не волнует, что ты там думаешь про канал коммуникации. Если он есть, он должен работать! Дискуссии окончены. Срок — пятница.

— Да, — протянул Рома. — Не хило.

Они шли по коридору. За стеклянными дверями тянулись бесконечные отделы.

— Не говори, — согласился Майк. — Отымел на славу.

— На экскурсии страшно?

Майк посмотрел на него и серьёзно ответил:

— Жутко.

— Огонь, черти?

— Да какое там! Это всё сказки для идиотов. Там полный копец. Полнейший.

Они вернулись в отдел.

— Ну что? — Майк посмотрел на коллег. — Сразу засядем за штурм или будем ждать до четверга, чтобы уж наверняка?

Найджел плюхнулся в кресло и задрал ноги.

— Есть виски или водка?

— Фальстом позавчера всё выпил, — ответил Кристоф.

— Ну дык чё, парни? — повторил вопрос Майк.

— Дай нам отойти, — попросил Найджел.

— Да, пистон был хороший, — протянул Кристоф. — Долго не забудется.

— Да ладно вам, — махнул рукой Майк. — Каждый раз так.

— Удивляюсь, как вы вообще после этого работаете, — усмехнулся Рома.

— Так и работаем, чё делать? — ответил Найджел.

— Мотивации никакой, — вздохнул Майк. — Блин, достался же в начальники дегенерат!

— У других лучше? — спросил Рома.

— У нас у одних такой дебил, — ответил Найджел. — Я вообще не понимаю, как его ещё держат?

— Какой начальник, такой и отдел, — сказал Кристоф.

— Ты бы видел Прайса, — сказал Майк. — Он шеф развлекательного отдела у телевизионщиков. Приятный человек. Умный. Поговорить с ним можно.

— Что ж он тут делает такой? — засмеялся Рома.

— Ну, как и все, не ангел. Педерастия, совращение малолетних. У них там это дело привычное.

— А я слышал, он какого-то мужика завалил, — сказал Кристоф.

— Да какая разница! Все мы тут... Помолчали.

— Мне ничего в голову не приходит, — пожаловался Найджел. — Действительно ведь, ничего не можем родить.

— Тема неблагоприятная, — сказал Кристоф. — Ещё бы в сельское хозяйство нас засунули.

— Не согласен, — возразил Майк. — А генетически модифицированная еда? А программа по борьбе с голодом в Африке? Хорошие идеи. Вот бы нам что-то такое. Или мы не маркетологи совсем? — он улыбнулся.

— Почта, почта, почта, — Роман стал соображать. — Где мой стол?

— Вон, садись в угол, — Майк махнул рукой. — Давайте все пока накидаем идеи у себя. Через час сядем и обсудим.

— Эх, погулять бы щас, — мечтательно вздохнул Кристоф.

— Кто тебя выпустит? — Майк укоризненно посмотрел на него. — Сиди давай, думай.

Через полчала Рома посмотрел на парней.

— Ну что? Как с идеями?

— Туго, — Майк потянулся.

— Что-то не прёт сегодня, — сказал Кристоф. — А где этот?

— Кто? — Майк поднял на него глаза.

— Фальстом.

Майк пожал плечами:

— На совещании каком-нибудь.

— Сегодня же понедельник, — пробормотал Найджел. Он сидел в наушниках и топал в такт музыке ногой. Музыка была быстрая.

— А где здесь спят? — спросил Рома.

Они обернулись на него. Найджел даже снял наушники.

— Он чё, первый день, что ли?

— Ну, первый, — ответил Рома.

— Охереть! — Найджел снова надел наушники.

— Роман, тут не спят, — сказал Кристоф.

— Вообще?

— Вообще. Здесь всё по-другому, родной! Это ад, чувак. Ад.

Все уткнулись в мониторы. Сосредоточены. Только слышны нервные перестукивания по клавишам. Майк печатает быстро, дробью. При этом легко. Ему бы за рояля, пассажи наигрывать. Кристоф, наоборот, долбит по клавиатуре так, что она едва не трещит от его ударов. Найджел грызёт ручку и топает ногой в такт музыке.

— Найджел, перестань топтать, — попросил Майк. — Мешаешь.

Тот покосился на него.

— Что ты там хоть слушаешь? — спросил Кристоф.

— Slayer.

Кристоф брезгливо поморщился:

— Кал!

— А ты в своей Бельгии что-нибудь кроме Скутера вообще слушал?

— Пошёл в жопу, Найджел!

— Тихо вы! — попытался успокоить их Майк.

Замолчали. У Ромы икнула аська.

— Тук-тук.

— Тук, — ответил Рома.

— Ты кто такой, Рома? — спросила Бьянка.

— Чел, — ответил он.

— И я чел, — ответила она. — Как у тебя дела?

— Не очень.

— Почему?

— Да так.

— Я тебя не отвлекаю?

Он спохватился.

— Нет-нет. Я даже рад, что можно поговорить с нормальным человеком. Ты давно здесь?

— Здесь?

Он не решился уточнить. Вместо этого написал:

— А почему имя итальянское?

— Какое дали.

— Бьянка — значит белая?

— Аха! Я как пушинка, белая и лёгкая.

— И что ты делаешь?

— Парю.

— Паришь?

— Ну да.

Он улыбнулся.
 – Значит, ты свободна?
 – Канешна. Все свободны, Рома.
 – Вы?
 – Мы. Ты тоже.
 В кабинет зашёл Фальстом. Рома на всякий случай вырубил аську.
 – Роман, зайди, – позвал шеф.
 Рома поднялся и прошёл к нему в кабинет.
 – Садись.
 – Спасибо.
 Шеф поднял на него глаза.
 – Здесь спасибо говорить не принято.
 – Понял.
 – Так, ты у нас первый день, – Босс посмотрел в компьютер. – Я поговорил с твоим эрцшурером. Он до конца недели готов подождать. В субботу поедешь на экскурсию. Ну, это при условии, что вы в пятницу представите мне хорошие идеи.
 – Понятно. Мы живём здесь?
 – А ты думал, я тебе пентахаус сниму?
 – Вы бы мне рассказали, что здесь и как, а то я пока плохо ориентируюсь.
 – Вот в пятницу и расскажу. Если будет в этом смысл.
 – Хорошо.
 – Ещё есть вопросы?
 – Мы готовим предложения только по своему рынку?
 – Да. Только по нему. Почта, логистика. Мне нужен прорыв. Предложишь хорошую идею, займёшь место Майка.
 – А Майка куда?
 – Куда надо. Всё понял?
 – Да.
 – Пошёл.

Рома вернулся к компьютеру.
 – Почта, почта, почта... Ничего в голову не лезет.
 Фальстом бросил, проходя мимо:
 – Думай, думай. Хорошенько думай! – И вышел из офиса.
 – Ну что, может, поделитесь идеями? – крикнул Майк.

– Да не густо их, – отозвался Кристоф.
 – Хреновые вы криейторы! – засмеялся Майк.
 – Сам-то!
 – Ладно, давайте я, – сказал Рома.
 Все развернулись на стульях.
 – В порядке бреда, – предупредил Рома.
 – Говно вопрос, – хмыкнул Майк.
 Рома прокашлялся.
 – Первое. Можно изобрести такую упаковку для бандеролей, чтобы она не пропускала запахи. Можно будет наркоту в ней пересылать или уши отрезанные.
 Парни заржали.
 – А как ты это обоснуешь? – хмыкнул Найджел.
 – Погоди, – остановил его Майк. – Это потом придумаем. Пока идеи в чистом виде нужны. Давай дальше, Рома.
 – Можно клей для марок сделать ядовитым.
 Они снова заржали.
 – Соображает! – Кристоф подмигнул Найджелу.
 Рома продолжил:
 – Ещё про клей. Часто так бывает, что люди конвертом пальцы режут.
 – Разве? – удивился Майк.
 – Да. У вас такого нет?
 – Нет. Но идея хорошая. А какой частью они режутся?
 – Той, где нанесён клей.
 – А. Ну, нормально, если клей ядовитый, – он кивнул. – Что-то ещё?
 – Пока всё.
 – А у вас? – Майк повернулся к Найджелу.
 – Можно на конвертах нанести такой рисунок типа орнамента, чтобы при беглом взгляде возникло слово «Неудачник!»
 – Клёво!
 – Слова могут быть любыми. «Тебе изменяет жена». «Ты прожил зря» и так далее.
 – Это я понял, – кивнул Майк. – А ещё есть что-нибудь?
 – Да. Конверты из аллергенной бумаги делать.
 – Недурно. Ещё?
 – Нет пока.

– Ты, Кристоф?
 – Я ничего не придумал, – признался тот. – Зато смотрите, какую я бабу нарисовал.
 – Кристоф! – Майк выпучил глаза. – С ума сошёл? Ты её потом Фальстому, что ли, показывать будешь? Или сразу эрцшуреру?
 – Я тебе уже говорил. Не могу пока ничего придумать! – обиженно ответил тот.
 – Ладно. Хрен с тобой. Теперь я, – сказал Майк. – У меня, правда, тоже не густо. Итак. Директ-мейл порносайтов. Банально, но почему-то никто из нас до этого не допёр. Ямайские рождественские открытки с марихуаной. Вместо ёлки – ганджубас в мишуре. Текстильщики везде его пихают, почему бы нам такое же не делать?
 – Клёво, – одобрил Найджел.
 – Давно пора, – кивнул Кристоф.
 – Открытки вообще можно любого содержания делать. Пропаганда нетрадиционного секса, насилия. Будем через стойки бесплатных открыток распространять. Люди на халяву падки.
 – Только надо дизайн хороший сделать, – вставил Кристоф.
 – Кто о чём, а вшивый о бане, – усмехнулся Найджел.
 – Вот ты это и будешь курировать, если что, – сказал Майк.
 – Я уже представляю макет. Шашлык из младенцев, прикольно? – Кристоф округлил глаза.
 Найджел заржал.
 – Зажаренные, что ли?
 – Нет, просто проткнутые. На шампуре.
 – Круто, – кивнул Найджел. – И луком их ещё посыпать.
 – Тебе нравится, Майк? – спросил Кристоф.
 – Да, да. Дай я продолжу.
 Рома закашлялся.
 – Так. Дальше. Что я писал? О, кстати! Открытка: «Ненавижу тебя!»
 – Хорошо, – кивнул Найджел. – Я бы маме такую послал.
 – Да, ещё! Директ-мейл с пробниками анаши. У меня сегодня день директ-мейла, – усмехнулся Майк.

— Всё свой белый порошок никак забыть не можешь? — покачал головой Кристоф.

— Ну а что! Зато какой эффект! — с гордостью сказал Майк. — Ладно, в целом неплохо. Покажем Фальстому, пусть выбирает.

— Ни фига, — сказал Найджел. — Не надо. Он же дегенерат. Он выберет самый хреновый вариант, а потом мы останемся виноваты.

— Так и будет, — согласился Рома.

— Ладно, посмотрим.

Ночь. Пацаны упали и лежат прямо на столах. Они не спят. Каждый думает о своём. Каждый один на один со своими грехами. Мониторы мерцают. Темно. Роман один сидит за компьютером и отрешённо раскладывает пасьянс.

— Тук-тук. Это я.

— Привет. Не спится?

— Неа. А ты что не спишь?

— На работе задержался.

— Опять грустный?

— Немного.

— А что так? :(

— Да... неприятности...

— Ты справишься. Я уверена.

— Не знаю. На душе тошно.

— Мало людей признаётся в этом.

— Прости. Я хотел сказать: «Всё ок!»

— Обычно просто болтают ни о чём.

— Удивляюсь, как ты до сих пор со мной общаешься. С таким.

— Да уже как-то надоело ни о чём разговаривать. Так ведь можно и всю жизнь прочесть. К тому же я вижу, что тебе действительно тяжело.

— Разве это видно?

— Боль сочитается через буквы ;)

— Спасибо.

И тут же поправился.

— Ой! Спасибо здесь говорить не принято.

— Не всё ещё потеряно, друг!

— Тебе легко говорить!

— Я ведь лёгкая, ты помнишь?

Пауза.

— Обещай, что не перестанешь писать.

— То есть?

— Ну... я понимаю, со мной не особо весело. Я мало шучу, всё время не в настроении. Обычно с такими девушкам неинтересно...

— Перестань. Всё нормально.

— Ты единственный человек, с которым я могу поговорить. Мне будет тяжело, если тебя не будет.

— Странный ты.

— Да.

Больше они в этот день не говорили.

С утра снова идеи. Рождественская тема вдохновила всех. Придумали образ сатаны в костюме Санта-Клауса. Накидали целую серию сюжетов по этой тематике.

— Нам вообще можно было бы как-то более концептуально подойти к образу сатаны, — говорил Майк, расхаживая перед пацанами, заложив руки за спину. — Давайте ширить мысли, ммм... мысли шире. Будем тиражировать его образ везде. Он же стильный мужик. Посмотрите, наши парни-имиджмейкеры так клёво постарались, что практически всеми он воспринимается как красавец-мужчина, в дорогом костюме, с нормальной причёской. Не то что бог. Дед в белом балахоне.

— Дык у бога-то, небось, и отдела такого нет, — заржал Кристоф.

— До сих пор своими крестами машут, идиоты, — отозвался Найджел.

— Вот и надо использовать наши преимущества. Будем обращаться к женской аудитории, — сказал Майк.

— Да, сатана мужик что надо. Бабам такие нравятся, — сказал Кристоф.

— Его так-то давно надо в рекламе одёжных брендов использовать, — добавил Найджел.

— Рома! — Майка осенила очередная мысль. — А почему бы нам не выпустить самоучитель по русскому мату? Пусть люди расширяют словарный запас. А то они никаких русских слов, кроме «Привет» и «Перестройка», не знают.

— Это не наша тема. Мы не издательский отдел, — возразил Найджел.

— Херня, — отмахнулся Майк. — Сделаем рассылку с рекламой брошюры. А потом выпустим её.

— В натуре, Майк, ты помешался на своём директ-мейле, — покачал головой Найджел.

— Рада тебя увидеть снова. Как дела? Лучше?

— Чуть-чуть.

— Ну вот! Всё ещё на работе?

— Агась.

— Интересная работа?

— Другой нет.

— А почему не меняешь?

— Не могу.

— Не можешь? Почему? Человечек — хозяин своей судьбы.

— Но не в моём случае.

— А по-моему, всегда.

— А ты представь, что я в аду. И что я сделаю?

Она помолчала.

— Я уверена, ты что-нибудь придумаешь.

— Я как во сне, Бьянка. Вокруг что-то происходит, я что-то делаю. Но всё это как будто понарошку. И в то же время я понимаю, что это не сон, не игра. Всё более чем реально.

— Ты должен верить в себя.

— Но это бесполезно!

— Выход есть. Я уверена.

— Конечно. Можно смириться, как-то подстроиться и жить. Вернее, существовать.

— А можно изменить действительность.

Он усмехнулся.

— Вот это действительно не-реально.

Помолчали.

— Ты думал о том, почему так получилось?

— Миллион раз.

— И что?

— А то, что уже поздно!

— Никогда не поздно, Рома!

— В аду уже поздно.

— Ты ещё не в аду.

Он огляделся.

— И то правда.

Четверг. Утро. Всё уже придумано, отобрано, просчитано. Осталось только написать, обосновать и оформить проект. Все четверо не в настроении. Сидят хмурые, друг на друга не смотрят. Майк бегают вокруг них.

— Давайте, вставайте. Сутки остались, а работы ещё дополна.

— Майк, дай в себя прийти, — застонал Кристоф.

— Потом будешь расслабляться.

— Да пошёл ты!

— Оставь его в покое, — сказал Найджел. — Большую часть сделали.

— И что, это значит, что надо сидеть?

— Что ты от нас хочешь? Мы и так как бобики пахали три дня без перерыва!

— Мы не успеем! — чуть не взвизгнул Майк.

— Всё мы успеем, если ты не будешь орать.

— Да пошли вы! Роман, помогай мне.

— Я не могу, Майк. У меня горло разболелось.

— Я ведь тебя не петь заставляю.

— Что ты хочешь?

— Давай ещё накидаем идей. Нам нужно что-то про запас.

— Перед смертью не надышишься, Майк, — Найджел пристально посмотрел на него.

— Не твоё дело! — огрызнулся Майк.

— Что ты психуешь, Майк? — удивился Кристоф. — Рехнулся совсем.

— Я не рехнулся, — ответил Майк. — Я хочу всё сделать нормально.

— А что мы сделали не нормально? — спросил Найджел. — Осталось только оформить.

Майк повернулся к нему.

— Фальстому нужен фонтан идей.

— Я слышал про одну хорошую идею к пятнице.

— Какие же вы, однако, бабраны! — Майк аж подпрыгнул на месте. — Вам что, в натуре хочется туда?

— Да всё равно рано или поздно окажемся там, — ответил Найджел.

— Не знаю, как вы, а я не собираюсь, — Майк пнул по стулу.

— Да тебя используют и выбросят, как дырявый гандон, — Найджел подался вперёд. — Ты не звезда, Майк. Ты для них мусор. Потому что все мы здесь мусор.

— Я не мусор!

— Перестаньте, — поморщился Рома.

— Майк, ты думаешь, что если ты будешь рвать жопу, что-то изменится? — Найджел прищурился. — Здесь не бывает поощрений. И карьерного роста, кстати, тоже. Ты работаешь «за спасибо», а спасибо здесь не говорят.

Он криво усмехнулся.

— И легче тебе не станет! Так и будешь сидеть здесь до скончания веков и высасывать из пальца такую же муть, как ту, что мы насочиняли.

— Это не муть!

— А что это?

— Это моя работа!

— Ха! Я поражаюсь этим людям! — Найджел покачал головой. — Готовы приспособиться к чему угодно! Он сидит в аду и воображает, что он на работе.

— Я ничего не воображаю!

— А что ты делаешь? Возомнил себя менеджером у Сатаны. Очнись! Ты раб, Майк! Ты сидишь здесь и выдавливаешь из мозгов говно, только потому, что боишься попасть туда.

— Что-то ты такое говно придумать не можешь!

— Да я особо и не стараюсь. Не в коня овёс. — Он сплюнул через плечо. — То, что для тебя творческий подвиг, для меня говно.

— А я вот думаю, что Фальстому будет наплевать, что вы про это думаете, — сказал Кристоф. — Если ему скажут, что это всё не работает, он спокойно отправит нас в самое пекло.

— Отправит и отправит, — отозвался Найджел. — Мне всё равно. А вот наш розовозадый друг боится.

— Да я боюсь. Потому что я там был!

— Все там были, — спокойно заметил Найджел. — Просто ты по-

чему-то думаешь, что попал сюда по несправедливости. Поэтому боишься сильнее, — он злорадно улыбнулся. — Так ведь?

Майк бросил в него скомканный листок бумаги.

— Что ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты заткнулся и перестал строить из себя начальника.

— А если я не заткнусь?

— Я тебя успокою, — пообещал Найджел.

Они столкнулись взглядами.

— Сделаю тебе подводку на оба глаза. И будешь ты у нас синеокая Мишель.

Майк бросился на него с кулаками. Найджел увернулся от удара и с силой дал ему под дых. Майк перегнулся пополам. К нему в задумчивости подошёл Кристоф и локтем ударил по спине. Майк повалился на пол.

— Чтоб не вонял, — сквозь зубы проговорил Кристоф. — Добавишь? — Он посмотрел на Романа.

— Он мне ничего не сделал.

— А я вот уже не могу его слушать, — улыбнулся Кристоф.

— Ну, суки, я вам это ещё запомню, — прохрипел Майк.

Найджел сел на корточки и приподнял его голову за волосы.

— Ты, Майк, наивный придурок. Думаешь, придёт Фальстом, ты ему что-нибудь про нас напоешь, и он нас тут же накажет? Что скалишься? Думаешь, я не понял, почему вдруг уволили Зака и Марио? Идиот! Как ты не понимаешь, что даже если мы тебя сейчас на кусочки изрежем, Фальстом нам ни слова не скажет. Потому что даже ему ты надоел.

Майк попытался дёрнуться. Кристоф стал пинать его ногами. Найджел вскочил и присоединился к нему.

— Скотч давай! — крикнул он Кристофу.

Они довольно быстро связали Майка и заклеили ему рот скотчем.

— Давай его в шкаф, —скомандовал Найджел.

— Погоди, — Кристоф с удовольствием пнул его ещё раз.

— Кристоф, успокойся, — попросил Рома.

– Помогай, – ответил тот.

– Сами с ним разбирайтесь, – Роман сел за стол и обхватил голову руками.

Коллеги с трудом затолкали Майку в шкаф. Закрыли дверь.

– Уф! – Кристоф вытер пот со лба. – Тяжёлый.

В кабинет зашёл шеф.

– Ну что, ублюдки? – спросил он добродушно. – Сделали хоть что-нибудь?

– Всё в порядке, – ответил Найджел. – Завтра всё покажем.

– Серьёзно?

– Да.

– Надо же! Чудеса педагогики. И что, там будут какие-то идеи?

– Будут, – заверил его Найджел.

– Ладно, посмотрим, – Фальстом достал из портфеля бутылку шампанского.

– У нас праздник? – спросил Кристоф.

– Да. Хороший день! – Шеф разлил шампанское в пластиковые стаканчики. – Берите.

Все взяли по стакану.

– Очередная попытка запретить производство противопехотных мин провалилась, – торжественно провозгласил Фальстом. – Так им, придуркам. А где Майк?

– В шкафу, – ответил Кристоф. – Медитирует.

– Будда под деревом, а Майк в шкафу, – усмехнулся шеф. – Ладно.

Он протянул руку со стаканом вперёд. Найджел и Кристоф поднесли к нему свои стаканы. Роман остался стоять.

– Роман, очнись, – позвал его Найджел.

– Что?

– Чекнись с нами.

– Он сегодня сам не свой, – сказал Кристоф Фальстому.

Роман натянуто улыбнулся и вытянул руку вперёд. Выпили.

– Давайте, согласуем время, когда вы сдадите мне отчёт, – сказал начальник. – Девять устроит?

– Вроде успеваем, – сказал Найджел.

– Хорошо. Вечером привезу вам водки.

– Ура!!! – закричали двое.

Ночь с четверга на пятницу. Парни нажрались до посинения и лежали, что-то бормоча. Роман снова примостился за компом.

– Ты говорил о какой-то работе, которую надо сделать к пятнице. Успел? – спросила она.

– Да. Чёрт бы её побрал!

– Поздравляю.

– Не с чем.

– Ты не доволен?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я... потому что меня трясёт от этого.

Он посмотрел на распечатку картинки с насаженными на шампур детьми. Кристоф сегодня подарил каждому по такой. Его стало тошнить. Он перегнулся через стул, но позывы прошли. Он схватил ризун и разорвал его на кусочки.

– Ау!

– Я тут.

– Всё нормально?

– Ничего не нормально!

– По-моему, твоя работа делает тебя несчастным.

– Зато я прекрасно укладываюсь в сроки!

– Почему ты не хочешь её поменять?

– Да не могу я! Даже если бы захотел, не смог.

– Как бы плохо ни было, всё возможно! Главное, решиться.

Он горько усмехнулся и посмотрел на шкаф, куда засунули Майку.

– Есть вещи, которые невозможно изменить.

– Я сама раньше так думала. Но теперь я знаю, что возможно даже такое, во что невозможно поверить. Главное, очень сильно захотеть и ничего не бояться.

– Я понимаю.

– Ты мне не веришь?

– Верю.

– Ты боишься?

– Ради чего, Бьянка?

– Это твоя жизнь, измени её хотя бы ради себя.

– Ради себя не буду.

– Тогда ради дорогих тебе людей.

– У меня их нет.

– Ради будущего.

– Боюсь, что мне совесть не позволит.

– ???

Пауза.

– Похоже, мне здесь самое место.

– А я думаю, ты достоин лучшей участи.

– Жаль, что я не познакомился с тобой раньше. Может быть, ты бы повлияла на меня как-нибудь?

– Мне не нужно на тебя влиять.

– Бьянка, я убийца!

– Что?

Через минуту.

– Я убил ребёнка.

– Ты шутишь?

– Нет. Разговор окончен, да?

– Что случилось?

– Случилось.

Пауза.

– Я не хотел этого... Нет. Хотел. И всё прекрасно сознавал. Я считал, что мы не готовы, проблем и без этого хватало, а он бы их только добавил. Да и, в конце концов, мы слишком молоды, ещё не успели пожить для себя. Кто нас торопит?

– А она?

– Мы поздно узнали. Даже слишком. Пока спорили, все сроки прошли.

– Она хотела ребёнка?

– Я настоял... Дал взятку врачу, он всё сделал.

Он посмотрел перед собой и снова застучал по клавишам.

– Она так переживала. Мы всё время ссорились из-за этого. Потом у неё начались осложнения. Она долго болела. Я... Я был с ней, пытался помочь, но что я мог сделать? Через некоторое время выяснилось, что она вообще больше не сможет рожать. И начался какой-то кошмар. Она перестала со мной разговаривать. Целый месяц ни слова! Это было невыносимо. Что бы я ни говорил, что бы не делал...

– И ты... ушёл.

Он ответил не сразу.

– Я не выдержал.

Пауза.

– А через два дня узнал, что она умерла.

Пауза.

– Тук-тук.

–

— Бьянка!
 — Я не знаю, что говорить.
 Я плачу.
 — Извини. Мне некому было это рассказать.
 Молчание.
 — Бьянка.
 — Не могу.
 — Прости.
 — Не извиняйся.
 — Не надо было говорить.
 Пауза.
 — Ты любил её?
 Он долго смотрел на расплывающиеся буквы.
 — Ты любил её? — снова спросила она.
 — Не любил бы, не повесился.
 Пауза.
 — Тук-тук?
 Пауза.
 — Тук-тук? Бьянка!!!! Тук-тук.

 Через некоторое время.
 — Рома.
 Он обрадовался.
 — Да, Бьянка.
 — Это ведь не твоё имя?
 — Мне дали его, когда я попал сюда.
 Она замолчала, написала не сразу.
 — Это навсегда?
 — Да.
 — Тебе страшно?
 — Не знаю.
 — Господи, зачем я написала тебе?
 — Прости, я не хотел. Мне действительно некому было это рассказать. Я не могу, я всё время думаю об этом. Если бы я мог что-то изменить. Если бы мог...
 Пауза.
 — Ребёнок должен был родиться мертвым, — прочитал он. — Это должно было стать испытанием для нас.
 — Это ты?
 Она отключила асю.
 — Ты?

Кристоф скатился со стола и хрюкал около кресла. Найджел положил голову на руки и что-то бормотал, Майк вывалился

из шкафа и лежал, уставившись в одну точку. Он не шевелился. Роман подошёл к нему, присел, с трудом отлепил скотч с его губ. Майк сделал глубокий вдох и закрыл глаза.

В открытом офисе шефа, на его столе, лежал аккуратно подшитый в толстой папке проект. Роман прошёл туда, сел в его кресло, пододвинул к себе папку, открыл её и стал листок за листком рвать отчёт на мелкие кусочки и сбрасывать их на пол. Дойдя до середины папки, он спохватился. Выбежал в комнату, стёр из всех компьютеров информацию и вернулся в кабинет Фальстома. К шести утра пол кабинета покрылся, как свежим снегом, хлопьями великого проекта демонизации системы почтовой связи.

А в половине десятого Романа передали эрцшуреру — ужасному существу, распорядителю того уровня ада, куда направляли самоубийц. Эрцшурер призвал ответственных за страдание, с Романа сдёрнули телесную оболочку и швырнули его душу в смрадную тьму, сквозь которую она должна была пройти, отяжелённая своими грехами, и опуститься на дно, где испытывала бы непереносимые страдания нескончаемое количество лет. Но, к удивлению эрцшурера и его свиты, душа замерла в воздухе, а потом стала подниматься вверх. Через какое-то время она исчезла.

А ещё через какое-то время три других души отправились в путешествие по миру страдания и боли. Фальстом рапортовал о том, что в результате саботажа проект был уничтожен, чем окончательно дискредитировал себя. Поэтому было принято решение об его увольнении. Что с ним стало дальше, никто не знает. Отделу почты нужны были свежие кадры, и очень скоро их нашли.

Готовится новый проект.

ВЕЛЬЯШЕВА-ВОЛЫНЦЕВА Пелагея Ивановна (?— 1810), переводчица.

Сестра А.И. Вельяшевой-Волынцева (см). Пер. с франц. ком. Луи де Буасси «Французы в Лондоне», изданную Н.И.Новиковым в 1782 г.; пер. драму Шарля Анри Лонгёя «Сирота аглинская», также изданную Новиковым в 1787 г.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ. (у него — Вельяшева-Анненкова); Сводный каталог.

ВЕНГЕРОВА Зинаида Афанасьевна (1867 — 1941), лит. критик, историк зап.-европ. лит., переводчица.

Сестра историка рус. лит. и библиографа С.А. Венгерова. Лит. интересы В. большей частью связаны с англ. лит. Она подолгу жила в Англии, слушала лекции в ряде брит. ун-тов; пер. на англ. язык произв. Л.Н.Толстого. Лит. деятельность В. направлена на развитие рус.-зарубеж. лит. связей. «Целым откровением» назвал В.Я.Брюсов ее ст. «Поэты-символисты во Франции». В серед. 1890-х гг. В. сближается с писателями, тяготевшими к символизму. Ее статьи сыграли определенную роль в становлении рус. символизма. В конце 1921 выехала в Берлин, сохранив сов. подданство. Сотр. в берлин. Доме искусств и в его «Бюллетенях», в ежедневной газ. «Накануне», в изд. «Скифы». В 1925-м В. вышла замуж за поэта Н.М. Минского, после его смерти уехала в США к своей сестре — пианистке И.А. Венгеровой. Излюбленный жанр В.-критика — статья-портрет, насыщенная биограф. подробностями, пересказом содержания. Наиболее значит. статьи собраны в 3-томнике «Литературные характеристики» (СПб., 1897-1910). Из 10 томов ее Собр. соч. вышел только 1-й — «Англ. писатели XIX в.» (СПб., 1913). В. перевела более 200 произв., в т.ч. К.Гамсуна, Я.Вассермана, М.Метерлинка, А.Франса, Б.Шоу, А.Шницлера и др. Ей принадлеж. первый перев. ром. Э.Войнич «Овод». Вместе с П.Морозовым под ред. А.Трачевского пер. ряд историч. романов Гауптмана, Мериме, Д.Аннунцио (1903). Пер. «Историю живописи в XIX веке» Р.Мутера; «Историю французской литературы» Г.Лансона, а с нем — кн. А.Риля «Фридрих Ницше как художник и мыслитель». Переводы В. всегда получали высокую оценку. В. авт. ст. «Феминизм и женская свобода». — «Образование», 1898, № 5-6. Напис. воспоминания о П.И.Вейнберге («Образование», 1901, № 12. С.93-101) и О.Н.Чюминой («Вест. Евр.», 1909, № 10, с.854-863). Сотр. в Энцикл. Брокгауза и Ефрона. О ней: Венгерова З.А. Автобиограф. справка. — В кн. «Русская лит. XX века (1890-1910)» М., 1914. Т.1. Кн.2. С.135-138 (портр).

Русские писатели (портр); КЛЭ; Масанов; ИДРДВ. ТТ.3,4 (ук. имен); Периодика...; Розанов.

ВЕНГЕРОВА Паулина Юльевна (1830 — 1920), писательница.

Мать литератора и библиографа С.А. Венгерова. «Воспоминания бабушки: Записки Полины Венгеровой». Пер. с нем. — «Новое слово», 1909, № 9, с.79-94; 1911, № 10, с.104-112 (переход сыновей автора — С.А. и В.А. Венгеровых в православие). В 2003 книга вышла в Москве на рус. яз.

ПД. Ф.39, 1658 ед.хр. 1849-1920. ИДРДВ. Т.5. Ч.2. № 363.

(Продолжение на стр. 72)

Ошибки и штампы в фантастике

[часть I]

Предисловие

Фантастика популярна — в книжных и видеомагазинах ей отведены самые большие разделы. По фантастическим романам снимают фильмы, пишут компьютерные игры и даже увековечивают их героев. Однако очень многие при одном слове «фантастика» презрительно ворочают нос — нет, ребята, не литература это. Почему?

Оставим в стороне фантастику бульварную, у авторов которой только одна задача: сшибить денег (с читателя или хотя бы издателя). Поговорим о фантастике как о разделе Большой Литературы, преследующей, хотя бы косвенно, цель — облагородить читателя, чему-то научить его, а не просто позволить убить время в электричке. Предположим, что автор владеет языком, прекрасно излагает свои мысли, замечательно строит сюжет и вообще выдает нетленку. Достаточно ли этого, чтобы сделать высококлассный фантастический текст?

Нет, не достаточно. Проблема в том, что для создания правдоподобного текста писателю-фантасту помимо обычных талантов нужно обладать еще и хотя бы приблизительным представлением о предмете: скажем, об астрономии, если пишешь о звездных войнах, или истории, если пытаешься ваять фэнтези. Ему требуется обладать хорошим логическим мышлением, позволяющим построить свой мир без единого логического противоречия... ну, или хотя бы без таких противоречий, что бросились бы в глаза читателю. И при всем при том его мир должен привлечь других.

Серия очерков, которую открывает данный выпуск, посвящена разбору наиболее типичных ляпов в НФ и фэнтези, сразу и безнадежно переводящих фантастический текст в разряд попсы. Сразу установим рамки, в которых будет проходить обсуждение. Вся современная научная и псевдонаучная фантастика оперирует понятиями из современной нам науки и техники, увешанными рюшечками для пушей футуристичности, либо просто устоявшимися чуть ли не с шестидесятых годов штампами. Именно поэтому разбор пойдет с позиций современной науки и с учетом современных тенденций (если таковые имеются). Разумеется, завтра может случиться новое эпохальное открытие — опровергнут, например, теорию относительности, и значительная часть приведенных ниже рассуждений потеряет всякий

смысл. Но принимать во внимание такую возможность мы не будем.

Итак, приступим.

Тема первая.

Компьютеры и прочий киберпанк

В последнее время в массовом сознании компьютеры превратились из загадочных недоступных устройств с неограниченными возможностями в едва ли не предмет ширпотреба. В результате пиетет перед ними практически утрачен, а для многих современных детишек (вроде моих племянников) настольный компьютер стал таким же привычным элементом домашней обстановки, как и телевизор. В результате процент людей, пишущих компьютерную (или просто с компьютерными элементами) фантастику, резко увеличился. При этом средняя квалификация пишущих, как ни прискорбно, резко упала. Более того, если поначалу авторы все же считали необходимым консультироваться со специалистами (хотя бы с фидошными, как Лукьяненко и Васильев), то теперь нет и такого. Научившись с грехом пополам нажимать на клавиши, разбирать строчки POST при включении компьютера и читать электронную почту с помощью Outlook Express, горе-писатели начинают уверенно описывать монструозно-всепланетные компьютерные сети, чудовищной мощи разумные суперкомпьютеры-искины и отважных умельцев-хакеров, не возвращающихся из набегов на Сеть без очередного секретного документа в клюве. Что весьма трогательно, из текста в текст кочуют штампы, зародившиеся еще в дремучих семидесятых, когда деревья, как и компьютеры, были большими, а киберпанк только-только набирал силу. Их сочетание с современными настольно-компьютерными элементами зачастую выходит весьма забавным. У некоторых авторов (вроде Тюрина) хватает умения и сообразительности описывать предмет, не вдаваясь в детали и отделяясь общими словами, придавая текстам хоть

Евгений Валерьевич Лотош в 1997 г. окончил магистратуру математико-механического факультета УрГУ. Ведущий инженер в компании «Quogus ACS», профессия — системная интеграция. Бессменный ведущий рассылки «Читаем с нами. Литературное обозрение» на Subscribe.ru. Критик, литератор.

какую-то достоверность. Другие же поддаются соблазну изобразить из себя специалистов в вопросах, в которых ничего не смыслят, в результате чего с умным видом порют несусветную чушь.

Здесь можно выделить следующие типичные ошибки и противоречия.

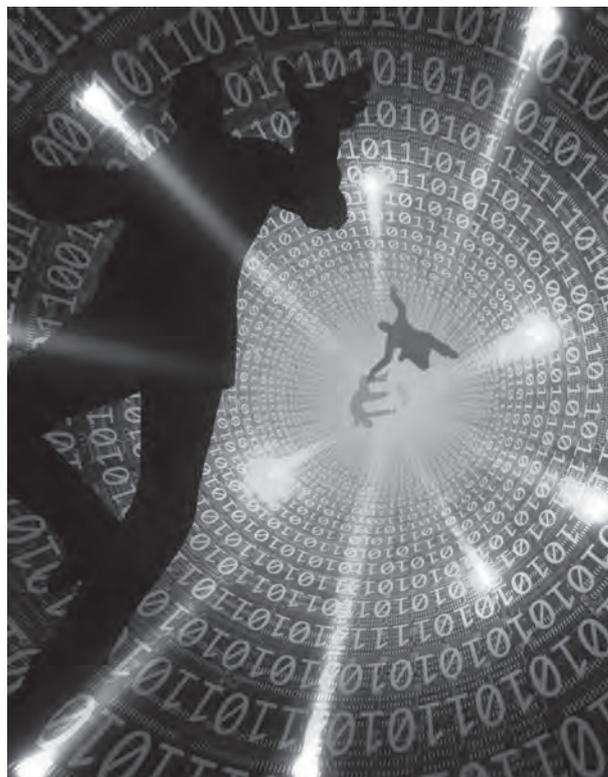
Информационные супермагистрали. Многие авторы любят описывать путешествия по Сети будущего, рисуя ощущения пользователя так, словно он перемещается по автомобильному суперхайвею в индустриальном пейзаже. Шоссе здесь — каналы передачи данных, пользовательские запросы сравниваются со светящимися «автомобилями», выстраивающимися в долгой очередь в заторах, а всевозможные Искусственные Интеллекты (ака ИскИны) и прочие банки данных высятся по сторонам дороги ярко светящимися или, наоборот, таинственно-затемненными громадами. Одним из первоочередных умений хакеров является умение мастерски маневрировать на этой магистрали, обгоняя улиток-юзеров и юркими тараканами протискиваясь в самые узкие щели.

Что не так?

Задумаемся над тем, откуда берутся эти визуальные образы. Для того чтобы нарисовать картинку, требуется некоторый объем информации. Если картину рисует человек, ему требуется выехать на природу с мольбертом и красками или хотя бы сконструировать ее в памяти по имеющимся воспоминаниям. Компьютер не телепат, и выполняющиеся на нем программы не могут получать данные о перегрузках каналов, размерах баз данных и прочих параметрах нечувствительным образом. Им требуется эту информацию откуда-то получить. Откуда? Да только из самой Сети. Это означает, что помимо действительно нужной информации (спецификации холодильника или скриншотов нового порнофильма) ваш компьютер должен постоянно получать огромное количество паразитного трафика со всех маршрутизаторов и прочих устройств, через которые имело несчастье пролечь соединение к конкретному серверу. Это означает, что вы платите (или тратите время соединения, что то же самое) за получение совершенно не нужных вам данных, превосходящих по объему полезную нагрузку. Вы это заказывали? Сомнительно. Существует масса способов наслаждаться компьютерной графикой за куда меньшие деньги. Получается, что такая система реализована исключительно ради удобства хакеров.

Другая сторона этой проблемы пользователю не видна. Она заключается в том, что вся эта пустая порода создает серьезные нагрузки на активное сетевое оборудование. Ни один владелец такого оборудования не реализует ее добровольно, разве что за очень отдельную плату. Необходимые для этого мощности куда выгоднее пустить на обеспечение потребностей новых (и даже старых) потребителей.

Наконец, еще один аспект — безопасность. Нет ни одной причины, по которой владелец ценного информационного ресурса стал бы демонстрировать потенциальным взломщикам реальное расположение и значимость своих серверов и баз данных. Тем более

вряд ли антихакерская защита стала бы демонстрировать себя взломщику в виде плотной стены тумана или стремительно приближающихся конструкций угрожающего вида. Даже сейчас администраторы многих автономных систем блокируют на границах своих владений служебный протокол, позволяющий получать самую минимальную информацию о путях и скоростях передачи данных (для знающих — фильтрация пакетов ICMP, в частности генерируемых командами ping и traceroute). Очень сомнительно, что в будущем требования к безопасности смягчатся или счастливые ресурсо-совладельцы станут глупее.

Немного умнее трактовка потоков пользовательских данных, как машин на шоссе. Современные сети передачи данных — пакетно-ориентированные. Если упрощенно, то запрос пользователя разбивается на части-пакеты, и эти пакеты путешествуют к цели назначения и от нее вперемешку с другими пакетами и даже, бывает, разными путями. При этом они перемежаются служебными данными, как принадлежащими данной сессии, так и чужими. Более уместной была бы аналогия информационных каналов с толстыми трубами, в которых вперемешку ползет разноцветная крупа. Кстати, один пакет может опередить другой только на маршрутизаторе («перекрестке»), отнюдь не на самом шоссе. Разумеется, есть системы (такие как сети ATM), которые реализуют сервис Quality of Service, обеспечивая приоритетную маршрутизацию определенных классов пакетов. Но этот сервис не является динамическим и настраивается на сетевом оборудовании администраторами. Пользователям (пусть и трижды хакерам) эта возможность недоступна.

Последний штрих к этому пункту. Каким образом хакеры умудряются за счет одной только ловкости об-

ходить другие запросы в заторах магистралей, если время путешествия пакета данных через половину земного шара занимает несколько десятых, а то и сотых секунды? Время человеческой реакции куда больше.

Теперь рассмотрим типичную ситуацию из киношного или текстового боевика. Хакер, в одиночку или в компании, вторгается в суперзащищенное здание (штаб-квартиру корпорации или жилище злодея), предварительно через Интернет (или его аналог), взломав охранную систему и отключив видеокамеры. После чего он ухватывается за первый же попавшийся ему под руку компьютерный терминал и начинает вершить свое черное дело. Вот тут-то и начинается...

Взлом паролей. О, это вообще песня. Каких только вариантов здесь не придумывают! То хакеры пользуются загадочными программами-«ледорубами» (термин, особенно любимый западными классиками киберпанка), то не менее загадочными кряклками (да простится мне кул-хакерский сленг), отображающими на экране окаймленный рамочкой пароль, в котором постепенно проявляются нужные цифры. А то хакер просто угадывает его с двух попыток...

Если вы улыбнулись, прочитав последнюю фразу, то совсем зря. На деле это и есть наиболее вероятный способ «взлома» — просто подбор пароля, при использовании некоторой известной информации об его владельце. Уж сколько раз твердили миру, что нельзя использовать в качестве пароля имя любимой женой таксы или не менее любимой тещи, ан нет — все равно пароли такого рода неистребимы. Однако для подобного взлома требуется знать массу информации личного свойства о конкретном человеке, а потому эта атака весьма адресная и в общем случае не сработает. Кроме того, в компьютерном мире есть еще и такой зверь, как права доступа, они же полномочия, на совершение определенных операций. Не имеет никакого смысла подбирать пароль дворника дяди Васи. Ценность имеет лишь информация о черной бухгалтерии банка, добраться до которой можно лишь с правами гендиректора или главбуха (к ней может не иметь доступа даже главный сисадмин фирмы). А пользователя в системе представляет «логин» (имя пользователя). И подобрать этот логин — задача не самая простая. В грамотно спроектированной системе обычно блокируются даже predetermined администраторские учетные записи. Так что затея с угадыванием пароля рискует провалиться еще до ее применения на практике.

В целом же взлом паролей методом подбора совершенно глуп. Эту атаку засечет и отсечет любая простейшая система защиты наподобие тех, что встроены в настольные операционные системы. Если же речь идет о системах, содержащих действительно важную информацию, защита, обнаружив перебор паролей, не только заблокирует терминал атакующего, но еще и сообщит об этом администратору сети на пейджер, вызовет ОМОН, пожарников и включит городскую систему оповещения о ядерной атаке.

Но как же быть с реальным миром? — скептически усмехнетесь вы. То и дело по телевизору, в газетах рассказывают про взломщиков, вскрывших Бэнк оф Америка или секретные серверы Пентагона. Перекреститесь и трижды сплюньте через левое плечо. Восемьдесят процентов всех взломов системы осуществляется изнутри корпоративной сети и представляет собой банальное злоупотребление служебным положением со стороны администраторов или доверенных пользователей. Из оставшихся процентов девяносто основывается на методах социальной инженерии, когда хакер хитростью выведывает учетные данные сотрудника компании (Кевин Митник — классический пример такого умельца). Из оставшихся двух процентов взломов подавляющее большинство на совести нерадивых администраторов, не позаботившихся прикрыть известные дыры в системе (связанные с ошибками программистов этих систем) или просто сменить пароль по умолчанию. И лишь единичные случаи успешных вторжений — дело рук настоящих профессионалов, долго и кропотливо изучающих данную конкретную систему и находящих в ней нетривиальные уязвимости. Но как раз о таких случаях в газетах (и книжках) ничего не пишут. Разве что десятилетие спустя появится книжка наподобие «Подполья» Дрейфуса, где описано, как хакер упер несколько десятков тысяч номеров кредитных карт Ситибанка, натолкнувшись в результате систематического сканирования на сеть этого банка, а в ней — на странный компьютер, совершенно добровольно вываливающий эти данные любому желающему.

На деле работа настоящего хакера нудна и занимает очень много времени. Снять о ней красочный фильм не выйдет при всем желании. И возможен взлом только до тех пор, пока хакеру противостоит человек — невнимательный, ошибающийся и непостоянный. Взломать таким образом защиту Искусственного Интеллекта невозможно, если только Интеллект носит это название заслуженно. Равно как невозможно в течение двух минут под шквальным огнем противника взломать вражескую компьютерную систему, независимо от квалификации взломщика и наличествующей у него аппаратуры.

Кстати, просто для справки. Взломать через Интернет секретные серверы Пентагона, ЦРУ или ФСБ не удастся никому и никогда. Они туда просто физически не подключаются. А хакнуть публичный веб-сайт пусть даже могущественной организации — невелика заслуга, и результат обычно не оправдывает риск. Помните анекдот? «Организация примет на работу хакера, резюме размещать на главной странице www.microsoft.com». Почему, думаете, не www.cia.gov и не www.fsb.ru?

В следующем выпуске мы продолжим исследовать компьютерные ляпы. На прощание — домашнее задание читателям: придумайте причину, по которой вы бы согласились ездить на автомобиле, в котором вместо обычных сидений смонтированы электрические стулья?

(Продолжение следует)

Анатолий КОЗЫРЕВ,
фото В.КРЫЩЕНКО и Ю.МАРИНА

Не с позиции «ГОЛОЙ ОБЕЗЬЯНЫ»

Один из самых значимых уральских заповедников – Висимский, которому в ноябре 2001 года присвоен статус биосферного. Сертификат подписал Генеральный директор ООН по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО) Питер Бриджустер.

История заповедника началась в 1946 году. Он был открыт под названием «Висим» и занимал площадь около 56,4 тыс. гектаров. В 1951 году его, как и большинство заповедников, закрыли, хотя Свердловская область ходатайствовала о сохранении заповедника или резервировании территории. Восстановлен Постановлением Совета Министров РСФСР от 6 июля 1971 г. на площади 9,3 тыс. гектаров, с центральной усадьбой в поселке Висим – родине Мамина-Сибиряка. Ныне площадь заповедника и биосферного полигона составляет 33496 гектаров, площадь охранной зоны – 46110 га.

Статус биосферного дается не любому заповеднику, и получить его нелегко по целому ряду обстоятельств. На конец 2001 года международная сеть охраняемых территорий включала 441 биосферный резерват в 94 странах. В том числе в России 24 биосферных заповедника и один биосферный национальный парк.

Международная сеть биосферных резерватов используется как модель для изучения устойчивого взаимодействия человека и природы, решения научно-исследовательских и образовательных задач, осуществления глобального экологического мониторинга.

Висимский заповедник расположен в Свердловской области на территории Пригородного района, на землях городов Кировграда и Верхнего Тагила. Большая часть заповедника находится на западном склоне Урала, остальная – на водоразделе и восточном макросклоне. В границах заповедника до 2001 года, выявлено: сосудистых растений – 435, шляпочных грибов – 443, тутовых грибов – 101, листостебельных мхов – 126, лишайников – 249, птиц – 180 (с охранной зоной), млекопитающих – 44, рептилий – 4, амфибий – 4, рыб – 14, беспозвоночных животных – 1279.

На заповедной территории проводится мониторинг по 25 позициям на 172 пробных площадях и маршрутах с продолжительностью наблюдений от 9 до 29 лет. В том числе ведутся фенологические наблюдения, снегомерная съемка, изучаются микроклимат, урожайность ягод, грибов, семян, травянистых растений. По результатам исследований, выполненных в 1975–2001 годах, подготовлено 27 книг «Летопись природы», 18 отчетов по научным разработкам, издано 4 научных сборника, а также 10 сборников информационных материалов, 5 аннотированных списков по итогам инвентаризации флоры и фауны. Сотрудники опубликовали 325 статей. Заповедник провел 6 научных конференций, 9 отчетных сессий по изучению природы. Здесь прошли практику около 400 студентов.

И, конечно, нельзя обойти вниманием акцию «Марш парков». Число ее участников только в 2000 году составляло 150000 человек. Международная акция «Марш парков» в поддержку особоохраняемых территорий родилась в Америке, а в России проводится с 1995 года. В Висимском заповеднике она из разовой акции превратилась в круглогодичную работу по сохранению и изучению не только ООПТ, но и всей природы. Ее результаты можно видеть в годовых отчетах, проектах, конкурсных работах, которые представляют коллективы школ, учреждений дополнительного образования, творческие объединения.

В Свердловской области Висимский заповедник, заповедник «Денежкин камень» и национальный парк «Припышминские боры» совместно отработали практику проведения «Марша парков». Ежегодно в нем участвуют около 100 тысяч человек. Заповедники организуют и проводят экологические лагеря для школьников с полевыми экскурсиями и практически занятиями по наблюдениям в природе. Поскольку возможности заповедников ограничены, а подавляющая часть школ удалена, практикуются методические семинары с учителями биологии для организации экологических лагерей силами педагогов вблизи расположения школ.

Инициатором проведения «Марша парков» в Кировграде стал заместитель директора заповедника по научно-исследовательской работе Юрий Федорович Марин, человек широко известный в научных кругах, увлеченный своей работой.

Почему в «Марше парков» участвуют школьники и даже дети дошкольного возраста? Юрий Федорович ответил предельно точно: «Взрослого человека не переделаешь, не перевоспитаешь, поскольку он привык относиться к природе потребительски и всегда в его сознании будет превалировать выгода, а дети еще не подвержены этому, как они воспримут для себя окружающий их мир, таким он останется для них навсегда».

Электронные СМИ (телевидение) не способствуют воспитанию у подрастающего поколения любви к своему краю, зеленому миру. Если и демонстрирует

канал «Культура» документальные фильмы о природе, то они обязательно американские с присутствием экзотических животных, растений, водоемов, вроде бы у нас ничего подобного и нет. Директор Висимского заповедника с этим не согласен.

Сегодня кировградские леса, по сути, неохранные, поскольку идет реформирование системы лесхозов. Пошли мы как-то с приятелем по старотагильской дороге подышать лесным воздухом, грибов пособирать. В окрестностях Кировграда давно уже ничего не растет, все погублено выбросами с медеплавильного комбината, приходится ходить аж к Верхнему Тагилу. Замечу, что дорога эта — памятник истории, местами она даже замощена камнем. Еще во времена Демидова по ней возили руду на небольшой железодетальном заводе в Верхнем Тагиле, несмотря на крутизну склонов Теплой горы, возили на подводах. У подножия горы мы увидели штабель ровных сосен, лиственниц и елей, спиленных метрах в десяти от дороги?! В небольшом горняцком поселке Левихе на землях Кировграда работает около десяти лесопилок, лес рубят, пилят, везут в Кировград, где перерабатывают на товарную продукцию. Так и хочется сказать: «Не рубите дерева, не губите...», но кто услышит?

На этом фоне территория Висимского заповедника выглядит, как островок дикой нетронутой природы, где трудятся не только ученые, но и хранители зеленого мира. Однако и сюда нет-нет, да и заходят люди с целью наживы. В заповеднике, как и в прошлые периоды, выявляются единичные нарушения, а в охранной зоне в среднем бывает 50 нарушений в год. За 5 лет изъято 25 единиц оружия в том числе 4 — нарезного. Каждый факт браконьерства доказать чрезвычайно трудно, просматривается несовершенство законодательства.

«Конечно, есть у заповедника и проблемы, сходные с проблемами бюджетных организаций государства. Отсутствует государственная единая политика в охране природы. Хотя сохранение природы существенно влияет на здоровье народа, но, как ни странно, это направление не входит в государственные программы социального развития и демографической

политики», — говорит директор заповедника Александр Мишин.

Закончить хочется словами из брошюры «Заповедники в России», которую написал Александр Мишин с двумя своими коллегами.

«Стратегия» любого биологического вида — захват и освоение новых территорий и ресурсов. Отказ от использования части биологических видов (ресурсов) — идея, с точки зрения «голой обезьяны» противоположенная. Убедить ее в необходимости

сохранения природы вряд ли удастся. Поэтому надо постараться, чтобы «голая обезьяна» не села человечеству на голову. Все хотят, чтобы детям и внукам жилось лучше. Многие копят капитал и передают его по наследству; заповедники же пытаются передать будущим поколениям сохраненную природу. Подход к заповедному делу, как переднему краю сохранения природы, становится пробным камнем в оценке деятельности самого человека за право называться человеком разумным».

Юний СЕНТЯБРЕВ,
фото Владимира САДЫРИНА

ШУЙДА – ГОРА ИЗ ПРОШЛОГО

Заповедные земли

РЕКА ВРЕМЕНИ

Сосна на горе Шуйда, верхушка убита молнией

© Владимир Садырина

Зюраткуль - это состояние души

Мария ПИОНТКОВСКАЯ

Экологическая экспедиция «Нового Акрополя» в национальный парк «Зюраткуль»

*По степям и дубравам, в воде ледяной,
Мы идем не за славой, идем за Мечтой...*

Сообщения по мобильной связи не предвещали ничего хорошего, зато звучали оптимистически и бодро: «Сыро и холодно. Две недели дождей, палатки ставим в воде, резиновые сапоги лучше надевайте еще в поезде. Но красотища такая...». Наш поезд стремительно приближался к Бердяшу, наворачивая в ночи последние километры до ожидаемой заветной цели, а друзья из Екатеринбурга, бывшие уже на месте и осваивающие мест-

ные территории, телеграфировали молнии, тоже с нетерпением дожидаясь нашей десантной высадки. Она и впрямь поразила проводников РЖД и запомнилась, видимо, надолго: за 2 минуты стоянки 60 человек не только успели высадиться, но и выгрузить весь свой багаж, начиная от объемистого переносного генератора и заканчивая снаряжением и прочим необходимым скарбом, рассчитанным на безбедное, почти недельное про-

живание 110 человек в условиях «дикой природы». Мы спешили на встречу — друг с другом, с Зюраткулем и, как оказалось, с судьбой...

Наверное, пришла пора сказать, кто же такие мы. Мы — команда. Из разных уголков России, всевозможных профессий и возрастов. Команда преданных друг другу и своим идеалам людей. Нас объединил «Новый Акрополь» — международная классическая философская школа, рос-

сийскому филиалу которой в 2006 году исполнилось 20 лет! В городах слушаем лекции по философии, психологии, символизму древних культур, сравнительной истории религий. Не только ради расширения собственного кругозора, это не самоцель. Ведь философия — это прежде всего практика жизни и твое отношение ко всему окружающему. И мы пытаемся быть не теоретиками, а философами на практике. И применять принципы, заложенные в вековой традиции, сегодня, стремясь стать лучше и сделать мир вокруг себя немного добрее и светлее. Поэтому среди акропольских дел так много благотворительных — помощь детским домам, ветеранам-блокадникам, паркам и усадьбам, а летом — традиционные экспедиции, имеющие экологическую и исследовательскую направленность.

Москва, Питер, Екатеринбург, Смоленск, Великий Новгород, Нижний Новгород, Пермь. Объединение людей. Одна из основных идей и задач школы. Мы можем не видиться годами, еще не быть знакомыми друг с другом, но непременно ощущать вот эту связь, мощную нить, силу, которая нас объединяет — Любовь. Любовь к живому, к прекрасному и стремление видеть, помогать и охранять его в окружающем мире, в людях, которые рядом, во всем, что живет и дышит. Можно расценить эти слова как красивый пафосный лозунг, потому что звучит подобное несколько непривычно для современного уха — не те идеалы нынче в моде и почете. А можно просто пытаться жить и соответствовать тому, что ты выбрал для себя главным, не скрывая, не хвастая и не боясь быть не понятым окружающими. И стоять за своими словами, ежедневно подтверждая делами то, что считаешь своей дорогой, своим делом, своей судьбой. Вот это, наверное, главное. А дел совместных у нас хватает. Их и не стоит придумывать. Они сами просятся быть сделанными. Так случилось и с Зюраткулем.

Нельзя сказать, что Зюраткуль появился в нашей жизни случайно. Нет. Скорее, наоборот, о чем теперь уже, спустя полгода, можно говорить со всей очевидностью. Но в мечтах о лете, по крайней мере, у московской части команды, негласно маячил

Эльбрус. Горы. Там уже неоднократно проходили большие экологические акции, проводимые «Новым Акрополем». И вдруг — Зюраткуль. Смешное, какое-то непривычное на вкус слово. Где это? Говорят, на Урале... Наши ребята из Екатеринбургского отделения захотели помочь заповеднику. То, что помощь национальным паркам, сохраняющим сегодня природное достояние, — уникальные места, растительность и фауну, нужна, не вызывает сомнений. «Новый Акрополь» в Екатеринбурге молодой, ребят не так много для масштабов Зюраткуля. Поэтому решение было почти мгновенным — едем! Подготовка — стремительной, выезд оперативным.

И вот оно обещанное и долгожданное... Серое, хмурое утро в морозящем дожде, пронизывающий ветер и какая-то зыбкая хлябь под ногами даже вблизи железнодорожной станции. А что там, дальше? Конечно, заядлых туристов погодными условиями не запугаешь, тем более туристов акропольских. Но многим из нас походные условия — житье на подтопленном дождями ландшафте, в сырых спальниках и шапочках, натянутых до подбородка, и прочие прелести походно-экспедиционного быта пришлось узнать впервые, одновременно со знакомством с красотами Южного Урала. С другой стороны, никто не обещал, что будет легко.

Сонный автобус в рассветной дымке петлял и медленно, но неуклонно, поднимался все выше, заповедник и озеро — заветная наша

цель — расположен на уровне 724 метров над уровнем моря. В полудреме, отбивая «смски» родным, поймала себя на мысли: вот он Урал, несколько тысяч километров от Москвы, я никогда здесь еще не была, только в книжках да очерках читала, ну вот оно — посмотри, удивись! Ты — здесь. А за окном на серой траве под невыразительным небом паслись стада таких же, на первый взгляд, невыразительных баранов... И невольно закрадывалась маленькая предательская мыслишка: господи, ну куда это мы едем?

Никогда не знаешь, что может случиться и повернуть твою жизнь. Что может изменить отношение на диаметрально противоположное и совершенно по-новому открыть для тебя привычные и кажущиеся обыденными вещи. Чтобы окончательно проснуться и ощутить себя в то утро в нужном месте и в нужное время, хватило одного солнечного луча. Чтобы вспомнить: зачем я здесь и для чего. Просто проснуться и начать действовать, потому что нужно ставить лагерь, осваивать местность, в конце концов, просто помочь сориентироваться тем, кто попал в такие условия впервые, и не время расслабляться и предаваться обломовским химерам.

Тот яркий солнечный луч над Зюраткулем пронзил небо в момент нашей встречи со второй частью команды, приехавшей из Перми и Екатеринбурга, и уже сутки готовящейся к нашему воссоединению.

*...пусть живое пребудет навеки
живым...*

Истинная красота природы края открывалась постепенно, давая возможность рассмотреть, приблизиться к себе, понять, почувствовать. И одновременно поражала богатством ярких своих проявлений, контрастов, неожиданными сменами настроения в течение дня: от холодных пасмурных рассветов до почти пляжной жары в разгаре дня и шумных грозовых скоротечных ливней к вечеру.

Чаша озера была как на ладони. В обрамлении гор, кажущихся то зелеными, то серо-лиловыми — в зависимости от освещенности, с мелованно-белыми скалистыми прожилками и вершинами. Вода — синяя или стальная. И неизменно холодная, чистая, живая. Легенды, которых сложено об этом крае немало, так или иначе связывают название озера с историей Любви. Вот одна из них, запомнившаяся более других. Первой красавице племени, Амине, понравилось любоваться собственным отражением в спокойной глади озерных вод, и она забыла своего возлюбленного, отвергла его любовь. Но верное сердце, не выдержав предательства, выпрыгнуло из груди девушки и упало на дно озера, чтобы навсегда сохранить чистоту и преданность любви. Потому и вода такая прозрачная. А холодная — в память о человеческой измене себе, своей истинной природе.

Глаз быстро привыкает к тому, что видит вокруг. Но не здесь. Каждое утро было особенным. И не только потому что, как правило, начиналось с родных голосов друзей, с гитарой производящих побудку лагеря после долгих ночных разговоров, но и потому, что увиденное раз, поражало воображение снова и снова.

Вглядываясь в зовущую синеватую даль, пыталась привести в порядок утренние мысли и настроить себя на предстоящий день, который надо прожить в жестком ритме: работы, забота о лагере, вечернее мероприятие. А сонливая истома ласково соблазняла: в палаточку бы, в тепло спальника, пахнущего дымком. И вдруг — на глазах моих стремительно стал вырастать разноцветный мост. Выскользнув из прибрежных скал справа, направился вверх, и вот уже соединился коромыслом с другим берегом.

Радуга! Радостный одновременный возглас огласил округу — нас таких, «медитировавших» на бережочке, было несколько человек. Читанные секунды — и почти все сто человек рядом. Щелкают фотоаппараты, заряжается камера... «Остановись, мгновенье!» Мы хотим тебя не просто запомнить, но и запечатлеть, чтобы потом, делясь впечатлениями с тем, кто не смог приехать сюда в силу разных обстоятельств, неустанно показывать увиденную нами красоту хотя бы на фотографиях.

Мы приехали к этой Красоте. Мы приехали, чтобы вдохнуть аромат этой местности и хоть немножечко сделать его еще лучше и еще чище, чем оно было до нас. И Зюраткуль щедро одаривал нас подобными сюрпризами. Радуга была только началом. Он как будто тоже привыкал и присматривался к нам: кто такие, зачем пришли, чего хотят от меня? И по мере взаимного узнавания приоткрывал и показывал все необычные грани свои и секреты, как постепенно открывают душу новому другу.

Урал. Горы. Конечно, высота здесь несравнима с кавказскими хребтами, и все же... Опытные альпинисты говорят, что горы могут принять или не принять того, кто совершает восхождение, какой бы высоты ни была вершина. Решат, что можно, достоин, пустят, дойдешь. Нет — значит, нет. Спорить бесполезно. Два дня мы посвятили восхождению. Два, потому что одновременно покинуть почти полторосотенный лагерь просто невозможно. Разделились на две группы. Оставшиеся высматривали в бинокли совершающих восхождение. Болели и переживали.

Кто-то сказал, что тропы наверх нет, ее только предстоит проложить. И вооружившись топорами и бензопилой, первая группа отправилась прокладывать путь. Когда они достигли вершины (где, наконец, заработало благо нынешней цивилизации — мобильный телефон), раздались первые звонки и смех: шли в колонну по четыре, тут не то что тропа, настил деревянный!

Это действительно так. Маршрут оборудован на начальном этапе восхождения, в лесной части дороги. Дальше наклон и угол увеличиваются, тропка сужается, и уже не до праздных разговоров. А потом — камни. Глыбы кварци-

товых пород. Сколько им веков и тысячелетий?! На Зюраткуле открыли 12 стоянок человека каменного века, но возможно что-то было и еще раньше? Ощущение вечности и незыблемости в этом шершавом камне, белеющем на фоне синего неба. Я берусь за него руками. Один теплый. Другой почти горячий. А третий холоден, как лед, как вода в самом Зюраткуле. Нет одинаковых, каждый таит что-то свое, веками хранит какую-то тайну, величественную и мудрую. Невозможно оторвать руки. Поддалась искушению и раскинулась на одном из них, пытаюсь почувствовать всем телом силу и мощь, идущую изнутри. И смотрела ввысь, где плыли такие же белые, но легкие, воздушные облака. Невозможно передать то, что чувствуешь иногда, но это было похоже на связь, на попытку увидеть и соединить в своем сознании, что все едино, вместить хоть толику понимания вселенской гармонии.

Как-то совершенно особенно, по-новому зазвучали на Зюраткуле старые и такие знакомые слова из любимых книг: «Маленького принца» Экзюпери, «Чайки Джонатана Ливингстона» Ричарда Баха. Так вот, говоря словами одного из любимых героев: это была попытка создать узы, узы с Природой. То ли камни приручали меня, то ли я камни... Процесс обоюдный. Всегда и со всеми. Именно это и стало доминантой всей экспедиции — узнавание и создание уз. Настоящего, доброго отношения, основанного на Любви. Зюраткуль принял нас, пустил и к вершине...

**Мы такие видали в дороге края
Что поверят едва ли
расскажам друзья...**

Надо сказать, что мы приехали сюда работать. И это в первую очередь. Отдых — уже само по себе то, что мы вместе и в одном из красивейших уголков нашей страны. Такое привычное дело: черный мешок для мусора, перчатки и вперед. Прибрежные территории при ближайшем рассмотрении требовали внимания и ухода. Ведь это излюбленное место рыбалки и отдыха многих. Стоянок на берегу озера достаточно, а спрятавшегося и приотпленного мусора еще больше. Как оказалось.

Покажите мне того, кто любит выковыривать руками ржавые кон-

сервные банки из песка и суглинка!? А промокшие пластиковые пакеты с остатками еды? Признаюсь, я не из числа фанатов подобных удовольствий. Надо и делаешь. Но здесь, что удивительно, поразило то, как внутренне изменился подход и принципы, ради чего в настоящий момент ты ходишь «в пополаме» в течение уже 3,5 часов, не разгибаясь, чтобы подобрать то, чему лежать на берегах Зюраткуля не положено. Поделюсь: с каждым новым шагом (мы двигались по береговой линии), новым освоенным метром, очищенным от последствий выходного дня, возникало чувство освобождения. Не собственного. Освобождения озера от чужеродности того, чем заполнились его окрестности. И хотелось идти все дальше и дальше, только бы не останавливаться. Раздвигать колючие ветки, прикасаться к упругому и холодному песку, извлекая лишние, «людские напластования», помогая сбросить озеру груз ненужных проблем...

До сих пор вижу перед глазами тот куст незабудок, притаившийся у самой кромки воды. Он бы остался мною незамеченным — чисто машинально тащила полиэтиленовую пленку «за хвост», а под ней — он. Тут же распрямившийся и всей силовой маховкой устремившийся к небу. До слез... Таких моментов откровений на Зюраткуле было много. У каждого, кто побывал в этом году в

экспедиции, думаю, осталось что-то свое, незабываемое. Даже не предполагаю — знаю, так как некоторые важные и трогательные моменты хранит «бортовой экспедиционный журнал», где каждый член нашей многочисленной команды оставил что-то самое дорогое и близкое, что ему удалось прожить в этом удивительном месте. А вздох благодарности той незабудки — стал для меня той отправной точкой, с которой, по сути, и началась экспедиция...

Утром — работа. День уборки сменялся строительной компанией. Мы научились конопатить, плести паклю для заделывания щелей нужных размеров, делать дорожки из пеньков и много чего еще — на базе Национального парка рядом с местом нашей стоянки. Днем — мастер-классы по фото, музыке, рисованию. Вечером — олимпиада, театр и неизменные песни под гитару. Подсвеченный костром купол нашего огромного тента, наверное, напоминал, «НЛО. Вид сверху» — этакое нечто необычное посреди огромного таежного массива, с вечно кипящей жизнью вокруг и внутри.

В июле вода в озере не превышала 11-13 градусов. Но не искупаться было невозможно. Не помню имени первого отважного пловца, но уже к полудню первого дня пребывания почти половина группы совершила омовение в водах озера. С каждым днем купальщиков становилось все

больше. Особенно после «трудового фронта». А на третий день в лагере появилась «Баня!» (несказанно обрадовавшая тех, кто все же не отважился занырнуть в Зюраткуль) — душ с подогревом прямо на мелководье, плод заботливого дежурства одной из команд в лагере.

До бесконечности можно перечислять, что делали и что успели. Пять дней прожили настолько насыщенно, как не проживаются порой и целые года. Нашли новых друзей, познакомились с уникальной природой Урала, получили практический опыт в конкретных делах. Но важен, прежде всего, тот дух, которым были наполнены, который присутствовал и вдохновлял всех нас на новые свершения, открытия, преодоления. Ведь просто не было никому. Но было, при этом и легко. Потому что жили одним ритмом, дышали одним дыханием. Смотрели в глаза друг другу и наполняли музыкой сердца. Тихой вечерней песней под гитару, лирической интонацией предрассветного леса, мелодией любви, соединяющей нас...

Пять дней, как одна короткая летняя ночь, но в которую успеваешь столько всего понять, прожить, почувствовать и запомнить и которая потом дает силы надолго, во многих жизненных перипетиях и испытаниях помогает, оживляя воспоминание.

Прощаясь — рыдали. Но как-то светло. Не было ощущения расставания, конца, было просто немного обидно, что все пролетело слишком быстротечно. Зюраткуль — озеро-сердце, сроднившее и еще больше сблизившее наши сердца, стало началом, новой вехой на пути каждого. И — состоянием души. К которому хочется возвращаться вновь и вновь.

Песня, ставшая экспедиционным гимном:

По степям и дубравам,
В воде ледяной,
мы идем не за славой,
идем за Мечтой.
Нам под звездною крышей
Поют ковыли:
Нет поэзии выше
Дыханья Земли.

Что бывает прекрасней
Величия гор,
Трепетанья зарницы
Над гладью озер,
Что тревожит сильнее,
Чем крик журавля,
Что бывает роднее,
Чем эта Земля.

Мы скитались по свету
Не ради наград,
Шли по тайным приметам,
Брели наугад,
Мы такие видали
В дороге края,
Что поверят едва ли
Рассказам друзья.

Я хочу, чтобы сыну
Приснился во сне,
В небе клин журавлиный,
Плывущий к Луне,
И участие пробудим
К собратьям меньшим,
Пусть живое пребудет
Навеки живым.

Нина БУЙНОСОВА

ВОДА ЖИВАЯ

Памяти жертв ядерного взрыва на Южном Урале
и Восточно-Уральского радиоактивного следа (ВУРСа) в 1957 году,
а также жертв Чернобыля и других техногенных катастроф.

«Отмый, Господи, грехи людские...»

Молитва

Вода: «Я помню всё с момента Сотворенья,
Когда Земля была сокрыта мною,
Лишь Вещий Дух незримо над волною
Носился ветром. Я ж текла пуста.
И изрекли Великие уста:
«Да будет твердь!». Во мне Тот Голос грянет –
И суша вздыбится! Со скал, уступов, граней
Низринусь я и схлыну меж камнями,
Стеку к себе. И Он, довольный, глянет –
И тёплыми, зелёными морями
Затеется, завяжется, воспрянет
Сокровище космическое – жизнь».

Женщина: «Из-под мокрого валуна,
По оврагу, по камням,
По черёмуховым корням
Родничок бормотал стихи.
И зеленели мхи,
Звенел комариный рай,
И скользким был край,
И мокли во мхах следы.
Были пальцы красны от ягод.
Вскипала в ладонях влага,
И жадно, взахлёб, со стонами,
Мы пили ее, студёную,
Сладкую, как меды...»

Вода: «Верно. В воде рождённым –
Долго нельзя без воды.
Помню, в чреве моём сплылись
Первые. Нервными ниточками сплелись,
В море околлоплодном сбывлись,
Жабрами обзавелись.
На берег выползали.
Волны мои вам лапы лизали,

Нина Ивановна Буйносова родилась в 1945 г. в деревне Брод Каменского района Свердловской области. В 1976 году закончила факультет журналистики УрГУ. В 1991 году основала и с этого времени возглавляет газету «Содействие». Член Союза журналистов России. Лауреат областной и Всесоюзной премий Союза журналистов СССР, Член Союза писателей России. В 1997 году стала первым лауреатом городской премии «Браво» в номинации «Литературное творчество».

Уговаривали: «Вернись!»
Но вы по мокрому песку ускользали,
И в дебрях трав древовидных звали
Рёвом другую жизнь».

Женщина: «С гуся – вода,
С лебедя – вода,
С рабы Божьей Нины –
Вся худоба...
На море-океане,
На острове Буяне
Лежит бел-горюч камень
Алатырь*.
На том камне Алатыре
Сидит красная девица,
Швея-мастерица,
Держит иглу булатную,
Продевает нитку шелковую,
Выбирает, как руда **, красную,
Берёт в рученьку правую,
Зашивает раны кровавые.
Как утихнулись и ужахнулись реки
И ручьи, и малые источники,
Так бы утихнулась
У рабы Божьей Нины
Кровь горячая,
И шипота, и ломота...
Пособляю я словом Божиим,
Как вода, текучим.
Затворяю руду голосом зыбучим,
Как ключ-камень Алатырь
Замок-землю затворяет.
Во имя Отца и Сына
И Святого Духа, аминь».

* Алатырь – янтарь. Греч. – электрон.

* * Руда (старинн.) – кровь.

Вода: «...Я речкой была,
И туманом плыла,
И паром над полем парила,
И сели в предгорьях творила,
Селенья сметая дотла!
В торосах я — льдина,
В покосах — роса,
На косах берёзовых — иней,
То нежусь морскою равниной,
То смерчем завьюсь в небеса.
На капли до капли делима,
Но венами в ложах долинных,
Ключами из жилок глубинных,
Морями в солёных седилах
Теку, многолико-едина.
И пот ваш, и кровь, и слеза».

Женщина: «Река в ночи парным молоком текла —
Так тепла!
Рука влекла войти, сплести тела.
Не тела — пламень.
Рука, бела, пальцами-плавниками
По коже чуткой вела,
И я была рыбой чудной.
Веса не чуя,
Ведая, что хочу я,
В темной воде плыла.
А над рекой — скала.
А над рекой — небо в звездах,
И звезды — гроздьями.
И ночь поздняя
На темной скале спала.

...Род. Родня. Родина. Родники.
Вынянчили меня, родненькие.
Выкормили, вспоили,
Породу благословили.
Чтоб в лоне моём, водах его обильных,
Новая жизнь была ключиком у реки».

Вода: «Я — вода-водяница,
Небесам — сестрица,
А земле — поилица,
А живым — родильница.
Я песчинки-камушки оглаживаю,
Я былинку каждую выхаживаю.
Поклонись, былиночка,
Часту дождичку.
Ты родись, кровиночка,
К свету Божьему.
Не давайся, малая,
Ни хвори, ни горяшку,
Пусть водицей талою
Сплывут к морюшку.
С гуся — вода, с лебедя — вода,
С тебя, родимая, — вся худоба!»

Песнь осетра

«На Север! На Север! На Север!
И лебедь, и кит, и осётр!
Живот мой до крови истётр
В прыжках на бетонную стену,
Но бьюсь я и ночью, и денно.
Мне до смерти надо, до смерти —
Туда, где икринкой на свете
Качала в верховьях вода
Под сенью растроганных ветел,
Где пахнет, как в детстве. Туда —
Молоки излить на рассвете
На комья тяжелой икры
В разгаре любовной игры...»

Песнь лебедя

«На северный ветер —
Полет мой рискованный.
Опасен мой Север:
Там лисы и совы!
Чем дальше, тем медленней
Крыльями бью,
Усталое тело мозолю.
Ночами мне путь ко гнездовью
Полярная кажется звезда.
Там полая плещет вода
Таинственным голосом крови
У края родного гнезда...»

Песнь кита

«На Север! На Север! Скорей!
Где волны вздымают седины,
Где лбами зелёные льдины
У кромки ледовых полей,
Где стынют торосы над нами,
Но крилем набита волна,
И бездна колышет, полна
Серебряных рыб косяками.
В пути стерегут нас касатки,
И в шрамах опять плавники,
Но так здесь подруги легки,
И талые воды так сладки!»

Вода: «Ещё бы они не сладки!
Очнусь ли от сна родниками,
Сугробом оплавлюсь в лесу,
Весной я чистойшую память —
Высокие воды несусь.
Одна, всем телам вопреки,
Я в трех ипостасях вмещаюсь,
В трех сущностях мир ощущаю
И трижды себя очищаю:
Озябшим туманом, прощаясь
С предутренним ложем реки,

Дождями, сочась сквозь пески,
И дыбась, кренясь и вращаясь,
Ломая прозрачные льды,
Когда я из них воплощаюсь
С всесильем Крещенской воды.

...Песок, и немного травы,
И легкая рябь Иордани.
Прохладой с Его головы
Текла я на плечи и длани.
И был Он задумчиво странен,
Как будто глядел из-за грани,
От мира уже отстранён.
И дорог до боли был Он
В минуту святого Крещенья,
И током Его очищенья
Был каждый мой атом пронзён.

...Мной крещён был.
Я Ему – Матьерь Крёстная.
Перед Ним стлала волну,
Расстилала под стопы!
То ли в дымке, то ль в дыму,
Скорой поступью
Шел по морю моему,
Аки по степи.
Рыбакам на берегу
Миражом привиделся.
Посмеялись: «Ну и лгун!».
Не обиделся.
Только плечиком пожал
Жалостно.
А закат был, как пожар,
Яростный.
А толпа сплящим днем
Крови алкала.
Гневной бурей я о Нём
Над Голгофой плакала.
За Него бы отдала
Все моря до донышка!
...Кровью я Его была,
Я с лица Его текла,
Стыла красным комышком.
После, смыв земного зла
След на обличье,
Я – Воскресшего – несла
В небеса на облаке.
Шел к Отцу весёлый. Пел.
Бос. Одежды белые...
Всех простил и мне велел.
Вы бы так-то сделали?»

Женщина: «Прорубь – тёмное оконце,
Потаённая вода.
Серебрит водичку донцем –
Лунным вёдрышком – звезда.
На Крещение – хоть с ложкой! –
Каждый к проруби спешит,
Здесь серебряной дорожкой

Нынче Некто пробежит.
Пробежит да окунётся –
Зря, что ль рублен лёд крестом –
И водица всколыхнётся,
Освящённая Христом.
Нынче праздник Водосвятья,
Вод святится естество,
И народец, скинув платье, –
В полынью, за Божеством.
И лядащий, и здоровый,
Кто – кудряв, кто – лысоват,
И телесно, и духовно
Очищаются норовят.

Вот священник встал дебелий –
Он-то верит в чудеса!
Весь до пят – в рубахе белой,
Выпирают телеса.
Помолился, покрестился,
Полынью рукой задел,
Вниз по лесенке спустился –
Бородища – по воде.
Ахнул, охнул... Благолепен,
Он туда-сюда проплыл,
И рубахою облеплен,
Не спеша, на лёд ступил.
Статной Евой – молодуха!
Ноги! Грудь! Застыл народ.
Локон спрятала за ухо –
И солдатиком – вперед!
И обратно из водицы –
Вот ведь женская душа! –
Краше прежней, шла девица,
Сознавая: хороша!
Мужичонко тощий. Этот
В воду брякнулся плашмя,
Верещит: «Ого, не лето!
Вынимайте-ко меня!»
– «Смыть грехи, конечно, можно,
Только, миленький, гляди,
Все ли смоешь? Осторожно
Из Ердани выходи!
Принимай, родимый, чарку,
В теплый кутайся тулуп!..»

...И мороз, а телу – жарко,
Пар срывается от губ.
Набираем впрок водицу
В банки, фляжки, под стекло...
Водосвятная сгодится –
Смазать губы роженице,
И больному окропиться,
Чтоб болезнью не пекло...
Дом святым, сарай, воротца,
Лечим все, что заболит...
...Под иконой год водица,
Как хрустальная, стоит.
Из реки, ключа, колодца
Чистой памятью поит!»

Вода: «И сказано в Книге книг:
«Доселева было небо медно
И земля железна,
И не давала плоду от себя...».
...Медными закатами
Поныне небеса знобят.
Но я тучами накатываю,
Дождями накрапываю,
Лью...
И омытую, напоённую,
Умягчённую мною
Люди землю вскапывают
И кормятся от неё.
И травы жуёт зверьё,
И, всхрапывая,
Пьёт
Из ручьёв и речек...
«Это моя Земля!
Мои ручьи и речки!» –
Решил человек –
И вторгся в царство моё».

Плач арала

«...Ш-ш-ш – ветер пустыни
Шуршит постыло,
Сушит иссыхающее ложе моё,
В такыры сковывает.
Ш-ш-ш – змея высовывает
Копьецо лица из трещины,
И скользит, струится,
Узорится, длится
Стремительное тело её,
И двоится,
Трепещется язычок,
Ищет, чем поживиться...
Ш-ш-ш – змеится
Белесая, едкая пыль,
Смерчем взвивается,
И ветры ее до краёв Земли
Со дна моего несут...

«О-о-о, Ана Сув * –
Мать Вода!
Неужель навсегда
Оставила?
Куда веточки свои,
Жилочки серебряные
Сырдарьи да Амударьи
Отправила?
Тебе ли был твой Арал не верен?!
Ш-ш-ш – шипели волны мои,
Взбегая на берег!
Ш-ш-ш – шуршали камыши в дельте,
И птицы голенастые
Птенцам горластым
Клювами рыбу долбили.

* Ана Сув (узбекск.) – Мать Вода.

А она косяками шла обильными,
И двуногие, двужильные
В водах зелёных с лодок смолёных
Неводами её ловили...

Где те невода ныне?!
И в чаше моей – не вода!
Глинами да песками
Ветры ложе моё забили,
Запечатали,
Отравой белесою иззнобили
С хлопчатников.
Остовы лодок иссохшие
Скелетами на берегах лежат,
И рана моя свежа,
И боль моя к тебе, Госпожа,
К милости твоей сложена!»

Вода: «Плачь, Арал, плачь!
Плачь, Серебролицый!
О, сколько рек моих,
Вольными кобылицами
По земле гулявших,
Ныне путами плотин стреноженно!
Бьются встревоженно
В загонах каналов бетонных.
И горе мое бездонно,
Когда от родных морей,
Берёз да осокорей
Взрывами реки мои
С пути сворачивают,
Поворачивают,
И струи мои жизнь утрачивают
В городах-пустынях.
Стоят густые,
Застойные
В зловонных отстойниках.
Волны мои могутные
Связаны плёнкой мазутной
И чёрных дельфинов в морях качают.
Насмерть укачивают.
И чайки чёрные у воды
Кричат
Заполошно,
И рыбы – не серебряные,
Не золотые –
Чёрные – молчат
Истошно...»

Проклятье Карачая

«Далеко от меня Арал –
Рекой не дотянуться с Урала!
Только и мне невоготу стало.
Нет, влагою чаша моя полна,
И на бегу волна
Речь с ветрами заводит.
Но и она

Давно не качает лоды,
И нет на ней рыбарей,
И дети в ней
Не купают коней...
Лишь счетчик Гейгера
Здесь по мне
С ума сходит...

Годы и годы
Сливали, скачивали в меня
Смерть несущие воды.
А ныне их сами боитесь, хуже огня.

...Пекло полудня,
Солнце-полюмя.
Воды плавятся
И парят с меня,
Испаряются.
И туманами — над урманами,
Над купавами да саранами,
Да в поля, да в луга дурманные...
Белым облачком
С глаз теряются...
И кто знает,
Где и кого
Ласково
Дробным дождичком
Напоить стараются...

...Вы хотели, чтоб волны мои
Засыпали,
Глинами да песками
Меня засыпали.
Но я под землю от вас ухожу,
И там, под землей брожу,
И после в ваши глаза
Глазами своих родников,
Колодцев своих гляжу,
Взываю отчаянно:
«Это же я — Карачай!»
И когда вечерами
В избёнках старых
Из дедовских самоваров,
Пьёте чай, —
Это я над чашками исхожу паром,
Я — Карачай!
И когда на белой плите,
В крутобоком чайнике
Белым ключом киплю,
Слышите?
Это я
Ваши рентгены
Вам возвращаю
С накипью!

Я, Карачай, — ваша жертва.
И я — кара ваша!
Но я средь вас жертвы не намечаю.
Какое мне дело, на кого

Проклятье моё падёт,
Кто и над кем в плаче опять забудётся?
Виновного ли кара моя найдет,
Невинному ли горькую чашу
Испить придётся?
Но в городском доме,
В деревне ли, у околицы,
Пусть каждый из вас
Каждый день и каждый час
Молится!
Вдруг моя озёрная чаша
Чашей терпения моего
Переполнится!»

Вода: «...О, человеки!
Сами выбирали вы
Путь сквозь тернии.
Умирили, но отбирали
Часть меня — грозный дейтерий.
В том атомном веке
Здесь, на Урале,
Легкие воды мои тяжёлыми стали.
Бетоном, свинцом и сталью
Вы ловушки свои огораживали.
Но разве не вытеку я из любых ловушек?
Не выберусь, не вырвусь,
Сколько б вы их ни настораживали?!»

...Тяжёлая — я. Тяжёлая я была.
О, Женщина! Ты помнишь,
Как гордо тяжесть живота своего несёшь,
Когда его новой жизнью полнишь?!
Август стоял. Пора тепла.
В будущем Чернобыле
Полынь уже отцвела,
И поспевали жёлуди.
А на Урале берёзы
Мечтали стать жёлтыми,
Но меня знобило. Я
Не жизнью — тысячами смертей
Беременная,
В бетон тяжёлый
Закованная без затей
Царями временными,
Температурила
И гнев копила.

...И взорвалась однажды.
Всплеском огня атомного
Себя ослепила.
Подумала:
Может я из темницы
Вырвалась затемно?
Паром смертельным
Бетонные крышки рвала, метала.
В небо швыряла крошево
Из металла.
Берёзки, подростшие
Рядом с тюрьмой моей, — с корнями!

И на стены – тенями!
И все было гневу моему мало!
Мало!

Черной немочью,
Бедой голою
Пришла коса –
И по чью?! –
Не по вашу ли голову?
Травы стояли
От росы пьяные.
Я ль собирала
Росы медвяные?!
Облаком грозным
Я ль плыла
Над горбом Урала?

В озерах, закатно-розовых,
В ручьях и реках я ли текла,
Неслышно для вас тикала?
На села ваши, на города
Невидимую, тяжкой уликою
Я ли пала?

...Годы и годы потом на том,
Долгом моём пути,
По Следу моему страшному
Глупая рыба годами икру метала
(А куда ей – спрашивается –
От меня уйти?).
И птица усталая
По рощам и берегам
Гнёзда вила.

И ты, Женщина, копны ставила
 По заливному лугам,
 На сене милого миловала,
 Грудью дитё кормила.
 Но рыба в воде
 Томилась
 И в язвах
 Дохла,
 И мелочь в гнезде
 Разная
 Одинаково
 Лысела, слепла и сохла.
 А человек –
 Разве он из металла?..

...По клеточкам, по молекулам,
 По кристаллам
 Заново я себя собирала,
 В океанах бешено
 Ураганами перемешивала,
 Напитывала звёздным светом –
 Лишь бы не помнить ЭТО,
 Простить,
 Не нести
 Дальше!
 Но что сделаю я,
 Если Память моя –
 Вечная?!
 Если она – в каждом ручье,
 В каждой речке?!
 Если Создателем мне завещанно:
 Нести её всю –
 Изначальную и конечную –
 И в ваши гены впечатывать
 Всечасно
 И всеминутно –
 Чистую и мутную,
 Здоровую и больную?!
 От века к веку –
 Ни птицы, ни человека,
 Ни зверя единого не миную...
 Когда же с собой намучитесь?
 Когда же помнить научитесь?»

Создатель: «Было. Было.
 Забылось скоро.
 В Мертвое море
 Обращены Мной
 Постылые, постыдные
 Содом и Гоморра.
 Помните, столб соляной?
 По сей день – одна
 Соль со дна.

Было. Было.
 Десницей Моей карающей
 Вода стала.
 Сорок дней и ночей
 С небес хлестала,

С морей захлестывала.
 Но и она не знала:
 Будет ли гневу Моему край ещё?
 Живых, мёртвых и умирающих
 О камни била,
 Забрасывала на скалы,
 И сами скалы топила.
 И тщетно старый Ной
 В щель ковчега выглядывал:
 Спорила с его сединой
 Только водная ширь неоглядная...

... Синюю Свою планету
 Я на радость очам загадывал,
 Насадил, как сад зеленой,
 И долго цветом
 Сад меня радовал...
 Недоглядел виноградарь.
 С веток –
 Снова гроздьями –
 Грех наливной.
 А со мной –
 Только Сын Мой...»

Автор: «Свет несусветный!
 В полнеба нынче луна выкатила.
 Литую каплю на листке высветила,
 И капле не вымолить сна до рассвета.
 И мне из окна – неодетой,
 Только платок – на плечи,
 Пялиться на нее. Вечность –
 Название ночи этой.

Как Атлантида, затопленная синим,
 Земля томится.
 В деревьях-водорослях – птицы –
 Рыбами молчаливыми.
 И кто-то таится
 В тёмной тине кустов,
 В глубине.
 И мне у ночи на дне
 Не спится. Не спится!
 Не спится!!!
 Что надо ей от меня – Луне?

Я – лишь частица,
 Капля крови из вены земной!
 Зачем на стекло оконное – мной
 Капнула, исторгнув из тьмы несущей?
 Или Сам Вездесущий
 В лупу Луны меня исследует
 До дна души, до гена последнего,
 До той предмысли, до окаянной,
 Что в подсознании, как в океане?»

...Волной цунами озноб накроет –
 В анамнез вклеят анализ крови.

Встреча

Невысокая, щуплая старушка весь вечер бродила по одной и той же улице. Она медленно плелась, при шаркивая правой ногой, старательно обходя все лужи и грязные места, боясь замочить и испачкать старые, потертые сапоги со сбитыми каблуками. Ее голову облегал белый пуховый платок. Раньше такие были в моде, их называли паутинками, и они дорого стоили. Руки она прятала в карманы синего пальто, оно было сильно поношено и со спины выдавало худые плечи хозяйки. Старушка смотрела себе под ноги, будто боялась, что ее узнают, и лишь когда ее путь оказывался вблизи небольшого базарчика в центре улицы, она поднимала голову и, замедлив шаг, внимательно разглядывала людей: чем они торгуют, как выглядят. Особенно ее интересовала троица, торгующая жареными семечками. Пройдя мимо, она снова ускоряла шаг и, опустив голову, начинала говорить сама с собой. Дойдя до конца квартала, она останавливалась, отдыхала несколько минут и возвращалась назад. Ее никто не замечал. Таких сумасшедших было полстраны.

Ветер дует такой, что срывает шапки с граждан, которые недовольно шуряются, хватаются за головы и бросаются вдогонку за улетающим убором. Вдоль центральной улицы выстроились ряды вольных торговцев бизнесумен и бизнесменов, как сейчас их принято называть. По-старому их называли спекулянты, и власть их не очень-то жаловала, хотя и не могла без них обойтись.

В этом году осень наступила как-то сразу, сразу после весны. Знаете, у нас это бывает, и не так уж редко: весна дремлет-дремлет, вот уже и солнышко долгожданное макушку греет, черемуха отцвела как-то незаметно, наверное, подумала: «Ой, я, кажется, не во время, простите». Сирень, бедная, вспыхнула в один день, обдала сладостным дурманом и сразу же зачахла, потемнела, осыпалась, покрыв холодную землю пожухлым цветом. Дожди прошли холодные-холодные, как будто хотел выпасть снег, но вдруг опомнился и решил в последнюю минуту: «Что это я, ведь лето ж на дворе!», и чуть подтаяв, облил всех холодным потоком. У нас так бывает довольно часто, поэтому особо удачное лето вспоминается долго-долго.

Владимир Витальевич Новосад родился в 1962 году в селе Калач Свердловской области. В 1987 году окончил СТХМ по специальности техник-механик. Живет в Екатеринбурге.

– А ты помнишь, какие в том году были кабачки, а?
– А ты помнишь, какие были помидоры, а? А малина, малина, помнишь, малина тогда была с кулак, помидоры, как кабачки, а кабачки, как бревна. Во было лето! Огурцы сами в банку лезли, сладкие, как арбузы! Да-а, когда еще такое лето будет, да и будет ли вообще?

Воспоминания, как сказка, томили душу, и каждый урожай сравнивался с тем чудным летом, когда от солнца даже чуть-чуть устали, а зеленые помидоры лежали на подоконниках до самого Нового года. А в этом году те самые, почти мифические, легенды вспоминались с особым вкусом. Потому что весна была такой холодной, такой длинной, а к грязному снегу, лежащему в промерзших канавах, как у себя дома, где-то на севере, привыкли почти все. И бедные дворники, мучаясь с похмелья, долбили по утрам ненавистный лед. В конце концов, и они плюнули и сказали это жуткое пророчество: «Все равно скоро новый выпадет».

В открытую их, конечно, никто не винил, но обиду затаил каждый. Ведь должен же быть кто-нибудь виноват, что грязь в подъездах, что власть ворует, ну и конечно, что весна такая мучительно долгая.

– Семачки, семачки, купи семачки.

Эй, молодец, возьми с полки огурец.

Купишь семечек у нас, снимешь бабу – высший класс.

Если нет, вернешся к нам, я тебе в подъезде дам.

Торговля семечками – великое искусство. Почему великое? Ну, а как же, посудите сами. Нужно купить дешевых, не очень сильно заплесневелых семечек. Нужно их промыть, затем просушить, слегка подсолить, чтобы в самую меру, поджарить тютелька в тютельку, и чтобы без горчинки, и чтобы плесенью не пахли. Вот и угадай, попробуй. Ну и, наконец, самое главное: вечером, когда еще не сильно темно, нужно выйти на центральную улицу, найти в кустах ящик из-под овощей, оставленный дневными торговцами и, расставив на нем свою нехитрую композицию из двух-трех разных стаканчиков, приступить к великому искусству.

– Семачки, семачки, купи семачки.

– Почем семечки?

– Десять – большой, пять – маленький.

За два-три часа нужно умудриться, хоть что-то продать, не поспорить с конкурентами, ну и, конечно, с властью. Власть — это великая сила, а как раз вечером появляются ее самые очаровательные представители с исколотыми пальцами и с холодными, непроницаемыми глазами. Шутки эти ребята не всегда понимают или не хотят понимать, что обходится несколько дорожек для тех, кто шутит.

— Что, бабуля, третий день на нашей точке торчишь, а все денег нет? Давай-давай, а то пойдешь торговать за забор к помойке, с тебя соточку за просрочку.

И бедная бабушка, прикусив от обиды сразу обе губы, быстренько подсчитав убытки и прибыли, достает дрожащей рукой засаленные бумажки, отдает кровную соточку, а затем уже вдогонку, чтоб не слышал никто: — Чтоб вы сдохли, ироды проклятые, прости меня господи, — быстро утирает набежавшую слезу.

Бизнес есть бизнес, никто тебя не заставляет: не хочешь — не берись.

Анна Сергеевна давно уже этим мучилась. Семечки были куплены самые лучшие, с белой крошечкой. Они были сухие и чистые, как специально для нее приготовлены, правда, почти, невозможно было подсчитать чистую прибыль с этого проекта, но выбора у нее не было: нужны были приличные деньги, и пусть у нее ничего и не получится, сам факт, что она старалась, что она сломала себя, сделал ее сильнее. Ей даже показалось, что она чуть-чуть стала выше. Наверно, это оттого, что она стала смотреть не себе под ноги, а вперед и даже иногда людям в глаза, а позавчера она нагрубила пьяному соседу, отчего он, ошарашенный, долго смотрел ей вслед. Деньги, конечно, нужны всем, особенно в нашей богатой стране, но некоторым, они нужны так сильно, что можно продать даже душу. Наверно, именно такой излом испытывала и Анна Сергеевна, встав на этот скользкий путь начинающей капиталистки. Первое время она долго присматривалась, несколько дней выходила на слежку: изучала конкурентов, все их повадки, что они говорят, как улыбаются, даже как огрызаются. Пусть это и не акулы бизнеса, но ведь и у хомячков есть зубы. Ну и конечно, самое главное, сколько с этого можно «срубить»? Именно этим словом она решила назвать свое действие. Конкурентов было трое, а иногда и четверо, видимо один не мог удержаться, и вся прибыль утекала в стакан. Нашим легче, мы ведь не такие, нам нужны «бабки». Все слова были тщательно подобраны, ведь если хочешь сломать себе душу, то и мыслить нужно по-ихнему. Ближе к вечеру жизнь в городе приобретала другой оттенок, никто никуда не торопился. Нет, народу было столько же, просто скорость угасала, и он собирался кучками, напоминая движение капель ртути на поверхности. Между ними сновала шустрая молодежь, все пили пиво и курили какую-то гадость, а после этого всегда хочется семечек.

Анна Сергеевна приготовила все самым лучшим образом: семечки, еще теплые, высыпаны в чистый мешочек и аккуратно подсчитаны, всего пятнадцать стаканов и еще четыре полные горсти. Два стакана, большой и маленький, чистый платочек, на всякий случай,

ну и, конечно, мелочи на сдачу. Волновалась страшно и решила даже прилечь отдохнуть. Вот и вечер наступил, сердце стучало так сильно, что пришлось выпить таблетку. Немного успокоившись, посидев на дорожку две минутки, она решительно шагнула в открытую дверь. Все, назад дороги нет! Улица встретила свежим ветерком, который гонял рваные газеты и играл пустыми банками из под пива. Вокруг стоял обычный гул, как в уснувшем улье. На пяточке стояли трое, торговля шла вяло, и коллеги коротали время за пустыми разговорами. Анна Сергеевна вышла из-за угла:

— Здравствуйте! Можно мне с вами здесь встать?

Коллеги замерли, их никогда не спрашивали, тем более не здоровались. Ответила высокая дама с круглым обветренным лицом:

— Вставай, земля не наша, только не сильно близко.

Анна Сергеевна поставила принесенный с собой табурет, положила на него мешочек с семечками, насыпала с горкой оба стакана и от страха и ужаса совсем онемела. Высокая дама аккуратно, стараясь как можно незаметней, стала изучать новую конкурентку: бабуля, вроде, опрятная, одета чисто, бледная вся, видимо, волнуется, первый раз, даже табурет прихватила, ну ничего, пусть стоит, нам не помеха.

— Семачки, семачки, жареные, вкусные, — заговорила дама, и от этих полупесен-полуслов Анне Сергеевне вдруг стало так легко на душе, что она даже улыбнулась и, насмелившись, крикнула слабым голосом:

— А вот семечки, чистые, жареные, берите, ребята, семечки.

Подошел худой прыщавый юноша в драных джинсах, взял щепотку на пробу и, не глядя, двинул дальше, к высокой даме, протягивая руку к ее мешку с семечками. Дама, нахмурившись, шгнула его:

— Ты второй раз пробуешь, а не купил ни разу!

И обернувшись к Анне Сергеевне уже как к своей, сказала:

— Этого гони, ходит за вечер по пять раз, пробует. Глядишь, и стакана нету. Гони его.

После ее слов всем стало как-то легче, появилась какая-то связь: вот мы — торговцы, а вот — они. И высокая дама в этих рядах выглядела как бы лидером, раз так, значит, и какой-то маломальский порядок будет. Это немного успокаивало. Высокую даму почему-то звали Петровной, то ли от фамилии, то ли от отчества, неважно, но ее все так звали, и даже некоторые покупатели были с ней, вроде, знакомы.

— Привет, Петровна, сыпни стаканчик на червончик!

И Петровна ловким движением опрокидывала очередную стакан в карман клиента, улыбалась и сально шутила.

— После пятого стакану я отдамся тебе спяну.

Все смеялись, и атмосфера, получив положительный заряд, становилась почти праздничной.

Вечер проходил незаметно, скованность прошла сама собой, и Анна Сергеевна тоже пыталась шутить, но у нее это получалось как-то наивно, и слов подходящих для такой публики она не могла подобрать, и по-

чему-то всем напоминала аристократку в хлеву. Ближе к ночи, когда совсем стемнело, и народ потихоньку стал редеть, Петровна решила навести мосты, и заговорила с Анной Сергеевной тихим, сиплым голосом:

– А ты, видать, училка? Давно на пенсии? Наверное, дети пьют?

И понимающе так, протяжно вздохнула:

– Да-а, чтоб им пусто стало, у меня такая же дрянь.

Анна Сергеевна не знала, что ответить, но молчать было нельзя, и она, собравшись с мыслями, стараясь не обидеть коллегу, спросила:

– А вы, наверное, работали где-нибудь в клубе? У вас так славно это получается.

– Что получается? – насторожилась дама.

– Ну, эти ваши, как бы частушки.

На эти слова дама громко рассмеялась, открыв большой рот с чистыми зубами. Точно, всю жизнь техничкой в клубе, пенсия полторы штуки, хоть сразу сдохни, хоть частями.

– А у тебя, наверное, тыщи три с гаком?

Анна Сергеевна вздрогнула и повела плечами, ей почему-то стало стыдно перед этими людьми, стыдно за свою пенсию в три с лишним, стыдно за свою страну, как будто это она была виновата в том, что им приходится так себе зарабатывать, и она, чтобы сгладить ненужную реакцию, стала говорить о себе с надрывом со слезой в голосе:

– Вы знаете, я ведь почти сорок лет в одной школе, сорок лет. Меня раньше весь город знал, я директором десять лет проработала, я преподавала английский, а пенсия, пенсия...

И она, чуть замаявшись и немного скинув на всякий случай, сказала, чуть слышно:

– Две девятьсот.

И тут же, испугавшись этой чудовищной цифры, опустила глаза в землю, прикрыв рот чистым платком.

– Две девятьсот!

Петровна ахнула и удивленно уставилась в другую сторону, к остальным двум коллегам.

– Слыхали? Две девятьсот. Да я бы с такими, как сыр в сметане, а она тут вышла с семечками!

Коллеги одобрительно закивали и по очереди повторили: «Две девятьсот, две девятьсот!». Хоть для них и не было в этом особого смысла, а так, для солидарности, нужно было выразить что-то, а вот удивление или гнев, они сразу и не поняли, поэтому получилось как-то неопределенно, и цифра повисла в воздухе совсем уж бессмысленно. Анна Сергеевна глубоко вздохнула, нужно было чем-то ответить, а у нее был козырь, тем более, что он был самый настоящий, самый большой, самый сильный козырь, и она прекрасно понимала, что разговоры эти будут. Только не знала, как и когда ей придется достать этот главный козырь. И она, сглотнув слезу, стараясь унять дрожь в голосе, глухо проговорила:

– У меня внучка умирает, понимаете вы? Я должна ...

И больше не сумев сказать ни слова, молча замерла с закрытыми глазами. Петровна, поджав губы, нахму-

рилась, этим двоим было все равно, кто здесь кому верит, и все же, решив, что она лжет, с ехидной улыбкой ответила:

– Ага, у меня тоже внучка регулярно болеет, как гульнет, так пузом и болеет.

И сейчас же, застыдившись за свою грубость, взяла горсть семечек и стала их грызть, громко сплевывая шелуху. Козырь-то был самый настоящий, она это все же поняла, поняла и даже устыдилась:

– Да ты не сердчай, мы все здесь, как собаки. А что с внучкой-то?

Анна Сергеевна вздрогнула, очнувшись, и тихо ответила:

– Сердечко больное, операция нужна, денег надо много.

Петровна кивнула головой, нахмурила лоб, пытаясь осознать, как это много, но лишь испугавшись своих предположений, замолчала и ушла в себя.

Домой расходились уже затемно, народ еще топтался, но ночные улицы настораживали, пугали, хотелось их быстрее покинуть, закрывшись дома за металлической дверью. Анна Сергеевна торопилась, даже ругнула себя. Ночью у нас можно все потерять, и никаких денег не надо будет. Она быстро семенила между лужами, держа в одной руке табурет, а в другой – остатки товара. Деньги были спрятаны глубоко за пазухой, в потайном кармане, – так спокойней. Зайдя домой, она, не раздеваясь, включила на кухне свет, достала всю свою выручку и аккуратно пересчитала: несколько замусоленных десятков и почти целая горсть мелочи – всего сто двадцать рублей. Семечек осталось три неполных стакана. Ясно, остальное мыши съели. Прикинув наскоро в уме, сколько она заработала, получалось почти шестьдесят рублей. Она еще раз все пересчитала, получилось чуть меньше. Округлив среднюю цифру, она тут же перевела все это в доллары, получилась смешная сумма, как оценка за плохой урок. «Вот и моя первая двойка!» – с горькой усмешкой подумала она. Затем разделила нужную ей сумму на этот результат, получилось ненамного меньше, потом разделила еще раз на триста шестьдесят пять и замерла, глядя на полученное число. У нас в стране столько не живут! И поняв всю бессмысленность, всю никчемность своей затеи, она тихо заплакала, сидя на той самой табуретке, прижавшись спиной к стене, и слезы непрерывно текли, сбегая хрустальными каплями куда-то вниз. Она не слышала пьяного соседа, не слышала давно закипевший чайник. Жизнь потеряла всякий смысл. Еще с утра она имела в душе такую надежду, а сейчас все вдруг стало иллюзией, миражом, который исчезает, если к нему хочешь приблизиться.

На следующий день она долго не могла вспомнить вечер, как легла в постель, ночь, как граница, оставила что-то далеко позади. Она долго смотрела на себя в зеркало, стараясь понять, что же изменилось. Лицо, покрасневшие глаза, седые волосы растрепались, сбились в бесформенный комок – на нее смотрела уставшая старуха, которая вызывала лишь жалость, но все же что-то изменилось: рот был плотно сжат, не было

той готовности улыбнуться, не было добродушия и покорности, а было что-то упрямое, как в руке, сжатой в кулак.

Дождь, морозящий с утра, к обеду заредел, превратился в мелкую пыль и совсем стих. Сквозь рваные тучи показалось синее-синее небо, поднялся резкий порывистый ветер, лужи покрылись мелкой рябью, будто недовольно морщились на тревожившую их непогоду.

По улице плелся невысокий худой старик, он шел короткими перебежками, шагов по десять-пятнадцать, стараясь обходить мокрые места. Он останавливался между лужами и долго отдышал, тяжело дыша и обтирая мокрый лоб рукавом то правой, то левой руки. Маленькие, скользкие глазки видели цель, нос жадно вдыхал вечернюю прохладу. Нос был самый настоящий: большой, сизый, немного бугристый, такой нос говорил за все, вся судьба, характер, повадки и привычки были отлиты на этом носу. Его можно было показывать в кино или рекламе, но хозяин использовал свой шикарный бугристый нос по-другому, и нос за это дал ему странное прозвище — Сизарь. К голубям он не имел никакого отношения. Кроме маленьких, бледно голубых глаз и шикарного носа, Сизарь носил бороду, редкую седую бородку, как у татарского хана. Она постоянно слегка колыхалась, и создавалось впечатление легкого облачка, дед все время поглаживал ее, будто проверяя, не улетело ли это легкое облачко, хотя на самом деле и не замечал этого. Пожелтевшие седые волосы клочками выбивались из-под засаленной фуражки темного цвета, на себе он имел драповую куртку серого оттенка, напоминающую сварочную робу. Дед был одет в старые чужие обноски, как многие одинокие старики, и жизнь его делилась на периоды от запоя к запоя. Сама техника запоя уже давно изучена, понята и расписана в справочной литературе, хотя для каждого индивидуума она имеет свои особенности и оттенки, но сама суть и, так сказать, механика, были одинаковы — первый стакан пьется для удовольствия, для него всегда создается праздник: отборные закуски, атмосфера счастья и блаженства, музыка, женщины и душевные беседы. В каждом отдельном случае это, конечно, разные понятия, но смысл всегда один: первый стакан — это ощущение праздника, а все остальные — это опохмелка, разница лишь в том, сколько. Сизарь нырнул на четыре дня, ведь ког-

да ты выходишь из запоя у тебя такое состояние, будто ты долго-долго лежишь на дне, и чем длиннее твой запой, тем глубже от поверхности ты находишься. Ты лежишь на дне, смотришь на поверхность и знаешь, что тебе надо всплыть, во что бы то ни стало. Нужно набрать полную грудь этой ядовитой, отравленной самим собой атмосферы и оторваться от мерзкой трясины, а до поверхности так далеко, но если не всплыть сегодня, завтра ты будешь еще глубже, и воздух вокруг тебя будет еще ядовитее. Сизарь, только что всплыл и еще не мог надышаться жизнью, потому что любой запой — это маленькая смерть. Его бросало в холодный пот, страшное давление рвало изнутри его бедный мозг, а тело жаждало ядовитой влаги. Но он уже всплыл и нес свое брненное тело к видимой издалека Петровне. Для него она была сейчас как маяк, как луч света. Сизарь медленно, но верно добрался до пяточка с торговцами и, растянув рот в улыбке, быстро затряс жиденькой бородкой:

— Здравствуй, дедушка Сизарь — борода из ваты, всю получку прогулял, мухомор горбатый! — громко, с подпевом, проговорила Петровна:

— А мы уж вас и не надеялись увидеть.
А мы уж думали, вы померли давно,
А вы вернулись, не желая нас обидеть.
Вот только пахнете, как старое г..

Сизарь сильнее затряс бородой, еще шире растянул беззубый рот и, прищурился маленькими глазками, тихо просипел:

— Мать Петровна, дай тридцатку, завтра дочь придет, хоть хлеба куплю, дома совсем чисто. Отработаю, ну дай.

Петровна нахмурилась, глубоко вздохнув, почему-то взглянула на Анну Сергеевну, как бы спрашивая, дать — не дать, и пошарив в глубоком кармане, вынула несколько смятых бумажек, выбрав из них нужные три штуки. Остатки она сунула в карман, а тридцатку, зажав в кулаке, почему-то спрятала за спиной.

— Ты сколько пил?
— Четыре дня, кажись, — ответил дед.
— Дочь, когда приезжает?
— Завтра обещала, сама знаешь ведь.

Петровне хотелось продолжить допрос, но она махнула рукой куда-то в сторону, протянула деду деньги: «На, только не смей больше, а то не дам никогда». Сизарь схватил бумажки, как бы боясь, что она передумает и закланялся глубоко и часто. Анна Сергеевна поняла, что это четвертый. Раньше она близко его никогда не видела. И от этой картины замученного жизнью старика, для которого каждый день, прожитый в этом мире, подвиг, ей стало не так одиноко в своем безнадежном отчаянии, наверное, так всегда бывает, когда видишь кого-нибудь, чьи беды и горести намного страшней твоих, хотя для нее ничего страшней своего сейчас и не было. Анна Сергеевна повернулась к Петровне и спросила:

– А у него что, и дочь есть? Так как же так, ведь он совсем плохой? Как же так?

Петровна сделала рукой в воздухе что-то типа «нет» и сказала:

– Дочь-то дочь, да вот появилась совсем недавно. У Сизаря-то все богатство в его прописке, понимаешь. Пока он был жив-здоров, никому и не нужен был, а как запил горькую, бедный, так наследница и объявилась. Вот и приезжает раз в месяц, кружит как ворон, а бедный дед поначалу-то и рад был, пить бросил, побрился, ждал ее, а она увидела, что он ожил, развернулась и домой. Вот тебе и дочь. Вишь, вот как. Дак он сейчас специально перед ее приездом пьет до зеленого, сообщал, что она только к умирающему будет ездить, вот и пьет. Она этому и рада, ждет, видимо, не дожидется, приедет, проверит все, за квартиру заплатит, чтоб долги не копились, и домой. А деду, что и надо, не пил бы и дочь не видел. Во жизнь!

Анна Сергеевна вздохнула. Таких историй она еще не слышала.

Под конец торговли, когда уже горели фонари, а витрины и вывески магазинов излучали холодный неон, напротив торговцев семечками остановился огромный, как автобус, джип. Он подъехал тихо, как привидение, и заметили его лишь потому, что он закрыл собой половину улицы. Кто сидел внутри, видно не было, но машину не глушили, и то, что из нее никто не выходил, все поняли, что за ними наблюдают. Сразу наступила полная тишина, замерли все: торговцы, кучки молодежи. Одинокие прохожие, ускорив свой ход, исчезали за углом. Петровна застыла, держа в руке стакан с семечками. Молодой парнишка онемел, оттопырив карман. Все смотрели на большую машину, как будто сейчас из нее выйдет нечто такое, что все остальное уже не будет иметь значения.

Дверь бесшумно распахнулась, и из машины бодро выскочил крепкий, невысокий молодец. Он был в темной короткой кожаной куртке, спортивных штанах и ярких отсвечивающих кроссовках. Спортивная прическа, крепкие плечи и пружинистая, уверенная походка говорили сразу обо всем. Подойдя к точке с семечками, он остановился напротив, как бы изучая их витрину, их ассортимент. Лицо его было добродушным, даже симпатичным, глаза в сумраке казались серыми. Красивый

пухлый рот слегка косо улыбался, отчего всем немного полегчало.

– Привет, бабули, – поздоровался он громко сразу со всеми. Онемевший народ молчал, все смотрели себе под ноги, а некоторые из овощных торгашей со своими огурцами и прочей огородной снедью инстинктивно сделали шаг назад и чуть в сторону. Народ был опытный, дрессированный: шел мимо, ничего не знаю, шнурок развязался, а это не мое, черт знает чье. Тишина стояла самая гнетущая, никто не хотел обращать на себя внимание, всем хотелось прикинуться серой массой и тихо так исчезнуть. Пауза жутко затянулась и в этот миг вдруг кто-то громко мягким, поставленным голосом сказал: «Здравствуйте, молодой человек. Подходите, пожалуйста. Хотите семечек? Мы вас угостим». Анна Сергеевна широко улыбалась, а добрые глаза приглашали – подходите, пожалуйста. Молодой человек сначала вроде хотел подойти к Петровне, но секунду подумав, решительно шагнул к маленькой, аккуратной старушке, заметив, что семечки у нее стоят на белом табурете, в отличие от других, которые использовали грязные овощные ящики.

– Жареные? – громко спросил он и взял щепотку на пробу.

– Жареные, жареные, сынок, бери, чистенькие, не прелые.

Парнишка, громко хрустнув, сплюнул шелуху, потом еще для верности и довольный сказал: «Как в детстве! Сколько у тебя тут в мешочке, мать?». Анна Сергеевна слегка замешалась, она и не знала сколько там, и счета не вела, но на взгляд, и примерно прикинув сколько продала, наугад ответила: «Стаканов семь-восемь будет». «Вот и отлично, по червончику беру весь мешочек. Мы с ребятами любим с пивом полузгать. Давай сюда!». И вынул хрустнувшую нематую сотню. Народ вокруг ожил и заволновался, а вдруг, ребята захотят к пиву огурчиков, помидорчиков и хрену с картошкой. Моментально, как в кино, по команде весь базарчик засуетился, загудел, зашевелился, зазывая такого хорошего, богатого покупателя: «А вот огурчик малосольный, а вот помидорчик, а вот хреновинка, а вот, а вот, а вот!». Гомон стоял оглушительный и, видя, что клиент колеблется и не сразу уходит, возгласы стали нарастать, и уже слышалось как уговоры и мольба, переходили в угрожающий тон. Парнишка широко улыбнулся, развел руки в стороны и громко крикнул: «Спасибо, народ, но я не голоден». И забрав у Анны Сергеевны мешочек с семечками, посмотрел на протянутый кулачок со сдачей, сказал: «Не надо, мать, оставь внучатам на молоко». Он шустро развернулся и в три прыжка оказался в машине. Анна Сергеевна так и стояла с протянутой рукой, с зажатыми в ней тремя червонцами. Все теперь смотрели на нее, и снова наступила тишина. «Ну, ты и даешь, мать!», – пробубнила Петровна. Вчера только объявилась, а уже на опт перешла. Анна Сергеевна виновато опустила взгляд, убрала сдачу и, чуть слышно, проговорила: «Так уж вышло, может, он хотел таких». Ей было стыдно, что купили у нее, и, что сейчас другие будут к ней из-за этого хуже относиться. У нее даже ис-

портилось настроение, и она, постояв минуту в таком нелепом виде, с пустой табуреткой, сказала сама себе: «Ну, я пойду, пожалуй». «Иди, иди!», — сквозь зубы процедила Петровна, — только смотри, завтра не высовывайся, завтра моя очередь, здесь у нас не биржа, здесь у нас базар, и все должно быть по-честному, иди, мать».

Анна Сергеевна летела домой, как на крыльях. Не разбирая луж, она шлепала напропалую, табуретка больно давила бок, но останавливаться она не хотела, быстрее домой. Вот черный квадрат подъезда, хлопок двери, только на лестнице она перевела дыхание, сердце бешено колотилось, дрожащей рукой, с трудом попав ключом в замок, она отворила дверь, и еле волоча ноги, чуть не ползком, таща табурет, завалилась в прихожую. Все, дома! Закрыв за собой дверь, она села на тот самый табурет, и молча сидела в темной прихожей, пока мысли не пришли в порядок. Ей хотелось во всем разобраться, в душе творилось что-то непонятное, что-то дрожало, переворачивалось, излучало какое-то тепло, как будто рождалась новая жизнь. Анна Сергеевна с трудом поднялась, прошла на кухню, вынула всю выручку, считать уже не было смысла, она просто отложила самые крупные деньги отдельно в ящичек, а остатки и мелочь убрала на завтра. Семечек было еще достаточно, можно не жарить. Ей нужно было просто посидеть, поразмыслить, что же случилось, что сегодня изменилось в ее жизни? Она чувствовала как бы чье-то присутствие, она чувствовала какое-то живое тепло, какую-то благодать, мысли путались, и в голове не было ничего определенного. Ей так хотелось поверить в удачу, в богиню фортуны, но душа была не на месте, и Анна Сергеевна, встав, открыла кухонный шкафчик, там, в углу стояла маленькая иконка, маленький образок Христа, отпечатанный на толстой бумаге. Анна Сергеевна никогда не верила в Бога, да и могла ли верить учительница того времени? Верила она в других богов, их портреты везде украшали стены кабинетов, такое время было, и она была его дочерью. Этот же образок ей принесла соседка снизу, тихая, скромная женщина. Просто узнав о ее горе, зашла, и пытаясь как-то утешить, принесла его с собой. Анна Сергеевна толком и не помнила, о чем они тогда говорили, помнила только ее добрый, теплый взгляд, помнила ее горячие ладони, которыми она сжимала ее руки, помнила слова: «Ты верь, верь, матушка, ведь все в его власти, это мы слепые, а он все может, нужно только душу открыть. Ты верь, он поможет!». И крестила ее высохшей рукой, крестила углы, что-то тихо говорила и опять крестила ее. Анна Сергеевна, была тогда, как в тумане, и не помнила, как они расстались, лишь сейчас что-то шевельнулось в ее душе и она, взяв этот маленький кусочек картона, внимательно разглядела его. На душе у нее стало так тихо, спокойно, что она не смогла сдержаться и прижала к губам ставшую, вдруг, такой дорогой, эту маленькую бумажку, прижала к губам и целовала, целовала, и горячие слезы благодарности текли непрерывным потоком по ее запавшим щекам. Потом, зажав в правой руке, она плотно прижала ее к груди, туда, где

билось ее уставшее сердце, где томилась изнывающая от горя душа. Тепло и радость наполняли ее, надежда и благодать, как ослепительная вспышка, вдруг родились в душе, и она так и осталась сидеть в углу на табурете с иконкой, зажатой в руке, и шепча про себя какие-то наспех придуманные молитвы. Шепча про себя, как на исповеди, всю свою душу, которая наполнялась надеждой и ощущением счастья и покоя: «Он со мной, он со мной, он поможет».

Ночью поднялся жуткий ветер, он рвал на небе в клочья черные тяжелые тучи, громыхал водосточными трубами и железными подоконниками и так жутко завывал, что жители верхних этажей вскакивали и со страхом прислушивались, что это там воет, подходили к окнам, заглядывая на небо, а ветер, как того и ждал, тяжело ударял в стекла, так, что те дрожали и потрескивали под напором, и если у кого не была закрыта форточка, то стекла разлетались от удара вдребезги, и испуганные люди шарахались от окон в сторону, поминная, кто черта: «Ах, ты, черт возьми!», кто бога: «Господи, да что же это за осень?», затем опять ложились в постель, беспокойно ворочаясь и прислушиваясь до самого утра. А безумный ветер, наигравшись с мусором на улицах, оборвав несколько щитов и разбив с десяток форточек напоследок, сдернув с деревьев, как вуаль, остатки пожелтевшей листвы, вдруг стих, успокоился и совсем пропал, как его и не было, оставив на небе темные лохмотья облаков, сквозь которые чернело небо, усеянное огромными сияющими звездами, такие светят только осенью в безлунную темную ночь.

День прошел почти незаметно и в хлопотах по дому, Анна Сергеевна чуть не опоздала на работу, как она решила называть свое мероприятие, видимо, для создания особого настроения и дисциплины в душе. Ближе ко времени выхода, она быстренько выпила чаю, собрала свою нехитрую амуницию и, торопясь, почти бегом, отправилась на точку. Народ был на месте. Петровна во главе коллег громко призывала прохожих: «Семачки, семачки!».

— Эй, милоч, купи стаканчик, ляжем вместе на диванчик!

Народ улыбался, народ был доволен погодой, которая наконец-то дала передышку, и даже прошли слухи, что будет бабье лето. Под это настроение торговля шла бойко и весело. Анна Сергеевна подошла незаметно, тихо поздоровалась и поставила свой табурет чуть наискосок от Петровны и немного дальше от дороги. Если смотреть с противоположной стороны, то ее и видно не будет, давая понять Петровне, что она не высунулась, и что свою удачу уступает кому-нибудь по очереди, пожалуйста, мол, мне не жалко. Петровна, заметив это, довольно заулыбалась, ей не столько уж была важна возможная выгода, сколько было приятно, и ее самолюбие растеклось в груди сладостным теплом. Приятно, когда тебя уважают и слушаются. Она гордо расправила плечи и внимательно огляделась, торговый народ ничего не пропускал, особенно, что касается конкурентов. Ей стало еще приятней, и в порыве душевного подъема она обернулась к Анне Сергеевне и сказала:

«Иди сюда, ближе вставай, чтоб ровно было», — показывая рукой на линию из ящиков, «ставь сюда табуреточку, чтоб ровненько было. Не стесняйся!» — и шире заулыбалась, — «нам надо вместе держаться, так легче», — проговорила она и смолкла, видимо удивленная своей добротой.

«А где дедушка?» — спросила Анна Сергеевна. Петровна обернулась к ней, глубоко вздохнула и, указав рукой куда-то в сторону, видимо, где он жил, ответила: «Дочь, видимо, еще дома. Завтра появится чистый, мытый недельку, глядишь, и поработает. Больше он не выдерживал никогда, обязательно в отгул уходил» — громко хохотнула она, довольная своей остротой. Хорошее настроение было у всех, покупатель, не церемонясь, брали, не пробуя, только большие стаканчики, собирались кучками, балагурили, громко смеялись и мусорили шелухой на грязные улицы. Работа шла так скоро и удачно, что Анна Сергеевна заволновалась, потому что у нее оставалось уже меньше половины мешочка. А до конца торговли было еще довольно много времени. Петровна же наоборот, видимо, на удачу, принесла с собой двойной запас и довольная мурлыкала что-то про себя, шустро управляясь с мелочью и замусоленными бумажками. Ей так удачно работалось в этот вечер, что некогда было распевать свои прибаутки, она лишь шире улыбалась на приветствия знакомых.

Большой темный джип заметили издали, ехал он медленно, точно плыл по течению, и бесшумно. Как в прошлый раз, остановился точно на своем месте. Кто-то громко крикнул, кто-то вздохнул, кто-то позвал соседа: «Смотри, смотри, опять этот вчерашний». Все ждали событий. Сытый, довольный народ жаждал зрелищ и, похоже, что-то будет, так решил каждый, и все, как по команде повернулись в его сторону. Машина стояла на своем месте, бесшумно работала, не показывая никому свое нутро. Время уже затянулось, чуть дольше приличного, и легкая тревога зазудела в душе у каждого, что-то здесь не то, не те зрелища, похоже. Анна Сергеевна обмерла, у нее в мешочке было почти пусто, но думала она сейчас не об этом, эта машина ей показалась сейчас чуть ли не родной, она сразу решила, что это к ней, потому что иначе и не должно было быть, потому что в душе у нее горела надежда. Она сразу же успокоилась и тихо прошептала: «Он со мной». Петровна тем временем быстрым ловким движением убрала остатки семечек с ящика и неизвестно откуда выложила целый мешок отборных, чистых, жареных так искусно и с такой любовью, что только про такие семечки говорят: «Тыфу ты, черт, да убери ж ты от меня эту заразу!», замерла, глядя немигающими глазами на темный силуэт авто. Она была профи, никуда не денется и, взяв горсточку, медленно и демонстративно стала лузгать свой собственный товар, изображая верх блаженства, пройти мимо было почти невозможно. Наконец машина вздрогнула, слегка качнулась и отворила переднюю пассажирскую дверь, там было темно, виднелась лишь черная тень, которая тут же обрела облик человека. Он, выставив вперед ногу и держась за поручень, тя-

жело вылез из машины. Так вылезают большие, грузные люди, им везде бывает тесно. Это была власть, все почему-то сразу поняли, неважно какая, пятая, шестая, правильная, неправильная, но самая настоящая, живьем. Она стояла перед ними и смотрела. Если власть смотрит на вас, значит ли это ваш конец? Или это ваше начало? Каждый, видимо, сам решает, но о конце у нас всегда думают чаще. «Доигрались, кажись» — буркнул кто-то из овощей. На него тотчас зашикали, кто-то ткнул в бок: — Нажрался и заткнись.

В такой ситуации можно принять на себя все грехи и получить высшую меру. Власть была очень высокой, очень высокой и большой, в смысле геометрических размеров, блестящий бритый череп отражал огни фонарей, шея была толстая и переходила глубокими складками в широкий затылок, лицо скрывали большие темные очки, а как иначе, только темные очки, в любое время суток. Они создают впечатление, что смотрят именно на вас, и от этого всегда теряешь спокойствие. Черный кожаный плащ, длинный почти до пят, плотно облегал мощное тело, руки были спрятаны в карманах, и было видно, что правая рука чем-то поигрывает, перебирает что-то. Ноги, почти, у всех отнялись, и случись сейчас в этом месте извержение Везувия, наши далекие потомки, отрыли бы когда-нибудь этот чудесный вид доисторического рынка. Но власть, вдруг, громко чихнула и, вынув правую руку из кармана, в которой был носовой платок, высморкалась туда, издав самый обычный звук: «Круууук!», какие издают многие живые организмы. «Извините, простуда», — произнесла власть высоким, почти визгливым тенором. «Погода у вас, совсем дрянь, извините!» — и шагнула в сторону семечек.

Анна Сергеевна смотрела на кулак, сжимающий носовой платок, левая рука была согнута в локте, зацепившись большим пальцем за лацкан плаща, и была как раз находилась на уровне ее лица. На среднем пальце сидел перстень. Большой, с орех, камень брызгал в разные стороны разноцветной радугой, отражая свет витрин и светофоров одновременно. В нем было что-то завораживающее, что-то из восточной сказки. Петровна застыла с открытым ртом, на подбородке у нее прилипла скорлупка, и от этого она выглядела еще глупей. Левая рука, спрятав платок в карман, толстыми пальцами громко прошуршала в ее мешке, захватив пару семечек, замерла рядом с правой и стала перебирать их, как будто изучая и пробуя на качество.

— Хороши! Украинские?

Петровна вздрогнула, с трудом сообразив, что ответить, сиплым, не своим голосом прошипела: «Евросемечки, 10 рублей стакан, 150 — мешок. Есть и еще, сколько хотите?». И уставилась куда-то в грудь, боясь поднять глаза, растянув рот в подобострастной улыбке. Власть громко хохотнула, почти взвизгнув, и ответила: «Ну, вы и даете, только спросил, и уже мешок должен взять. Вот это хватка, просто акулы какие-то!», и чуть повернувшись к маленькой, щуплой старушке с табуретом, сразу стала серьезной. Она наклонилась к ней ниже и вполголоса сказала: «Здравс-

твуйте, Анна Сергеевна». Старушка замерла, глядя на огромные руки, на силуэт, уходящий куда-то вверх, не решаясь поднять глаза. Она задумалась, ушла в себя и затем, как бы проснувшись, резко вздрогнула и тихо промолвила: «Сереза, это ты! Я тебя по голосу узнала».

Это должен быть только он, этот высокий неприятный голос, она никогда не забывала. Перед ней стояла ее проснувшаяся совесть. Когда-то, в прошлом, ее ученик, хулиган и страшный забияка, мучивший всех без разбору, всех, кто был слабей, доводивший учителей до слез, до истерик. Не было, наверно, ни одного человека, учившегося в то время, кто б его не помнил. Сереза! А вот фамилию она не могла вспомнить, только его голос, имя и высокую плотную фигуру. Да, это был он, сколько бы времени ни прошло, и в этот миг она вспомнила себя в то время, вспомнила его фамилию, ну, конечно, — Сереза Самойленко. Анна Сергеевна глубоко вздохнула и в одну секунду прожила снова все события тридцатилетней давности, вспомнила страшный скандал, милицию, вспомнила следователя, кажется, он был майор, и всю историю, за которую потом долго себя корила. Она тогда так устала, так измучилась от этого жестокого, злобного мальчишки, что даже обрадовалась, когда они с компанией ночью жестоко, до полусмерти избили и ограбили какого-то заслуженного ветерана. Она обрадовалась тогда, что может, наконец-то, избавиться от этого дьяволенка, нужно лишь было отказаться подписать хорошую характеристику, с которой бегал его адвокат, шустрый проныра с маленькими колючими глазками.

Он умудрялся проскальзывать сквозь закрытые двери и везде слышался его вкрадчивый тихий голос: «Подпишем характеристику, наверху уже в курсе. Я доложу, о вас не забудут, не волнуйтесь!» — и сладко улыбаясь тонкими губами, подходил близко и шептал на ухо какие-то фамилии. Ей становилось так тошно от его змеиных глазок, от запаха дорогого одеколлона, от его пожатия за локоть, что она наотрез отказалась, выгнав его вон, и, сильно потом испугавшись за свою решимость, долго сидела молча в кабинете, успокаивая себя, но совесть уже где-то внутри запела свою нудную мелодию. Долго она ее слушала и не спала ночами, много лет. Потом был показательный суд, какие всегда проводили к какому-нибудь юбилею, и срок, кажется, пять или семь, это значит, что судьба была сломана раз и навсегда. И это сделала она, хоть сначала и не сильно жалела об этом. И вот Сереза стоит перед ней, огромный, сытый. И все видят в нем власть, только для нее это был тот же шкодливый подросток, которого она так ненавидела.

— Анна Сергеевна, вам плохо? — спросил Сергей. Я, вообще-то, за Вами, Анна Сергеевна.

Она очнулась и, как бы решив убедиться, что он живой, потрогала его за пухлую, мягкую руку, затем, отступив пару шагов назад, взглянула ему в лицо. Да, это он, только в два раза больше: толстые губы, нос картошкой, маленький, круглый подбородок, глаз только не было видно, но это был он.

— Пойдемте, Анна Сергеевна, у меня к вам серьезный разговор.

И видя, что она не понимает его или не решается, он уже громче сказал: «Да бросайте Вы эту шелуху. Евросемечки! Я вас случайно-то и нашел, пойдемте!». И отставив в сторону Петровны табурет, взял бывшую учительницу за плечи и чуть не силой повел к машине. Тот же пьяный голос из овощей громко крикнул: «Мы номер-то запишем, мы законы знаем». И тут же крикнул, получив звонкий шлепок. Сергей обернулся и с улыбкой произнес: «Солидарность, значит. Молодцы! Своих надо защищать».

Усадив Анну Сергеевну в открытую дверь машины, вернулся к Петровне:

— Сколько, говоришь, у тебя тут евросемечек? — и не дожидаясь ответа, вынул из кармана деньги.

— Две кати хватит?

Петровна молча кивнула, не понимая о чем речь. Он сгреб весь мешок и, развернувшись, тяжело ступая, ушел к машине, которая, слегка присев от веса, приняла внутрь своего хозяина. Дверь мягко хлюпнула, оставив снаружи шум улицы.

Анна Сергеевна тихонько сидела на заднем диване, стараясь поджать под себя ноги. Ей было необычно, немного волнительно, словно оказалась в космической ракете. Она погладила упругую кожу сиденья, оно было широким и глубоким, можно было даже лечь. Пахло, как в дорогом парфюмерном магазине, полную тишину слегка нарушала слабая музыка. Вот она, другая жизнь, за этой дверью был другой мир, здесь было тихо и сытно, там был ветер, грязь, нужда и сплошная безнадега, как для молодых, так и для стариков. Здесь люди мучались от нехватки желаний, по-своему сходили с ума и начинали есть друг друга; там — спивались, резались за бутылку, лезли в петлю. Она смотрела на бритый затылок и не знала радоваться ей или ненавидеть этот круглый лоснящийся шар. Сергей обернулся к ней и довольный потряс мешком: «Решил подкормить вашу братву», — и сунул его водителю. За рулем сидел вчерашний парнишка. Он лишь слегка кивнул и молча принялся за угощение. «Так значит семечки? И что ж у вас такое должно было произойти, Анна Сергеевна, что вы пошли на базар с семечками? Или я отстал от жизни, и мир уже давно другой? Наверно, Вам очень нужны деньги? А что, другого способа не было?» — повернувшись к ней, начал он расспрос, — вот ни за что бы не поверил, если бы кто сказал. Он почему-то тяжело вздохнул и обтер лоб платком. Она посмотрела сквозь темное окно на улицу на таких уже далеких своих коллег и ответила: «Почему не было другого способа? Можно еще банк ограбить, но вы уже, наверно, все ограбили. Вот мы и торгуем, чем можем». Сергей хохотнул: «Как Вы точно сказали. Ну ладно, не будем о политике, у меня к вам небольшое предложение. Может, отведем куда-нибудь? Тут есть недалеко небольшой ресторанчик». «Да что вы, Сергей, — она почему-то окончательно перешла на Вы, — я одета в то, в чем 20 лет назад ходила на уроки. Да я и забыла, что это такое! Нет, нет!». Сергей наморщил высокий лоб,

он не любил возражений: «Не волнуйтесь, никто нас по одежде встречать не будет, там есть кабинет, нам никто не помешает», — сейчас он уже не спрашивал, он уже был самим собой. Анне Сергеевне стало немного жутковато, легкий холодок сквозняком прошел где-то в душе, что у него на уме, в кого он вырос за эти годы, в кого превратится маленький злобный щенок? Впервые за последнее время ей стало страшно за себя, и она, пересилив свой нахлынувший ужас, чуть слышно спросила: «Сереза, что Вы от меня хотите?». И тихонько всхлипнула, как маленький ребенок, который нашкодил и ждет наказания. Сергей протянул к ней руку и обхватил своей огромной тяжелой лапой ее старые высохшие кулачки.

— Не волнуйтесь, не могу же я Вас так отпустить. Вы ведь, Анна Сергеевна, часть моей судьбы. Нам ведь есть о чем поговорить, есть о чем вспомнить.

И было непонятно, что в его словах: скрытая угроза, желание унижить, насладиться страхом своей жертвы, как было раньше, или он, просто, хочет показать ей свою власть, свою значимость в этом мире, потешить свое тщеславие? Он ткнул водителя пальцем в плечо:

— Давай к нам в «Лагуну»!

Видимо, так назывался ресторанчик. И посмотрев на часы, сказал, обращаясь к Анне Сергеевне: «У нас есть пара часов. Немного перекусим и поговорим». Машина тихо тронулась, и у Анны Сергеевны было ощущение, что поехала не она, а весь этот мир, с семечками, с Петровной, с Сизарем, поехал куда-то назад, тихо так, бесшумно поплыл в прошлое. Анна Сергеевна, чуть напряглась от страха и, закрыв глаза, тихо прошептала: «Господи, сохрани и помилуй!».

Проехав немного по прямой и свернув куда-то в проулок, машина уперлась в серую металлическую дверь. Сверху горел фонарь, от света фар в стороны шмыгнули кошки, это был задний двор ресторана, черный ход, как сказали бы раньше. Прямо над дверью ожил механический глаз камеры. Сергей наклонился к водителю и что-то тихо сказал. Тот кивнул в ответ и равнодушно отвернулся к окну. «Ну, вот и приехали!» — уже громче сказал он, «пойдемте, Анна Сергеевна, это французское заведение, у меня здесь кабинет, нас никто не увидит и никто нам не помешает». Он открыл свою дверь, грузно вылез из машины, тяжело вздохнул и, открыв заднюю дверь, подал ей руку. Кричать и бежать было бесполезно, она протянула ему свою ладонь и, не чуя ног, вылезла на землю. Дверь за ней бесшумно хлопнула. Сергей, закрыв свою дверь, махнул рукой, и машина тронулась, исчезая в сумерках. Анна Сергеевна почувствовала себя ночью в диком лесу рядом с медведем, что от него было ждать — неизвестно, и она, подняв лицо кверху, взглянула на него. Он добродушно улыбался, растянув свои толстые губы. Глаз видно не было, но ей стало легче, и она тоже улыбнулась. «Анна Сергеевна, вы как будто боитесь меня», — спросил он совсем другим, тихим грудным голосом.

— Да что вы!

И взяв ее за руку, потянул к двери, которая тотчас открылась. Видимо, за ними уже наблюдали, все было, как в кино, дверь распахнулась, и на пороге встал худощавый мужчина в розовом пиджаке и такой же бабочке. Черные волосы были гладко зачесаны назад и блестели как под лаком, тонкие усики над верхней губой, подбородок с ямочкой, тонкий рот криво ухмылялся, он был чертовски красив, но на француза походил мало.

«Прошу, Сергей Анатольевич», — сделав шаг назад, сказал он с каким-то непонятым акцентом. «Это наш администратор, его зовут Мишель», — сказал Сергей, представив его, — а это — Анна Сергеевна, моя гостья, угости нас чем-нибудь», — и сделал жест рукой, приглашая старушку внутрь. Анна Сергеевна, оглядев Мишеля, сказала: «Вы больше походите на итальянца, и акцент у вас неправильный». Сергей, громко взвизгнув, рассмеялся: «Видал, какой у меня эксперт по французам? Придется акцент тебе поправить, друг Мишель», — уже серьезней добавил он и шагнул внутрь, держа Анну Сергеевну за руку. Дверь за ними услужливо прикрыли. Вперед полумраком уходил коридор, слышалась где-то музыка, приглушенные голоса, витали терпкие запахи кухни. Сразу же захотелось есть, страх пропал, и она, крепче сжав мясистую Сергееву ладонь, уже решительней шагнула за ним.

Кабинетом была небольшая квадратная комната без окон, с большим столом посередине, обшитые темным деревом стены незаметно сливались с полом, сверху висела большая лампа с абажуром, но она не горела, а свет исходил откуда-то сверху, с потолка, и казалось, что он стекал по стенам. Сергей по-хозяйски вошел внутрь, обошел комнату по углам, потрогал стулья, как будто чему-то не доверял. Анна Сергеевна стояла у дверей, не решаясь войти. Она была, как безвольная щепка в течении, что будет дальше, она не знала, но почему-то успокоилась и почувствовала себя, как на уроке в школе, твердо и уверенно. Плохого не будет, решила она для себя, и, повернувшись к Мишелю, стоявшему чуть сзади, сказала по-французски: «Помогите мне, молодой человек», — стала расстегивать пальто. Мишель замер, его даже немного качнуло от неожиданности, но он быстро собрался и на ломаном ответил: «К вашим услугам, мадам», — и, галантно склонившись, стал помогать ей раздеваться. Забрав у нее пальто, повесил его в угол на вешалку. Сергей же, быстро скинув свой огромный черный плащ, бросил его на соседний стул. «Так все-таки француз?» — шутливо спросил он. Анна Сергеевна улыбнулась и ответила: «Ну, в Париже, его вряд ли бы поняли а для нас, я думаю, сойдет». Мишель тоже улыбнулся и, чуть склонившись вперед, подставил ей стул. «Спасибо, мадам! Что будете кушать?» — обратился он уже к Сергею, как к хозяину. Сергей сидел напротив и сквозь очки разглядывал маленькую высохшую старушку: седые волосы, усталый, измученный взгляд. Она все время старалась спрятать свои глаза, смотрела куда-то вниз, на свои руки, сжатые в

кулачки. Ему стало жаль это маленькое слабое существо, захотелось сделать что-то хорошее, захотелось защитить, и, не зная с чего начать, он спросил: «Чего бы вам хотелось, Анна Сергеевна?». Она вздрогнула, секунду задумавшись, молчала, а затем, сглотнув, хрипло сказала: «А можно мне пельменей? Я лет пять не ела пельмени. Может, у него есть хоть чуть-чуть?». Мишель поднял брови, сморщил высокий лоб и, капризно скорчив рот, недовольным голосом ответил: «Это французский ресторан, здесь такого не держат, здесь особые закуски». Сергей поднял на него взгляд и тихо, сквозь зубы сказал: «Это не французский ресторан, это мой ресторан». Затем правой рукой снял очки и положил их рядом на стол. Сергей смотрел на Мишеля, молча, немигающим правым глазом, левый был изуродован, его вместе с бровью рассекал глубокий волнистый шрам, да и был ли глаз, понять было невозможно, а вот здоровый замер на администраторе, которому стало не по себе. Мишель переступал с ноги на ногу, затем кашлянул и молча развел руками. Сергей скривил рот и, покачав головой, продолжил: «Пельмени, мсье, это такие маленькие скользкие пирожки с мясом. Пошли кого-нибудь к соседям в «Русский лес» и побыстрее, у нас мало времени. Ну!». Мишель, плаксиво скривил губы, и, отвернувшись в сторону, ответил: «Сию минуту!». Затем быстро развернулся и вышел, закрыв за собой тяжелую дверь.

Сергей, кивнув ему вдогонку, тихо проговорил: «Терпеть не могу эту породу. Капризный, как баба. Но на него идет особый клиент, приходится терпеть. Анна Сергеевна понимающе кивнула, и оба замолчали. Сразу стало тихо, как и не было никакого ресторана, тихо-тихо, как в гробу, подумала Анна Сергеевна. «Это комната для переговоров, — как будто поняв ее мысли, ответил он, — очень удобно: стены обшиты, дверь, звукоизоляция. Когда хочешь поговорить с человеком по душам, лучше, чтоб никто не слышал». Потом вдруг поняв всю нелепость своих слов, он хмыкнул и, показав на свой изуродованный глаз, сменил тему: «Видите, как меня на зоне разукрасили, можно сказать, что пострадал за светлое будущее, надеюсь, что оно уже наступило. Как Вы думаете, Анна Сергеевна?». Здоровый глаз теперь смотрел на нее, светло-зеленый, холодный, почти без ресниц, выпуклый глаз. Ей опять стало не по себе, опять стало страшно, она почувствовала себя, как кролик перед удавом, боясь вздохнуть или отвести глаза. «Нет, вы меня определенно боитесь, Анна Сергеевна. Бросьте, я ведь абсолютно ни о чем не жалею. Если бы меня тогда не закрыли, я, Анна Сергеевна, торговал бы сейчас вместе с вами семечками, как честный инженер. Папа ведь хотел сделать меня инженером, а я на зону спрятался от светлой жизни», — и он грубо рассмеялся. Анна Сергеевна, не зная как себя вести, осмелилась и спросила: «А как Вам там жилось, Сережа?». Он сразу помрачнел, потрогал свой уродливый глаз и, глубоко вздохнув, заговорил тихим, хриплым голосом: «Мне тогда семь дали, вы, наверно, помните, а за жизнь приходилось бороться. За это, там наказывают, вот и добавили еще пару

раз. Отсидел в итоге пятнашку, — он опустил взгляд на свои толстые руки, помолчал полминуты и снова заговорил, — адвокатишка, крыса, из предков все деньги вытянул, отец тогда машину продал и все в него как в трубу, а он все дело изгадил. Мать говорила, что у него тогда из машины портфель украли, представляете, а в нем все бумажки. Все характеристики, ходатки, из какого-то кружка, даже письмо. Я, кажется, у них был филателистом. В общем, сейчас с такими бумагами и за такие бабки черта бы оправдали, а у него все пропало. Видно, судьба такая, ни деньгами, ни ходатками не изменишь». Анна Сергеевна онемела, внутри у нее словно все перевернулось вверх ногами, она ничего не могла понять, почему он так говорит? Она всю жизнь себя корила за ту вспышку ярости, за свой отказ подписать бумаги, а он говорит совсем другое, для чего? Может, для того, что бы сгладить воспоминания, а может, и не было никаких бумаг, может, адвокат, чтобы оправдать свои гонорары, все это выдумал, и она, боясь сказать лишнее, боясь выдать свое волнение и страх, покачала головой и сказала: «Да, Сережа, видимо, судьба. Давай больше не будем об этом, мне было так тяжело, давай не будем». И опустила взгляд, замерла, как на иконе. Мишель появился почти бесшумно, он катил перед собой тележку, уставленную разными тарелками, бутылка шампанского стояла в ведерке, сзади него шел молоденький официант с большим подносом. Мишель ловко, как жонглер, расставил блюда, повернулся к официанту и, взяв с подноса большую тарелку, накрытую глубокой фарфоровой крышкой, поставил ее перед Анной Сергеевной: «Ваш заказ, мадам, — он был все еще обижен или играл свою роль, говорил, как сквозь зубы и без акцента, — ваши пельмени, мадам, сибирские, самые лучшие, Вы будете довольны». Он расставил еще несколько маленьких блюдец похожих на пиалки и положил перед ней длинную позолоченную вилку с тремя зубьями и такую же необычную ложку с длинной ручкой: «Это для бульона, — пояснил он, видя ее взгляд, — а это — специи и соус. Приятного аппетита, мадам». Блюдец было три, в одном был желтый, почти янтарный бульон, в другом соус, похожий на майонез, только более темный, почти бежевый, еще было блюдо с мелко нарезанной зеленью, и маленький хрустальный приборчик с перцем и горчицей. Такой красоты она еще не видела, даже есть было страшно. Мишель открыл главное блюдо, облачко пара быстро растворилось в воздухе, наполнив комнату ароматом, от которого он сам же громко сглотнул. «Прошу Вас, мадам», — уже более мягко сказал он. «Мерси, Мишель, — ответила она и улыбнулась ему. То, что лежало на тарелке, трудно было назвать пельменями, каждый из них имел форму маленького пятиугольника с прилепленным сверху мешочком с мясом и напоминал знак качества. Все они были идеальной формы и как две капли воды походили друг на друга. Пельмени лежали в один слой таким же пятиугольником. «Никогда не думала, что из пельменей можно сделать такое, — сказала она, — это просто чудо. «Это всего лишь

пельмени, мадам, мясо с мукой. У нас есть истинные французские блюда, и только у нас. Попробуйте вот это, такое вам больше никто не предложит. Даже во Франции, это, есть не везде, — заговорил он уже как радушный хозяин и принялся открывать шампанское. Сергей улыбнулся и кивнул ей, приглашая: «Не стесняйтесь, Анна Сергеевна, все это для Вас, а мы всего лишь свита». Он взял бокал с налитым вином и шумно отпил половину, затем пододвинул к ней тарелку с наложенным на ней в виде цветка розовато-коричневым паштетом, две маленькие, как игрушечные, золотые ложечки лежали на ней же. Сергей взял одну и, зацепив самую кромку, отправил его в рот. От удовольствия он закрыл свой глаз, показывая, как это вкусно. Анна Сергеевна сделала то же, но взяла побольше, сколько смогла уместить эта чудо-ложечка. Она аккуратно положила в рот хваленый французский деликатес и стала тихонько раскатывать его языком, чтобы прочувствовать весь аромат, который действительно был необычным, чуть терпким и таким насыщенным и густым, что у нее перехватило дыхание, а, проглотив, ощутила такую глубину и силу его вкуса, что на глазах выступили слезы. Ей сразу подали бокал. Она отпила глоток и поставила его на стол. Вкус оставался у нее во рту, в горле, в носу, она наслаждалась этим необычным вкусом. Сергей с интересом наблюдал за ней.

— Весь эффект этого блюда в том и состоит, что взяв чуть-чуть, ощущаешь еще очень долго его вкус. Правда, изумительно?

Она отпила еще глоток и кивнула: «Да, это очень вкусно, Сережа».

— Вы можете ощущать себя французской королевой, Анна Сергеевна. Это блюдо из их меню.

— А что это? — спросила она.

— Это называется «фуагра» — гусиная печень.

— Всего-то? — она удивленно подняла глаза, — я ела гусиную печень, но это нечто другое.

— Конечно, другое.

Сергей взял еще кусочек, сладко его рассосал, сглотнул, и, запив вином, продолжил.

— Его, бедного гуся, специально готовят для этого блюда. Его очень долго мучают, силой, через трубочку, кормят грецкими орехами, ему не дают двигаться, а чтобы он быстрее все это переваривал и превращался в деликатес, ему, этому бедному гуся, делают массаж, ему массируют внутренности. У него от такой диеты начинает расти и наполняться жиром печенка. Здесь главное угадать нужный момент, он не должен сам умереть от обжорства. Его нужно опередить. И вот перед нами это чудо гастрономии.

Сергей как-то грустно улыбнулся, отпил еще из бокала и стал закусывать из другой тарелки чем-то похожим на салат.

— Ешьте, ешьте, а то ваши Сибирские остынут и засохнут, — проговорил он сквозь зубы. Анна Сергеевна взяла вилку, зацепила одно изделие, чуть обмакнула его, самым краешком, в соус и съела. Пельмени были восхитительны, весь сок оставался внутри, и соус был чуть острый и с кислинкой, в самый раз. Она еще чу-

точку глотнула из бокала, и уже совсем расслабившись от тепла и шампанского, стала аккуратно, не спеша, есть, вытирая каждый раз салфеткой губы. Мишель стоял сбоку, равнодушно отвернувшись. Когда на тарелке у нее осталось чуть меньше десятка пельменей, она положила вилку на блюдо и, взяв ложку, зачерпнула бульон. Густой, наваристый как студень, он отдавал какими-то травами, чем-то восточным. После него снова хотелось пельменей, но она, отодвинув тарелку, сказала сама себе: «Нет, нет, я больше не могу. Сережа, остановите меня, я уже, как тот бедный гусь», и громко рассмеялась.

— Я, кажется, опьянела с одного бокала.

Мишель хмыкнул и сказал: «Не волнуйтесь, мадам, у нас есть служба доставки». Затем, скривив губы в сладкой улыбке, замер в ожидании. Анна Сергеевна шумно вздохнула, откинулась на спинку стула и уже другим человеком взглянула в лицо Сергею. Он больше не казался ей таким ужасным, она видела морщинки у здорового глаза, видела складки на лбу и вокруг рта, а этот страшный глаз смотрел на нее спокойно и изучающее. Сергей был уже почти родным.

— А все-таки это ужасно, — проговорила она.

— Что ужасно?

— Ну, это ваше фуагра или как его там, ужасно, Сережа. Какие все-таки мы жестокие люди, своих братьев обираем, а при этом с удовольствием мучаем обжорством бедную птицу, для того, чтобы съесть ее больную печень. Это ужасно, мальчики.

И она снова рассмеялась. Сергей улыбался, взгляд его потеплел, он взглянул на Мишеля и чуть заметно кивнул. Тот моргнул в ответ, наполнил оба бокала, и тихо вышел, прикрыв за собой дверь. Анна Сергеевна сидела, откинувшись назад, глаза ее блестели, на впалых щеках выступил румянец.

— Спасибо Вам, Сережа, это лучшее, что со мной произошло за последние десять лет. Я действительно почувствовала себя чуточку королевой. Вы читали Дрюона? Вы — копия одного из его героев, Вы, Сережа, Робер Артуа, вы такой же огромный и необузданный.

И она снова от души рассмеялась, от души, до слез, как могут смеяться, только дети и круглые дураки. Сергей покачал головой, вытер лоб и тихим голосом спросил: «Вы мне все же расскажите, что же у Вас такое стряслось, что Вы вышли на улицу с семечками? Я думаю, что, даже умирая с голоду, Вы, не пошли бы на это. Расскажите мне, Анна Сергеевна», — и внимательно уставился ей в лицо своим единственным глазом. Она сразу обмякла, стала меньше, все силы покинули ее, как будто это не она только что шутила и смеялась. Анна Сергеевна молчала. Она боялась, боялась спугнуть этот короткий миг счастья, который сразу же должен исчезнуть как мираж, скажи она хоть слово. Но из памяти уже вставала черная тень, и чтобы не сорваться, она заговорила чуть слышно тихим, хриплым голосом: «У меня беда, Сережа, у меня внучка умирает, сердечко больное. Операция нужна, а денег надо столько, что мне и за двадцать лет не за-

работать. А пошла я так, чтобы одной дома с ума не сойти», и, отвернувшись в сторону, тихо, беззвучно заплакала с открытыми глазами, глядя куда-то в пустоту. Сергей наморщил лоб, глядя на тарелки, на хрусталь бокалов, на потную бутылку. Он резко отодвинулся от стола, встал и, засунув руки в карманы, заходил по комнате, заполняя собой все пространство.

– А если я Вам помогу, Анна Сергеевна, если я помогу Вам, вы позволите?

Она его как будто не слышала или не понимала его слов, которых и не должно было быть. Он спросил еще громче. Она очнулась и, поняв, что он сказал, быстро, скороговоркой ответила: «Нет, нет, это невозможно, Сережа, это так дорого, это невозможно!», видимо, быстро сообразив, что так просто ничего предложить не могут. Он остановился в углу и, склонив на бок голову, задумался. Он должен ее как-то уговорить, уговорить, как бы она ни отказывалась. Сейчас он остро почувствовал, что это надо, больше даже ему, чем этой маленькой, упрямой старушке.

– Анна Сергеевна, послушайте меня. Вы сейчас немного испуганы и опасаетесь, Вы меня просто выслушайте и тогда, успокоившись и поняв, согласитесь.

Сергей, выпучив свой глаз, заговорил глухим, сиплым голосом.

– Здесь нет ничего такого. Я просто хочу вам помочь, я ведь крещеный, я на зоне крестился, помогите мне хоть что-то сделать.

Она удивленно смотрела на него, ничего не складывалось в ее голове. Она скорее бы призналась, что сейчас ей все это почудилось или приснилось, чем поверила своим ушам. Но Сергей стоял напротив, и в его взгляде не было и намек на шутку. Он заговорил быстро, как будто боялся сбиться или что-то забыть, как ученик, плохо выучивший стихотворение.

– Зудит у меня здесь, – он хлопнул себя в левую грудь, – зудит, как будто вошь под сердцем, понимаете? Как вспомню себя. Как вспомню, что вытворяли, так душа начинает выворачиваться, стыдно, понимаете, мне стыдно за себя, который был раньше, тогда, – и он стал тереть грудь, – чешется внутри, покоя нет.

Анна Сергеевна заговорила, тихо, словно боялась, что ее услышит еще кто-то, кроме нее самой: «Это же хорошо, Сережа, что чешется. Это у тебя душа выздоравливает, Сережа, ты человеком становишься».

– Вот и помогите мне, – он схватил ее за руку, и она почувствовала, какая она потная и горячая, он действительно волновался.

– А у вас есть дети, Сережа? – сама не зная почему, спросила она. Он на секунду задумался и, громко хлопнув себя по лбу, тут же выпалил: – Вы будете ее учить, Вы не откажетесь, Вы будете ее учить быть человеком. Какой я болван, надо было с этого начинать. Вы будете учить мою дочь. Не хотите помощи, от работы вы не откажетесь. Будете учить ее тому, что сами знаете. Вы ведь два языка преподавали? Вот и получите за двоих. Я Вам вперед оплачу, чтобы все успели. И он откинулся на спинку стула, широко улыбаясь, как ребенок, решивший трудную задачу.

Она сидела, молча разглядывая остатки ужина. Ее как будто выжали, сил не было ни думать, ни шевелиться, хотя она была готова к этому, вернее, она верила, что так должно было случиться, как и где неважно, но что это будет, она знала точно. Не знала лишь она, что внутри нее, как змея, станет поднимать голову и отравлять душу упрямая гордыня. На какой-то миг ей стало плохо, она не знала, как перешагнуть себя, сейчас ей стало трудней во много раз, чем три дня назад, когда она думала, что сломала себя.

– А если я откажусь, Сережа, – шепотом сказала она, глядя в тарелки.

Сергей ухмыльнулся, потер подбородок и спокойно ответил: – Это правильно, Вы и не должны соглашаться. Вас ведь сейчас гордыня гложет, вы даже и думать не можете ни о чем, наши грехи сильнее нас. Бывает так, что мы просто им служим, правильно? Вот и сейчас, вместо того, что бы все обсудить спокойно, Вы начинаете кормить свою гордыню, и чем больше вы ее кормите, тем она сильнее будет. Но я думаю, что мы справимся, правда? – и он широко заулыбался, глядя ей в лицо.

Ей показалось, что он просто читает ее мысли, что он все заранее знает и просто ей немного подыгрывает. Теперь, после его слов, она знала, что не откажется, но страх еще тлел где-то внутри, страх как у слепого, которого ведут в храм.

– Знаете, Сережа, – она опять перешла на Вы, – я ведь никогда не была в церкви и в Бога не верила, а сейчас чувствую себя, как на исповеди. Вы сейчас будто вырвали у меня из души ржавый гвоздь, понимаете? Конечно, это гордыня, я, наверное, всегда ей служила, а только сейчас поняла, что могу быть сильней. Конечно, я согласна, Сережа. Я с радостью помогу вашему ребенку, будем считать это работой, так легче, правда?

И она улыбнулась от души, как, наверно, давно не улыбалась, и глаза ее светились радостью и теплом. Очнулась она уже в машине. Сергей громко смеялся, разговаривая с водителем, пахло семечками. Витек что-то бубнил и громко чавкал, сплевывая шелуху куда-то вниз, не замечая этого. Семечки были отменные! Видимо, они уже ехали домой, она смотрела в окно, мимо тихо проплывала улица, показался базарчик, знакомый и родной. Петровна веселила народ. Анне Сергеевне, показалось это все каким-то нелепым сном, а была ли она здесь? И только ее белый, одинокий табурет стоял неприкосновенно, будто ждал свою хозяйку, а все знали, чей он, и с уважением обходили стороной. «Пусть остается, может, кто возьмет, может, кому-нибудь удача будет» – подумала она. Но мысли ее вдруг встрепенулись и разлетелись, как стайка воробьев, и она с ужасом поняла, что спасла их ложь адвоката, что ее злоба, за которую она мучилась, и спасла ее, все о чем она так долго жалела, хотела стереть из памяти, все это и пришло ей на помощь в лице Сергея, и она, засунув руку глубоко за пазуху, нащупала там на груди квадратик иконки и шепотом сказала: «Прости меня, Сережа, за все» – и тихо заплакала.

р. Ивдель

Ирина КУЗНЕЦОВА,
фото Виктора БАЙДУКОВА

Ивдель и Вижай

Реки Ивдель и Вижай расположены в пределах тайги восточных предгорий Северного Урала.

Долина реки Ивдель на участке от реки Тальтия до порога Пильно (западная окраина г. Ивдель) имеет почти каньонообразный характер: вдоль берегов поднимаются высокие известняковые, почти отвесные утесы 50–100 метровой высоты, покрытые нетруну-

тыми рубками лесами. Нередко этот участок называют Ивдельский прорыв — действительно, река прорывает максимальное поднятие карбонатных отложений восточного макросклона Урала. Территория эта издавна привлекала внимание коренного населения — ивдельских манси, которые относились к громоздящимся скалам с культовым почитанием: практи-

чески на каждой вершине сегодня обнаружены священные площадки для жертвоприношений, где найдены наконечники стрел из кости, камня, железа и даже фрагменты серебряных изделий. В Шайтанской и Лаксийской (более позднее ее название, данное по форме входного отверстия, — Мамонтовая) пещерах, находящихся на этом участке реки, обнаружены

Памятники природы — уникальные, невозполнимые ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношениях природные комплексы, а также объекты естественного и искусственного происхождения. Территории, занятые памятниками природы, объявляются **особо охраняемыми природными территориями (ООПТ)**, при этом собственники, владельцы, пользователи земельных участков, на которых расположены памятники природы, обязаны обеспечивать режим особой их охраны.

Государственные и ведомственные природные заказники — это **особо охраняемые природные территории (акватории)**, имеющие особое значение для сохранения или восстановления природных комплексов или их компонентов и поддержания экологического баланса. Объявление территории государственным природным заказником допускается как с изъятием, так и без изъятия у пользователей, владельцев и собственников земельных участков.

р. Ивдель

р. Вижай

родовые святилища, в которых вплоть до начала XX века ивдельские манси приносили в жертву медведей, лошадей, лосей (сведения предоставлены сотрудниками Института экологии растений и животных УрО РАН Н.Г. Ерохиным, П.А. Косинцевым). Скалы окружены зрелыми сосняками лишайниково-моховыми и кустарничковыми, часто с примесью лиственницы и кедра, зеленомошных ельников. В составе скальной растительности сочетаются флористические элементы горно-тундровых и горно-степных видов сибирского и европейского происхождения. В пещерах зимуют редкие виды летучих мышей, в некоторых из них гнездится филин.

Река Вижай также «прорывает» известняковую гряду восточных предгорий, поэтому берега ее, в меньшей степени, нежели реки Ивдель, представлены живописнейшими скалами, перемежающимися участками темнохвойного, практически не-

тронутого в береговой черте рубками, леса. Некоторые скальные обнажения — Камень Боярин — по левому берегу, Камень Столбы — по правому, вполне могут рассматриваться как отдельные ботанико-геоморфологические памятники природы. В нижнем течении реки известняки сменяются бурыми туфами, берега меняют свой облик, скалы здесь буроватые, невысокие. Территория издавна используется коренным населением, и, несомненно, причудливые скалы не могли не привлекать внимания. Сегодня на реке Вижай описаны два святилища (данные представлены С.Е. Чаиркиным, сотрудником Научно-производственного Центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области). На самом деле их, вероятно, гораздо больше, поскольку эта территория мало исследована, уж слишком долго она была закрытой для свободного посещения. Труд-

нодоступной остается и в наши дни.

Еще в восьмидесятых годах прошлого столетия Комиссией по охране природы УрО РАН было предложено организовать ООПТ категории комплексный памятник природы геологического, ландшафтного, ботанического профиля: Ивдельские Скалы (общей площадью 4 011 га) и Вижайские Скалы (275 га). В настоящее время установлено, что эти территории представляют большую ценность также в историческом, палеонтологическом и археологическом плане, им придан статус ландшафтных заказников областного значения с общей площадью соответственно 2 015 и 1 500 га.

Самостоятельным памятником природы является Лаксийская (Мамонтова) пещера. Хочется верить, что сказочно красивые Ивдель и Вижай, их скалистые берега, пещеры и пока нетронутые леса, будут сохранены во всем своем великолепии.

р. Вижай

Владимир СТРУГАНОВ,
фото автора

ПЛАНЕТА БАЙКОНУР

По белу свету

РЕКА ВРЕМЕНИ

Заканчивается моя командировка в Байконур. За месяц, что работаю здесь в качестве врача, познакомился с ним достаточно близко. А когда замаячила возможность еще и поприсутствовать на запуске пилотируемого космического корабля, решил непременно ею воспользоваться. Лишь в самый последний момент сработала предварительная договоренность моих здешних коллег с руководством ЦЭНКИ (Центр эксплуатации наземной космической инфраструктуры): удалось попасть в экскурсионный автобус с гостями из Южной Кореи. И вот я на пусковой площадке № 1 (Гагаринский старт), откуда производятся запуски всех наших пилотируемых кораблей. Невысокие фонари освещают территорию. До космического корабля «Союз» — метров 600 сумеречной степи.

Прошло около часа, как экипаж в составе космонавтов Федора Юрчихина и Олега Котова, а также космического туриста Чарльза Симони, гражданина США, доложил руководству Роскосмоса о своей готовности к 15-й по счету экспедиции на международную космическую станцию...

Тот телефонный звонок начальника нашей медсанчасти был довольно неожиданным.

— Владимир Викторович... Из Главка пришла «бумага»... — услышал я в телефонной трубке. В Байконур требуется офтальмолог на один месяц. Я предложил вас...

Дома, поразмыслив, пришел к выводу: необходимо соглашаться.

На станцию Тюра-Там прибыл поздно вечером. Встречающий, в чине майора, вручил мне в «уазике» временный пропуск в город. Миновав КПП, уже через полчаса я находился в одной из байконурских гостиниц. Прощаясь, майор предостерег меня от поздних прогулок по городу...

...Итак, сегодня 7 апреля — предпоследний, 3-й день моей командировки. Можно подвести итоги.

Помимо выполнения основной работы, пытался понять уникальную историю крупнейшего в мире космодрома, удостоенного в свое время аж трех советских орденов. Только здесь, пожалуй, понимаешь: все, что ты раньше слышал о Байконуре — поистине, лишь видимая часть айсберга. Вообще, Байконур — это целая планета. Космодром занимает площадь около 6,5 тысяч квадратных километров, где разместилось до десятка стартовых площадок (своеобразных мини-городков) с расположенными на них пусковыми установками, монтажно-испытательными корпусами, а также гостиницами, казармами, столовыми...

А общая площадь районов падения отделившихся частей ракет-носителей — почти 200 тысяч квадратных километров. Несколько европейских стран разместить может!

В свое время, в 50-х, при выборе места под космодром учитывали множество факторов. Особенно желательны были: максимальная близость к экватору (удаленность

от полюсов) для уменьшения действия силы земного притяжения, удаленность от внешних границ, преобладание в течение года ясных дней, наличие достаточных запасов воды, малонаселенность территории...

Как видим, расположение Байконура отвечало в то время этим требованиям. И лишь одного тогда не предвидели — распада СССР...

Город с населением порядка 70 тысяч жителей раскинулся на правом берегу Сырдарьи. В названиях довольно ухоженных для пыльной степи скверов и улиц, в многочисленных здешних памятниках и монументах — практически вся исто-

риальный комплекс погибшим в катастрофах 24 октября 1960 и 1963 годов при запусках ракет. В Байконуре 24 октября — День траура, на космодроме — нерабочий.

Имя первого начальника строительства космодрома, генерала Г.М.Шубникова, здесь его считают основателем города, носит одна из школ, а также улица, на которой он жил до середины 60-х. Шубников известен еще и тем, что после войны строил памятник советскому воину в берлинском Трептов-Парке.

В Байконуре много достопримечательностей. Например, мотовоз. Это — поезд, которым на

Праздник весны Наурыз

рия отечественной космонавтики и ракетостроения. Имена многих выдающихся ученых — Королева, Янгеля, Глушко и других, а также космонавтов и военных увековечены здесь и в граните, и в металле. Как мне рассказывали в городском музее истории космодрома, некоторые из памятников построены по эскизам солдат, когда-то проходивших здесь службу. Это и памятник Юрию Гагарину, и ме-

площадки космодрома доставляется обслуживающий персонал. Каждое утро несколько составов отходят от платформ, расположенных прямо на одном из городских проспектов.

Обращают на себя внимание многочисленные лозунги, типа: «Отсюда в космос пролегли дороги», «Процветай, космическая гавань», «Космические войска на страже мира»... Они тоже работают

Владимир Викторович Струганов, врач-офтальмолог ЦМЧС в г. Лесном Свердловской области. Автор-исполнитель песен и лауреат областного конкурса «Камертон» (2005), а также фотоконкурса «Атомщики России» (2005). Журнал дважды публиковал его очерки.

на имидж «космического» города. К слову сказать, в школах здесь уже восьмой год преподается специальный предмет – байконуроведение.

На проспекте Королева меня удивило «соловьиное» пение крупных, вроде нашего голубя, темных птиц. Сразу даже не сообразил, что это заливаются они.

Оказалось – афганские скворцы. Их специально когда-то привезли сюда, и птицы прижились.

Для озеленения улиц и дворов в основном используется карагач («черное дерево»), в кронах которого устраивают свои гнезда пернатые – большей частью вороны, коих особенно много по набережной Сырдарьи, в так называемом «деревянном городке», откуда начиналось строительство города. Встречаются разновидности тополя, акации, ивы, способные расти на здешней бедной песчаной почве, из которой местами выступает соль. Из-за этой соли, кстати, и коммуникации здесь прокладывают не в земле, а исключительно поверху, для уменьшения коррозии металла, что, конечно, портит внешний вид города.

Весна в этом году выдалась не очень: весь прошедший месяц ночная температура не поднималась выше нуля. За март, несмотря на полное отсутствие снега (в первые дни моего приезда лишь Сырдарья у берегов еще оставалась подо льдом), деревья так и не распустились, только кое-где на газонах едва зазеленела травка. Здешние шутят: «В нашем городе наряду с

плюсами есть и минусы: летом +40, зимой – 40. Недаром говорят, что у нас летом в трусах – как в шинели, а зимой в шинели – как в трусах».

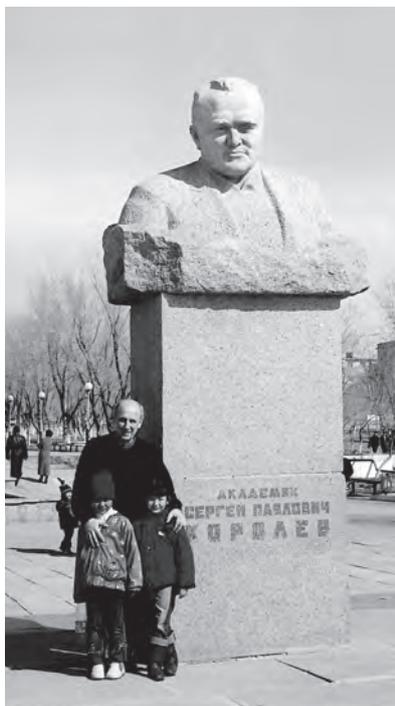
Возводили город военные строители. Мало кто знает, наверное, что сменил он несколько названий: поселок Заря, поселок Ленинский, город Ленинск. В 1995 году Указом Президента РК город Ленинск Кзыл-Ординской области переименован в город Байконур.

Даже сторонним глазом видно, что внешний облик Байконура за последние два десятилетия мало изменился. А вот внутренняя жизнь поменялась сильно. После распада СССР космодром и город стали собственностью независимого Казахстана. Русские, брошенные тогда на произвол судьбы, вынуждены были оставлять свои квартиры и в массовом порядке перебираться в Россию. Город пришел в упадок, постепенно заполнившись казахами из окрестных селений, многие из которых и сейчас не зарегистрированы, а работать негде. Естественно, вырос уровень преступности.

По воспоминаниям, особенно тяжелыми были 1992–1994 годы, когда подолгу не выдавалась зарплата. Зимой в дома не подава-

Пусковая установка №1 - Гагаринский старт

У памятника С.П. Королеву

лось тепло. Не было света, газа... Военные готовили пищу прямо на службе, а в обед шли домой кормить свои семьи. На площадках многое было порушено, разобрано на металлолом и кирпич...

От одного из военных врачей услышал горькое признание:

— Россия тогда передала Казахстану космодром вместе с людьми, и нас об этом никто не спросил...

Здесь, в Байконуре, у меня появились знакомые среди коллег и местных любителей бардовской песни. В числе последних есть офицеры с космодрома. Казахские имена и фамилии я воспроизводил с трудом. Хорошо запомнил имя лишь одного из врачей — Доктурбай: мысленно разделив его на два слова: «дохтур» и «бай» (только это и помогло).

В гостинице соседом оказался врач-реаниматолог из Сарова, с которым вечерами мы постоянно обменивались впечатлениями...

...21.00. До старта космического корабля еще два с половиной часа. Это время используем по своему усмотрению: кое-кто уже спешит в расположенный в соседнем павильоне буфет, где можно закусить и при желании выпить, другие фо-

тографируются. Аккредитованные журналисты настраивают свою фото- и видеоаппаратуру на пусковую установку. Там, выдыхая струи пара, уже приготовился к старту корабль «Союз»...

Вспомнилось, как в одной из телепередач Первого канала космонавты-ветераны рассказывали о своих традициях: это и посадка дерева перед полетом в космос, и шашлыки из мяса сайгака, пойманного в степи (очень вкусные, говорят!), и обязательный просмотр фильма «Белое солнце пустыни»...

А вот такая традиция, сложившаяся после полета Юрия Гагарина и поведенная мне одним из аборигенов Байконура (после подтверждения другими), не была упомянута: перед каждым новым полетом, следуя на автобусе к стартовой площадке, космонавты делают в степи остановку и на удачу мочатся на заднее колесо автобуса...

Правда, ветераны посетовали, что не все традиции перенимаются новым поколением космонавтов. Возможно, и эта осталась в прошлом...

Во времена СССР Байконур являлся городом союзного подчинения, относился к Одинцовскому району Москвы (Одинцовский избирательный округ). Его считали самым богатым городом в Казахстане. Население сплошь состояло из российских военных членов, их семей и доходило до 100 тыс. человек.

Сейчас большинство в городе составляют граждане Казахстана. Порой для общения с пациентами-казахами и мне приходилось искать переводчика — опять же из числа казахов. На период аренды, до 2050 года, Байконур наделен статусом, соответствующим городу Федерального значения Российской Федерации. Уволенные военнослужащие, рабочие и служащие комплекса Байконур обеспечиваются жильем в городах России.

Космодром эксплуатируется достаточно интенсивно. Практически каждый месяц с разных площадок проводятся запуски либо

пилотируемого космического корабля, либо грузового; осуществляются и коммерческие запуски ракет-носителей — взять хотя бы «Днепр», созданный на базе ракеты РС-29 (по западной терминологии — «Сатана») — с выведением на околоземную орбиту иностранных спутников.

В музейном комплексе космодрома довелось увидеть находящийся на реставрации космический корабль «Буран» — тот самый (можно сказать, легенда отечественной космонавтики) — единственный из наших «челноков», побывавший, в беспилотном режиме, в космосе. Вблизи он выглядит довольно мощно и впечатляет. Подумалось: каковы же тогда размеры самолета, перевозившего «Буран» на своем фюзеляже?

Тем не менее, отток специалистов и военнослужащих из Байконура в Россию идет постоянно. Давняя космодромовская поговорка гласит: на Байконуре служат веселые, а находчивые — уже в Москве. Все понимают, что рано или поздно город станет полностью казахским. Да и специфика города такова, что все равно приходится покидать его. Жутковато выглядят сегодня пустующие казармы и дома с замурованными входами и окнами. На работе коллеги делились: «Летом опять будет много контейнеров отправляться в Россию...»

Приходилось слышать и обратное, что кое-кто все же возвращается — не могут привыкнуть к нынешней российской жизни, а в Байконуре отношения между людьми теплее и проще.

Постепенно все-таки город приводят в порядок. Симпатичным мне показался центр: площадь Ленина с пока еще не свергнутым памятником ему, пешеходная часть проспекта Королева — с гипсовыми львами, многочисленными оригинальными фонарями и ажурными оградками, центральная гостиница, здания штабов некоторых воинских частей...

Байконурцы утверждают, что здешний Дом офицера когда-то был одним из лучших в стране. Но за десяток лет, как сгорела его кры-

ша, в бюджете не нашлось средств на ее восстановление, и огромное здание продали. Теперь в нем размещается частное кафе под названием «Русская тройка».

На берегу Сырдарьи поднялся («С Божьей помощью...») — не преминул подчеркнуть в беседе со мной местный священник) православный храм с золочеными куполами. Прихожан, по всей видимости, немало...

Два года назад Байконур впервые после распада СССР торжественно и широко отметил свой юбилей, на этот раз — золотой. Среди улиц, носящих в большинстве своем российские названия, появился (после переименования) проспект Абая — в честь казахского мыслителя и поэта.

Каждый год в Байконуре отмечается 16 дат России и Казахстана. А один из самых ярких праздников — Наурыз (праздник весны). Что меня поразило на нем, так это оглушительное караоке на казахском языке — молодежная массовая культура проникла и сюда. До этого казахская музыка в моем сознании ассоциировалась прежде всего с негромким, монотонным звучанием домры или кобоза.

Может впервые в городе развернулось строительство, финансируемое из областной Кызыл-Орды: по соседству с корпусами медсанчасти возводится современный роддом...

Сегодня Байконур можно было бы считать в целом благополучным российским городом, если бы он не был казахстанским. Как долго Россия будет вкладывать средства в его развитие, сейчас, наверное, не скажет никто.

...Примерно 23.30. Одно обстоятельство до сегодняшнего дня вызывало у меня особое беспокойство: не отменяют ли запуск «Союза» в случае плохой погоды? Но сведущие люди успокоили: «Наш «Союз» летает в любую погоду — это не американский Шатл...».

Из динамиков смотровой площадки, как-то обыденно и неспешно, пошли негромкие команды: «Ключ на старт... Протяжка один... Протяжка два...»

И вот — ослепительная вспышка. Клубы дыма и огня, озарившего ночную степь, на какое-то время скрыли космический корабль, грохот включившихся дви-

гателей сотряс воздух. Махина ракеты-носителя, освобождаясь от земных оков, медленно пошла вверх. Кепкой машу вслед, мысленно желая космонавтам счастливого пути...

В гуще людей, буквально в трех метрах от себя, в окружении свиты, замечаю быстро идущего С.Иванова — члена Правительства России. Набравшись смелости, кричу:

— С успешным запуском!

В ответ:

— Поздравляю...

...Первый час ночи — уже 8-е апреля (а ведь сегодня Пасха!). Автобус везет нас почему-то не в город, а в другую сторону и останавливается вскоре у здания ракетно-космической корпорации. Поднимаемся в большой зал, где накрыты столы. Фуршет!..

Настроение, конечно, праздничное...

К трем часам всех развозят по гостиницам...

А мне сегодня домой! И накрапывающий дождик — неплохая примета перед обратной дорогой...

Владимир СУХИХ, г. Котельнич

Первопечатник

Сборник «Этот прекрасный новый мир. Черная сатира 21 века.» 2001 г

Ослепительное июльское солнце стояло в зените. В белесом от зноя небе крутил петли и заливался трелями жаворонок. Одуревшие от жары кузнечики что есть сил трещали и прыгали в зарослях густой высохшей травы на заливном лугу. На берегу озера стоял обтекаемый, ощетилившийся разнообразными антеннами и мягко поблескивающими фиолетовыми чешуйками солнечных батарей, выдвинувшийся из корпуса, электрический джип последней модели. Чтобы не включать кондиционер в салоне, двери машины были настежь распахнуты. Так автопилот сможет быстрее зарядить тяговые батареи бесплатной энергией. Накануне вся элита клубной тусовки, состоящая из двух парней и трех девушек, единогласно решила обкатать новый электромобиль в ближайший уикэнд на дальних озерах. Сержа, несмотря на то, что он в этой компании был человеком новым, а может быть именно поэтому, тоже решили взять с собой.

— Эх, хорошо! — выдохнул Серж, выскочив из нагретого озера, и с наслаждением бросившись прямо на горячий песок возле саморазворачивающегося походного домика туриста. На природе он не был уже давно. Девушки возле джипа, по-прежнему следящего за солнцем, уже вскрывали какие-то хрустящие пакеты с продуктами и с визгом и смехом загружали их в портативную микроволновую печь. Из лесу возвратились парни, неся кучу высохших веток для костра. Минут через двадцать, перемазавшись в грязи и надышавшись дымом до одури, приятели, наконец, разожгли от автомобильного разрядника костер, забрали у девушек не поместившуюся в микроволновку вакуумную упаковку с ветчиной, насадили куски на обструганные ветки и удовлетворенно сунули их прямо в огонь. Тем временем, девушки достали из багажника джипа легкий складной столик, разложили на нем коробочки с салатами, приготовленное в

печи мясо, банки с пивом и напитками и начали звать юношей к столу. Ветчина в костре к тому времени уже достаточно подгорела, и недовольные повара, хотевшие удивить подруг экзотическим блюдом, вернулись к столу без добычи. Серж тоже подошел к столу, развернул пневматический стул и принялся за фруктовый салат в коробке. Помимо сервировки стола девушки направили луч видеопроектора из машины, и теперь на берегу озера возникло объемное изображение соблазнительной девицы, выливающей на голову струйку искрящегося шампуня из флакона новой модной серии. У одной из подружек в кулоне на золотой цепочке запищал сверхминиатюрный телефон, и она принялась весело щебетать о том, как они клево выехали и как классно отдыхают.

Свои наручные часы-мобильник Серж принципиально оставил в машине и совсем не пожалел об этом, глядя, как новые друзья и подруги, чертыхаясь, рассовывали по сумкам и футлярам схваченные по ошибке свои сотовые мини-телефоны. На такое он предпочитал не ловиться.

После запеченного мяса в фольге отяжелевшая компания растянулась на песке прямо возле воды и начала обычный треп. Серж в нем участия не принимал. Наболтавшись вволю, компания, наконец, обратила внимание и на молчащего Сержа.

— Чего такой хмурый? На вот, пивка выпей! — протянул ему яркую банку один из парней.

— Да я не хмурый, — вяло произнес Серж, беря банку, — так... думаю.

— О чем, если не секрет? — компания слегка заинтересовалась. Делать-то все равно было нечего.

— Да так, — повторил Серж, — мысль у меня тут одна появилась недавно. Вот ты, Элла, представь себе, — обратился он к недавно звонившей девушке, — что у тебя сотовый вдруг вышел из строя. Что ты тогда будешь делать?

— Еще чего! В компанию сразу позвоню или в сервисный центр. Пусть заменят! — не на шутку взволновалась девушка.

Владимир Сухих родился в 1965 г в г. Котельнич Кировской области. В 1987 г поступил в МГТУ им Баумана по специальности гусеничные и колесные машины. Окончил в 1993 г. Работал инженером, программистом. В настоящее время работает инженером волоконно-оптической связи.

— А звонить как будешь? Ведь твой аппарат не работает, — коварно изрек Серж.

— Возьму у кого-нибудь! Вот у Анжелы, — как от назойливой мухи отмахнулась от него Элла.

— А у нее тоже не работает, — гнул свою линию Серж.

— Не бывает такого, — поджала губки Элла.

— Бывает, — вступился один из парней, — хотя и очень редко. Не, мобильники, конечно, все сразу не отгниют, а вот ретрансляторы, бывает,дохнут. Тем более в таких лесах. Какое тут обслуживание.

— Ну вот, значит, у нас у всех сотовые не работают. Усложним задачу. Все мужчины поплыли вон на тот остров за добычей, а в воде их съели акулы.

— Не смеши! Акулы в озере! Скажешь тоже! — девицы ехидно захихикали.

— Ну предположим! Анжела с Кларой побежали в лес за длинными ветками, чтобы достать то, что от мужчин осталось. Там Клара заблудилась и пропала, а Анжела оступилась и сломала ногу! Лежит в лесу и истекает кровью. И осталась ты одна, здоровая и сильная! Твои действия?

— Ну... не знаю. Службу спасения вызову, — напрягла лобик Элла.

— Неправильно! Телефоны не работают! — Серж пристально смотрел на Эллу.

— Из машины через бортовой компьютер выйду в Сеть! — внезапно осенила ее догадка.

— Неплохо. А вчера на станции техобслуживания автопилот нажрался вирусов и сегодня коньки отбросил.

— А правда, что еще сделать можно? — заволновалась Анжела. Перспектива валяться в лесу со сломанной ногой в окружении голодных медведей, летучих мышей и крокодилов ее явно не вдохновляла.

— Да на машине уехать, ослы! — вставил свое веское слово смуглый парень, с которым Серж еще не успел толком познакомиться.

— Ты сам осел! Куда ты без бортового компьютера уедешь? — не остался в долгу крепыш, владелец новой машины.

— А ведь и верно. Ну так чего еще? — согласился смуглый.

— Людей искать идти, — тоже подала голос, молчавшая до того флегматичная Клара. Лес он и есть лес. Дикая природа. Мыши ночью прибегут, антикомарин отключится. Мало ли что.

— Тут до людей километров двадцать, Анжела кровью истечет, — мрачно произнес владелец джипа.

— Где-то здесь, не очень далеко, есть трасса магнитоплана. Нужно туда бежать. Встать рядом и рукой помахать, — Анжела решила принять самое активное участие в своей судьбе.

— Да локомотив за триста километров в час гонит! Кто там рассмотрит, зачем ты руками машешь! Может от радости, что грибов накушалась! — все захихикали. — Никому ведь и в голову не придет, что ты по сотовому позвонить не можешь.

— И что ж ты делать предлагаешь, — обратилась Элла к Сержу, — ты эту кашу заварил, тебя и слушать будем.

— В принципе, нужно выйти к трассе, — медленно ответил он.

— Ну а дальше то-что? — настаивала Элла.

— Растянуть на палке палатку, а на ней написать — “помогите”.

— Что? Что сделать? — от изумления вся компания даже подняла головы от песка.

— НА-ПИ-САТЬ! — четко по слогам произнес Серж.

— Написать? Это как? Послать сообщение? Куда? — не понял смысла слова смуглый.

— Нанести на ткань палатки буквы!

— А, так ты имеешь в виду напечатать! Но ведь у нас здесь нет принтера! Даже просто картриджа нет. Это невозможно, — облегченно констатировал смуглый.

— Вы меня не поняли. Не напечатать, а написать! Вручную! — нахмурился Сергей. Этого он и ждал.

— Вручную? Ты хочешь сказать, что ты способен рукой, без печатающего устройства, напечатать слово и тебя поймут? Не очень тебе верю, признаться! — подал голос хозяин машины, — А как ты будешь это слово... э... вводить? И куда?

— Да не напечатать, а написать! Это разные вещи! Вот смотри, — Серж вытащил из кострища обгорелую ветку и с видимым напряжением начертил что-то на песке. Компания сгрудилась вокруг рисунка.

— Что это такое? Рисунок какой-то.

— Что-то, вроде, напоминает. Как иероглиф.

— Это буква “А”.

— А что такое буква? — капризно спросила Анжела.

— Да это значки такие специальные, иногда на экране компьютера пробегают. Из них раньше слова составляли, — ответил ей хозяин джипа. Немного подумал и кивнул головой в сторону смуглого, — его спроси, он лучше знает.

— До голосового управления еще была такая штука — клавиатура называлась. Там можно было эти слова руками набирать. Говорят еще кое-где остались, — влез в разговор смуглый. В тусовке он слыл эрудитом. И, похоже, не зря. С видом тонкого ценителя оригинальных идей он всмотрелся в рисунок.

— ЭТО БУКВА “А”?! Это не похоже даже на плохо пропечатанную букву “А”! Да это какие-то кривые линии! Хотя..., если хорошо присмотреться... Чем-то напоминает, — смуглого нетрудно было представить в офисе, в должности придворного консультанта. Да, вероятно, ему иногда удавалось держать в руках бумажные документы. Интересно, где он их брал. И главное, зачем.

— Могу целое слово написать, — отступить Сержу было уже некуда: — Я уже список букв начал составлять. Тех, из которых слова можно собирать. Их штук двадцать наберется, а то и больше.

— Так много!? — удивилась Анжела.

— Попробуй, составь свое слово. А мы посмотрим, — не на шутку заинтересовалась Элла.

— Сссс... "С". Вроде. А вторая... "Е". Смотри-ка, вроде получается распознавать. Да, в качестве сканера мне работать еще не приходилось! Вот на фирме смеяться будут! А следующая... Да это, вроде, буква "Р"! СЕР.. да еще один рисунок. СЕРЖ получается! Ха-ха-ха! Да ты шутник, приятель! Ловко ты нас тут разыграл! Но назвать эти каракули буквами все равно нельзя. Их очень трудно распознать. А может, и не все люди это смогут. Я, видишь ли, живопись люблю, символы там всякие. Да иногда шефу старые документы ношу, — смуглый откровенно веселился.

— Да ведь рукой не добиться качества печати как на экране! Поэтому приходится оставлять самую суть. Самый смысл буквы! — распалился Серж.

— Конечно, не добиться! Поэтому, даже если у тебя получится нарисовать слово, тебя все равно не поймут. В смысле сразу точно не поймут. Может потом. Если долго рассматривать. Кто его знает, — добавил свое слово владелец джипа.

— Ну, Серж, я, конечно, знала, что ты извращенец, но не до такой же степени! — Раздраженно произнесла, подходя к воде, Анжела. Конечно, это она додумалась взять его с собой. Еще один такой прокол и ее рейтинг в тусовке резко упадет. Но девушки, к счастью, не восприняли этот разговор всерьез и с визгом бросились за ней в воду.

— А ты клевый чувак! Классно ты приколот! — заржали парни, поднимаясь с песка вслед за девушками.

Серж остался лежать на песке и тихо, чтобы никто не слышал, но упрямо проговорил: — А все таки я составляю список букв и научусь писать рукой! Вот колледж окончу и научусь!

Школа литературной фантастики АЭЛИТА

Фантастика в «Уральском Следопыте» всегда была разделом, который привлекал молодёжь и, собственно, обеспечил журналу во времена СССР всесоюзную славу. Атмосфера, царившая в редакции 70-80-х годов прошлого века и то, что при журнале возник фестиваль фантастики «Аэлита», привлекала не только читающую, но и пишущую молодёжь. Здесь молодые авторы всегда могли научиться писать лучше и здесь, прежде всего благодаря редакторскому таланту Виталия Бугрова возникла «школа «Уральского Следопыта».

В разное время через эту «кузницу кадров» прошли авторы, ставшие сегодня лидерами отечественной фантастики. На фестивалях «Аэлита» и на литературных семинарах молодых авторов (СМА), проводимых сотрудниками редакции в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, побывали Василий Головачёв, Сергей Лукьяненко, Александр Громов, Олег Дивов Владимир Васильев и многие другие. Они публиковались и на страницах журнала. Сам автор этих строк во многом стал фантастом благодаря В.И. Бугрову и его школе.

И сегодня, спустя много лет школа литературной фантастики продолжает работу. В этом году очное обучение в школу начнется 15 сентября, запись на собеседование с 15 августа.

Школа рассчитана на молодёжь, стремящуюся создавать фантастические произведения. В неё будут приниматься все желающие старше 12 лет, прошедшие собеседование. Группы будут включать не более 15 человек. Занятия в группе планируются проводить в течение трёх месяцев 1 раз в неделю. Обучение платное.

Выпускник школы получит базовые навыки, как писать фантастические произведения, «характеристику ученика ШЛФ», успешно закончившие обучение — рекомендацию для поступления на соответствующие отделения вузов (филологический ф-т, факультет журналистики и т.п.), бесплатный билет-приглашение на участие в очередном фестивале фантастики «Аэлита». Кроме того, будет организован выпуск сборника рассказов, которые ученики школы создадут в процессе обучения.

Приглашаем юных любителей фантастики в нашу школу!

Информацию о ШЛФ можно получить:

- 1) В редакции журнала по адресу: 620014, Екатеринбург, пр. Ленина, 22, журнал «Уральский Следопыт», редакция раздела «Аэлита».
- 2) По e-mail: aelita-con@r66.ru
- 3) По тел. **269-22-34** (главный редактор журнала Фирсов Максим Юрьевич); **8-912-289-90-75** (редактор раздела «Аэлита» Долинго Борис Анатольевич).

Белый раджа Саравака

(Рассказы филателиста)

«Пост офис»

— Сейчас я покажу вам марку, с которой, собственно, и началась филателия.

С этими словами Олег Павлович достал из книжного шкафа один из своих многочисленных кляссеров, открыл его на первой странице и вынул целлофановый пакетик. Наиболее ценные экземпляры своей коллекции он хранил именно в такой упаковке. Внутри конвертика находился «черный пенни»! При виде столь прославленной марки я не удержался и спросил:

— Откуда у вас такая редкость?

— «Редкость?» — переспросил Олег Павлович и посмотрел на меня с таким видом, словно уличил в крайнем филателистическом невежестве.

— Да будет вам известно, мой юный коллега, многие марки первых английских выпусков вовсе не считаются редкими и, за исключением некоторых разновидностей, вполне по карману большинству коллекционеров. Разумеется, я имею в виду гашеные экземпляры. Но если уж речь зашла о редкостях...

Мой наставник вновь открыл шкаф и извлек оттуда следующий альбом.

— Ну-с, молодой человек, что вы можете рассказать об этой марке?

С таким традиционным вопросом Олег Павлович протянул мне еще один целлофановый пакетик. Вернее, клеммташ. Тон, которым он произнес свой вопрос, показался мне подозрительным, но при одном только взгляде на вложенную в клеммташ марку я забыл обо всем на свете. У меня даже перехватило дыхание. «Голубой Маврикий»!!! Одна из редчайших в мире марок!!! Тот самый «пост офис», которых во всем мире насчитывается менее трех десятков! Тысячи и тысячи филателистов дорого бы дали сейчас только за возможность хоть на минуту оказаться на моем месте. С детства, а точнее — с тех пор, как я начал собирать марки, я столько читал и слышал об этой знаменитости, что не мог и мечтать увидеть ее наяву. И вот эту бесценную редкость я держу в руках! Что же это за марка — «Голубой Маврикий»?

В Индийском океане, на восток от Мадагаскара, лежит небольшой остров Маврикий. До сравнительно недавнего времени — владение Великобритании, сейчас — самостоятельное государство. В декабре 1847 года здесь, по примеру метрополии, решили выпус-

тить собственные знаки почтовой оплаты. Местному часовщику и граверу Джозефу Бернарду было поручено изготовить клише марок двух достоинств и, соответственно, двух разных цветов: стоимостью в одно пенни — оранжевого цвета и ценой в два пенса — голубого, или, точнее, цвета индиго. Первая марка предназначалась для переписки внутри острова, вторая — для внешней корреспонденции.

Хотя Бернард и славится на весь Порт-Луи — так называется столица острова с тех пор, когда он стал колонией Франции своей рассеянностью, однако гравером был хорошим. За образец были взяты марки Англии с портретом королевы Виктории. Впрочем, в XIX в. на английских марках никаких других изображений и не было. Гравировка профиля королевы и надписей с указанием цены и названия острова удалась нашему граверу как нельзя лучше. Но вот вместо «пост пайд» — «почтовый сбор» Бернард, по причине своей всегдашней рассеянности, вырезал слова «пост офис» — «почтовая контора».

Отпечатав по пятьсот штук каждого номинала, он передал весь тираж губернатору острова лорду Хоуму. Последний заранее предназначил первый выпуск полностью в распоряжение своей супруги. Леди Хоум пожелала применить нововведение и наклеить марки Маврикия на пригласительные письма, которые готовилась разослать в связи с большим приемом в губернаторском дворце.

Губернатор очень рассердился, прочитав на марке «почтовая контора». Однако делать было нечего — прием отменять нельзя. И пригласительные письма пришлось франкировать маркой с ошибкой. Разумеется, незамедлительно были заказаны и изготовлены марки с правильным текстом. И уже через несколько лет «маврикийи» — так сейчас филателисты всего мира называют марки с «пост офис» — стали большой редкостью.

Продолжение. Начало в № 2-4, 2007 г.

Все эти сведения я и выложил Олегу Павловичу.

Он слушал меня с видом самым рассеянным, а когда я закончил, небрежным тоном произнес:

— Так вы говорите, «пост офис» следует переводить как «почтовая контора»?

— А как же иначе, — удивился я. — Разве существует другой перевод?

— Точно так, мой юный друг, другой перевод существует. И в данном случае гораздо более точный. А именно «почтовая служба». Можно даже сказать «государственная почтовая служба» — будет еще точнее. Кстати, надпись «пост офис» на марках Маврикия не является исключением. Она встречается и на других марках, даже и в наши дни.

Пожалуй, первая такая надпись появилась на марках Нью-Йорка и Массачусетса: было время, когда отдельные штаты и даже города США имели право выпускать собственные марки. Марка Нью-Йорка, например, выпущена в 1845 году — на пару лет раньше, чем на Маврикии. Те же самые слова можно прочесть и на первых общегосударственных марках Соединенных Штатов — они увидели свет в 1847 году — тоже раньше «маврикиев». И на почтмейстерских выпусках Конфедерации — в период гражданской войны 1861–1865 гг. в США почтмейстеры мятежных штатов издавали свои марки — красуется все тот же «пост офис». Следует добавить, что многие марки этих выпусков встречаются ничуть не чаще «маврикиев», однако о них мало кто знает. Вот что значит хорошая реклама, которая, как известно, двигатель торговли!

Увы! Все, что вы мне только что сообщили, действительно, сотни раз печаталось в самых различных изданиях. Но вынужден вас разочаровать — эта история, как и многие другие, ей подобные, сочинена в конце XIX века по заказу одной фирмы, торгующей марками.

На самом деле никакой ошибки с выпуском «маврикиев» не было. Д.Бернард успешно справился с порученным ему делом, и марки его изготовления находились в почтовом обращении не один год. Об этом красноречиво свидетельствуют календарные штемпели, которыми погашены «маврикии». Их наклеивали на конверты еще в начале 50-х годов XIX века. До наших дней сохранилось несколько таких конвертов. Если бы марки считались недействительными, то на конвертах ставился бы дополнительный штемпель и плата за их доставку взыскивали бы с получателя. Верно одно — «маврикии» 1847 года являются одними из самых дорогих марок в мире. Дороже только одноцентовая «розовая Гвиана» 1856 года — эта

марка сохранилась до наших дней в одном-единственном экземпляре. «Пост офисов» в настоящее время насчитывается 26 штук: 14 оранжевых и 12 синих.

А теперь я вынужден вас еще раз огорчить. Марка, на которую вы с таким восторгом взираете вот уже добрых полчаса — просто-напросто фальшивка. И притом настолько примитивная, что нет нужды отправлять ее на экспертизу. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в любой каталог. Хотя бы в том Ивера, что лежит перед вами на столе. Ну что, убедились? Как видите, по размерам подделка почти в полтора раза больше оригинала. Такова изнанка филателии — все сколько-нибудь известные марки не обошли своим вниманием фальсификаторы. Благодаря их стараниям, у редких и у не очень редких марок имеется великое множество незаконных «родственников». Расскажу теперь о том, как был найден последний, 26-й экземпляр «пост офис».

Произошло это лет семьдесят тому назад — еще до Второй мировой войны. Франсуа Дювалье — торговый представитель одной из крупных французских фирм, производящих сельскохозяйственные машины, совершал очередную деловую поездку по странам Африки и Азии, где в те годы было немало французских владений. Маврикий не числился в списке стран, закупающих продукцию у его фирмы. Однако здесь останавливались по пути в Индию, Китай и обратно многие английские пассажирские и грузовые суда. Так как стоянка ожидалась долгая, а на Маврикий Франсуа попал впервые, то он решил не терять времени даром и поближе познакомиться с местными достопримечательностями.

Каждого пассажира, сходящего на берег в Порт-Луи в те годы, как, впрочем, и в наши дни, немедленно атаковала толпа мелких торговцев, настойчиво предлагавших свои товары. К Франсуа подошел молодой человек довольно интеллигентного вида и обратился с вопросом:

— Скажите, пожалуйста, мсье, сколько может стоить эта вещь? Я нашел ее в бумагах моего деда.

И юноша доверчиво протянул Дювалье старый конверт с наклеенной в углу голубой маркой. Как вы уже догадались, это был «Маврикий» 1847 года выпуска.

Франсуа, помимо прочего, был еще и опытным филателистом. Он с первого взгляда определил подделку и напрямик заявил продавцу, что за конверт он не даст ни гроша — то бишь фартинга, но молодой человек получит шиллинг, если познакомит его с оптовым торговцем подделками. Дело в том, что Дювалье собирался под-

готовить у себя на родине к выставке коллекцию поддельных марок и где только мог собирал необходимый материал. Разумеется, столь грубая подделка, которую ему только что пытались всучить, Франсуа никоим образом не устраивала.

Судя по всему, молодой человек не слишком преуспевал в торговых делах, и шиллинг составлял для него сумму весьма заманчивую. Поэтому он не долго колебался и с готовностью согласился проводить «мсье туриста» до антикварного магазина, хозяин которого снабжал фальшивками многих розничных торговцев Порт-Луи.

Хозяину лавки Франсуа без обиняков предложил продать ему оптом небольшую партию подделок и притом самого лучшего качества.

Владелец магазина поспешил отговориться, что никакими заведомыми фальшивками не торгует, но совсем недавно ему случайно удалось приобрести несколько семейных архивов, в которых обнаружили прелюбопытные находки.

С этими словами он выложил на прилавок целый ворох старых писем. И на каждом красовалась марка «с пост офис»!

Дювалье выбрал те экземпляры, которые показались ему сработанными более или менее прилично. Видя, что товар покупателю пришелся по душе, хозяин заломил непомерную цену, которая могла бы отпугнуть человека менее опытного. Но Дювалье хорошо знал, что первый запрос на восточных базарах ничего не значит. Начался торг. В конце концов Франсуа приобрел всю партию приглянувшихся ему «раритетов» за четверть первоначально названной цены, что примерно и соответствовало его намерениям.

Только через несколько месяцев у нашего коммивояжера оказался досуг и он смог наконец-то заняться тщательной разборкой своих приобретений за последнее время.

Франсуа считал себя хорошим специалистом по определению подделок. Но здесь он внезапно столкнулся с непредвиденным затруднением. Все подделки были как подделки. Одни лучше, другие хуже, но все-таки подделки. Все, кроме одной. Эта последняя ничем, ну абсолютно ничем, не отличалась от подлинника. Дювалье не сомневался, что имеет дело с чрезвычайно искусной фальшивкой, но все-таки и он начал задумываться... Чем черт не шутит!

Хотя квалифицированная экспертиза обходится недешево, Франсуа решил-таки рискнуть и прибегнуть к ее услугам. И не прогадал! Самые авторитетные эксперты пришли к единодушному заключению: предложенная их вниманию марка является самой что ни есть настоящей — вне всяких сомнений!

Можно только строить догадки, каким образом такая редкость оказалась затерянной среди многочисленных фальшивок. Наверное, упомянутый выше торговец с острова Маврикий настолько привык иметь дело с одними лишь подделками, что просто-напросто не обратил никакого внимания на случайно попавший в его руки подлинник.

Вот так и был найден последний экземпляр голубого «Маврикия». Удастся ли найти еще хотя бы один — предполагать трудно. Филателисты всего мира — и не только они — хорошо знают цену этой марке и в поисках «пост офис» давно уже самым тщательным образом обшарили весь мир. Конечно, никому не запрещается надеяться на чудо. Ведь филателия, лишённая романтики, лишается одновременно — я так думаю — и большей части своего обаяния, своей главной привлекательности для самого широкого круга коллекционеров.

ВЕНГЕРОВА Роза Александровна (урожд. Ландау; 1857 —?), переводчица.

Жена ист. лит. С.А.Венгерова. Пер. Шиллера, Мольера, Гейде.
Венгеров. Источ.

ВЕНГЕРОВА Софья Семеновна (1884 —?), переводчица с франц.

Дочь ист. лит. С.А.Венгерова.
Венгеров, Источ.

ВЕНГЕРОВСКАЯ.

(См. Яунзем И.П.).

ВЕНГЕРСКАЯ Н.

Авт. слов романса «Люблю» («Вдыхая розы аромат...») — музыка Розенфельда.
Русский романс. М., 1987. С. 549, 607.

ВЕНД, Вера

(См. Сорохтина В.Г.)

ВЕНЕВИТИНОВА Аполлинурия Михайловна (урожд. гр. Виельгорская; 1818 — 1884).

Авт. ст. «Как согласовать обязанности веры с обязанностями жизни общественной» \ \ Странник. 1860. Апрель. Письма к В. Жуковского напеч. в «Рус. архиве». 1877. № 6. Ее некролог: «Рус. архив». 1884. Кн. 3. С. 239-240.

Слов. рус. писательниц.

ВЕНЕЦИАНОВА Александра Алексеевна (1814 — 1863), авт. записок.

Дочь живописца и гравера А.Г.Венецианова. Ее «Записки (начало 1860-х гг.) дочери Венецианова» -- В кн.: «А.Г.Венецианов». Л., 1980. С. 214-236.

ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 1962.

ВЕНЕЦИАНОВА Екатерина

Сотр. «Красной газеты» (1923) — Вэн.; «Литерат. еженедельника» (1923, № 25)
Масанов.

ВЕНЕЦИАНОВА Нина

Печатала стихи в газ. «Наш Урал» (Екатеринбург, 1919, 8 и 23 мая).

Голдин.

ВЕНИАМИНОВА Елена Петровна, врач (1877).

Венгеров, Источ.

ВЕНИЦКОВСКАЯ В., авт. воспоминаний.

Участница рев. движения в Донбассе. «Мои воспоминания». — В кн. «Материалы по истории рев. событий 1905 г. на территории, ныне входящей в Артемовский округ». Артемовск, 1925, С. 161-162.

ИДРДВ, Т.4, Ч.2, № 3688.

ВЕНКСТЕРН Александра Алексеевна (псевд. А.В.Стерн; 1843 — 1914), прозаик.

Внучатая племянница П.Я.Чаадаева. Писать начала под влиянием Н.Д.Хвоцинской, (см.) кот. направляла ее первые лит. опыты. Рассказы и пов. В. чаще всего варьируют тему любви. Среди них выделяется неск. драматич. напряженных, психологич. точных: «История моей сестры», «Из дневника Натальи Сергеевны ***», «Максимка». Была дружна с актрисой Г.Н.Федотовой. Немного числ. пьесы близки к ее прозе. «В приюте муз и граций» пост. в Малом театре (1899). Авт. биограф. очерка «А.С.Пушкин». М., 1899.

Русские писатели, (портр); Масанов; Розанов.

(Продолжение в следующем номере)

У Горбатого моста

Фрагменты очерка

Эти записки предназначены для читателей, интересующихся историей нашего края, но не являются краеведческим исследованием и представляют собой как бы разрозненные, случайно сохранившиеся листки из ветхого домашнего альбома.

Что побудило автора взяться за перо? В автобиографической повести известного русского писателя Ивана Бунина «Жизнь Арсеньева» приведены замечательные строки из древнего источника: «Вещи и дела, еще не написанные бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написанные же яко одушевленнии...». Но может ли и простой человек, не имея литературного образования, передать другим частичку своей памяти? — Думается, не только может, но и обязан, если люди, которых знал, были в чем-то неповторимыми, если что-то интересное из прошлого безвозвратно уходит.

Вид на Лисью гору. Ноябрь, ледостав

Валентин Дмитриевич Моисеев родился в г. Нижнем Тагиле, окончил физический факультет УрГУ, инженер-геодезист. Живет в Нижнем Тагиле.

Средняя Ерзовка

Такое беспокойное, непоседливое название носила когда-то вовсе не бойкая, чуточку даже сонливая городская улица, светившаяся в начале лета сотнями похожих на шахтерские фонарики одуванчиков, в зимнюю пору перегороженная снежными бастионами, грозившими сравняться с крышами невысоких домишек. Сугробы, напоминающие крепостные валы, в разрезе походили на слоеный пирог, рядом дымил и припудривал округу сажей старый демидовский завод, когда-то один из самых крупных на Урале. Жилой поселок, построенный в XVIII веке для рабочих, также назывался заводом; впоследствии он слился с соседними селениями и стал городом Нижним Тагилом.

В годы моего далекого, ушедшего уже в полувековой сумрак, детства, на темном трещиноватом срубе нашего обветшалого, тронутого с северной стороны мягким мхом, домика, красовалась, впрочем, синяя табличка с иным, современным названием: «Улица Островского». Даже из взрослых мало кто знал, да и не очень-то, наверное, любопытствовал, в честь ли драматурга Александра Николаевича или же более известного в те годы человека, писателя Николая Островского, нарекли ее. А нам, де-

творе, и вовсе было недосуг: кто-то катался на санках, кто-то азартно гонял потрепанный мяч; весной отправлялись в дальнее плавание по извилистым каньонам, проделанным первыми ручейками в заледевшей земле, выструганные из сосновой коры щепки-кораблики, летом начинались веселые игры в прятки, в «ляпы», в «цепи-кованы»...

Казалось, так будет всегда. Тихие переулки, зеленые лужайки, палисадники, кусты сирени, покосившиеся ограды, ворота с железными кольцами - привязывать лошадь, дружные дымки из печных труб в морозный день... Могучие тополя, выдавшие, быть может, и писателя Мамина-Сибиряка, и знаменитых механиков Черепановых, и хозяев всего вокруг заводчиков Демидовых. Мы не задумывались об истории, не представляли себе уникальности того, что было рядом. Лишь много позже, когда в который уже раз внешние воды унеслись за далекие темные горы, а на месте нашей родной улицы взгромоздились безликие многоэтажные монстры, наступила пора переоценки ценностей, пробудился интерес к безвозвратно уходящей старине. Пришло и понимание своеобразия, неповторимости данных народом названий: улицы Балагуровка, Забегайка, Тестянка, Жеребьяча, Тагильский Криуль (где еще есть такие?); Вогульские Кузницы, речка Баранча, выдавшая Ермака, скала Медведь-камень, село в окрестностях с разбойничьим названием Шайтанка...

Но вернемся к нашей Ерзовке. Вернее, к Ерзовкам, поскольку существовали еще улицы Верхняя Ерзовка и Ерзовка Нижняя.

Они появились в заводском поселке в числе первых, имели примерно одинаковую длину (около версты) и шли слегка раскрытым веером от площади перед зданием управления заводами вдоль реки Тагил, заканчиваясь у ее поворота.

Ближайшей к реке была Нижняя Ерзовка (позднее названная 3-й Комсомольской улицей, а в 1942 году ей дали имя полярника Папанина). Она шла дугой, следуя вдоль речной излучины. На противоположном берегу располагался завод с его доменными печами, копотью, лязгом железа, свистом пара. Нижняя Ерзовка начиналась неподалеку от плотины городского пруда, где с

шумом изливались выпускаемые через плотинные затворы водопады и где весной искали удачи рыболовы с большими саками (шест с перекладиной и закрепленная на ней сетка), в мутных в это время года струях рыба не видела сеть; снасти погружали в бурлящий поток и тут же поднимали, это называлось «сакать». Название «Нижняя» оправдывалось: порой происходили наводнения, например? в 1927 году заливало подвалы, испуганные жители бродили по колено в воде.

Улица насчитывала в начале XX века примерно шесть десятков домов, в большинстве своем одноэтажных, бревенчатых. Правда, ближе к заводу стояло несколько зданий повыше; в одном из них в 1862 году был открыт небольшой театр. Но и у скромных домиков на три окошка зачастую имелось что-либо примечательное: красивое крылечко, оригинальные резные наличники, кованая ограда палисадника. В 1944 году построили высокий и длинный металлический переход через реку и завод, взамен старого деревянного. Новый мост, сохранивший название своего предшественника – Горбатый, соединил центральную часть города с районом Ключи, где в прежние времена жили преимущественно кержаки (старобрядцы). Под мостом ветвились железнодорожные пути, маленькие паровозики таскали огромные ковши с раскаленным шлаком прямо под ногами прохожих, глядеть сверху на пышущие жаром огненные емкости было любопытно и немного жутковато, этот жар и теплый удушливый паровозный дым в морозные дни согревали озябших людей.

На Нижнюю Ерзовку хаживали также жители других улиц за водой или полоскать белье со скользких деревянных плотиков.

Средняя Ерзовка была значительно шире Нижней, она состояла из двух прямолинейных участков с небольшим поворотом на перекрестке с Синицыной улицей (теперь ул. Ломоносова). На этой старой улице насчитывалось свыше пятидесяти домов (на плане 1930-х годов последний дом имел номер 55). В августе 1931 года Средняя Ерзовка стала 2-й Комсомольской улицей, в декабре 1942 превратилась в улицу имени Островского (автора романа «Как закалялась сталь»).

Самой оживленной и прямой являлась Верхняя Ерзовка. Такой же ширины (до 30 метров), как Средняя, она служила началом транспортной магистрали: шла к Маральскому мосту и переходила за ним в Максимильяновский тракт. Старая эта дорога вела через плотину Выйского пруда за город, мимо Татарского кладбища и Рогожина болота к заросшей черемухой, кристально чистой речке Баранче, где у многих были покосы. В годы советской власти, когда кому-то не понравилось название, Верхняя Ерзовка стала 1-й Комсомольской, затем просто Комсомольской улицей; на единственном уцелевшем здании и по сей день можно увидеть табличку с такой привычной когда-то надписью.

Верхняя Ерзовка круто спускалась под гору, и по ней самые отчаянные ребятишки лихо катались на санках, пролетая посреди дороги почти целый квартал. Несмотря на отсутствие автомашин, это было небезопасным развлечением.

На этих памятных многим улицах жили и мои предки.

Дед и прадед

Дед моей матери, которого родные ласково называли «дэденькой», Герасим Устинович Кожевников был часовых дел мастером; его все знали и очень уважали, потому что он великолепно знал свое ремесло, делал все на совесть и брал при этом за починку часов недорого. Проезжая по городу в пролетке (или в телеге на покос), он не отрывал руки от картуза, поскольку все ему кланялись. Женат Герасим Устинович был на Анастасии Михайловне Кузнецовой, у них имелось пятеро детей: две дочери – Афанасия (моя бабушка) и Антонина, и три сына – Иван, Василий и Георгий.

Герасим Устинович обладал необычным дарованием: умел заговаривать ос. Если кому-либо случалось на покосе нечаянно потревожить осиное гнездо, звали моего прадеда, он шептал что-то тихонько, и осы тут же успокаивались и переставали жалить неосторожных людей (а «кусаются» эти полосатые насекомые преобильно). Хотел он передать в конце жизни секрет заговора своему сыну Георгию, но не успел. А его супруга знала наперечет все грибные места. Проезжая, бывало, по лесной дороге,

Петр Викторович Дормидонтов. 1898 год.

она говорила: «Ну-ка, Гаранюшка, останови у вон той сосны». И тут же возвращалась с отличными белыми грибами или с груздями.

Жили они небедно, в собственном большом доме на улице Верхней Ерзовке. Номеров у домов прежде не имелось. Адрес тогда писали, например, так: Нижне-Тагильский завод, Анне Герасимовне Кожевниковой, Верхняя Ерзовка. Однако нумерация появилась, видимо, достаточно давно, так как уже в начале XX века на открытке со штемпелем 1908 г. читаем: Н-Тагил, Герасиму Устиновичу Кожевникову, Верхняя Ерзовка, соб.дом № 30.

Герасим Устинович имел свой «выезд». Собираясь в гости, он непременно приказывал запрягать лошадей, даже если ехать было лишь один квартал.

Моя бабушка, Афанасия Герасимовна Кожевникова, была корен-

Афанасия Герасимовна Кожевникова

ная тагильчанка. Происхождение ее супруга, Петра Викторовича Дормидонтова, почти неизвестно, потому что он и сам лишь немного мог припомнить, оставшись сиротой в семилетнем возрасте: его родители умерли в один день от холеры во время эпидемии. Это случилось в городе Оренбурге, где он родился в 1875 году и жил до постигшего семью бедствия. У Пети была младшая сестра Анастасия, все заботы о ней легли на плечи брата – начинающего музыканта. В семейном альбоме долго хранилась единственная фотография тех лет: одной рукой Петр держит за руку сестренку, в другой бесценная для него вещь – скрипка.

Дальше были трудные годы, о которых я, к сожалению, не знаю. Очевидно только, что Петя не оставил сестру и не бросил занятий музыкой, много работал и упорно

учился. Со временем Петр Викторович стал профессиональным скрипачом, играл в различных оркестрах, в том числе в оркестре Оперного театра в Екатеринбурге, выезжал на гастроль за границу, побывал даже на острове Цейлон, где купил колечко с опалом – маленьким изящным камешком, подаренное позднее моей маме; из Китая или из Японии он привез небольшие тонкие фарфоровые вазы, монетку с изображением дракона и другие диковинки.

Между прочим, китайцев и некоторые китайские товары можно было в то время увидеть и на Урале. Появлялись желтолицые торговцы (их называли «ходи») с двухколесными тележками и на Ерзовке, предлагая добротные красивые ткани – шелк, чесучу. Они кричали на ломаном русском языке: «Товали нана?» (товары надо?), а молодежь в шутку передразнивала: «Ходя, соли нана?». «Ходи» соль не употребляли и сердились.

В наш город, по моему предположению, дед (тогда молодой человек) попал благодаря имевшимся здесь родственникам. Интересно, что его сестра продолжила другую ветвь большого родословного древа Кузнецовых – вышла замуж за брата Анастасии Михайловны, Ивана Михайловича. Впоследствии у них родились три дочери – Манефа, Надежда и Ольга.

Создал семью и Петр Дормидонтов. Далось это нелегко. Безденежье, сложные поначалу взаимоотношения с родственниками. Анастасия Михайловна не хотела выдавать дочь замуж за музыканта и не дала ей никакого приданого (в

Оркестр. В первом ряду второй справа – скрипач П.В. Дормидонтов

Семья Герасима Устиновича Кожевникова. 1900 год. В первом ряду: второй слева – Кожевников, крайняя справа – его супруга, Анастасия Михайловна. Во втором ряду, в центре – П.В. Дормидонтов с супругой

то время как другие дети получили по комплекту мебели и другие вещи). Замужество моей бабушки, таким образом, состоялось против материнской воли; остальные Кожевниковы из-за этого не любили Петра Викторовича, который сказал: «Проживем и без приданого».

И прожили хорошо, в дружбе и согласии, хоть и бедно. Имели пятерых детей, еще двое умерли в младенческом возрасте. В первое время обитали на квартире у чужих людей; одна кровать на всех, спали на полу на кошке, укрываясь простынями. И лишь спустя годы у Петра Викторовича и Афанасии Герасимовны появилось собственное жильё – скромный бревенчатый домик на Средней Ерзовке, ставший впоследствии и моим родным домом.

Выбор работы для музыканта в горнозаводском Тагиле был неве-

лик, поэтому приходилось порой выезжать на заработки в другие уральские города, например, в Екатеринбург, в 1903 году там, на бывшей Коробковской улице (ныне Октябрьской Революции), у него родилась дочь Нина. Начиная с мая 1909 года, Петр играл на альте в оркестре Пермского Общественного Собрания. В 1913 году Пермским губернатором Петру Викторовичу Дормидонтову было «предоставлено право ношения на груди Высочайше учрежденной, в память 300-летия царствования Дома Романовых, светло-бронзовой медали». На медали с лицевой стороны был изображен в профиль царь Николай II, на обратной стороне имелась надпись – «За усердие». Видимо, губернатор посещал концерты и ценил музыку.

В доме П.В. Дормидонтова. 15 марта 1913 года. Справа налево – Лиза, Соня, Федя Дормидонтовы и Нина Лёзова

Не все знают, каким нелегким был труд музыканта. Постоянное напряжение, высокая ответственность за каждую сыгранную ноту, жесткие условия контрактов с владельцами оркестров. Малейшие нарушения договора влекли за собой штрафы, вычеты, угрозы увольнения. За отлучку из города без разрешения хозяев оркестра следовало удержание из жалованья от 10 до 30 рублей (немалые в те времена деньги); при отсутствии по болезни, удостоверенной врачом, но «не препятствующей игре», у виновного могли вычесть месячный заработок. Музыканты не имели права участвовать в посторонних спектаклях и концертах. Нельзя было без разрешения владельцев оркестра садиться на незанятые места в зрительном зале. Инструменты, как правило, не предоставлялись – каждого оркестранта обязывали иметь свои («довольно хорошего качества и вполне годные к употреблению»). Непосредственно игра в концертах (не считая антрактов и утренних репетиций) занимала до 5 часов за вечер.

До поездки в Пермь, Петр Викторович руководил клубным оркестром Собрания служащих Нижнетагильских заводов. Зимой 1909 года состоялся его бенефис.

Петр Викторович принимал участие в музыкальной жизни до-революционного Тагила и позднее, но, по-видимому, не в качестве дирижера – из-за необходимости выезжать на заработки в Пермь и Екатеринбург. Сохранилась напечатанная на шелковой ткани программа вечера, который состоялся 16 февраля 1911 года в доме П.П.Аксенова. Давали комедию Хлапова «На рельсах». Петр Викторович исполнял соло на скрипке с аккомпанементом рояля. Режиссером спектакля был А.И.Боташев. На вечере читали также стихотворения, во время антрактов играл оркестр, но фамилия дирижера в программе не упоминается.

Семья и родственники Кожевникова. 25 декабря 1923 года.
В центре снимка – Герасим Устинович с супругой

Судя по адресу на бандероли с нотами, полученной из Москвы от знаменитого издателя П. Юргенсона, в начале 1914 года Петр Викторович находился в Кушвинском заводе и служил в женской гимназии. Любопытно, что почта в те годы доставлялась очень даже неплохо: на штемпеле Москвы указано 7 февраля, Кушвы – 11 февраля. Через полгода началась мировая война, затем пришла революция. Голод, разруха, бедность. Работы по специальности не стало. В 1921-22 годах Петр Викторович еще преподавал музыку в клубе Пролеткульта, но зимой 1922 года пришлось оставить смычок и служить делопроизводителем при эпидемическом бараке, затем счетоводом во Врачебно-Питательном отряде общества Красного Креста; потом работал счетоводом, помощником бухгалтера или кассиром в Уральском железорудном тресте, в различных городских организациях и конторах.

В конце 20-х годов вновь зазвучала его музыка. Дед давал уроки,

служил скрипачом в столовой и в гостинице «Красный Урал» (1927 г.), с 1928 по 1930 г. зарабатывал на хлеб игрой на скрипке в кинотеатре «Горн» (в кинотеатрах имелись небольшие оркестры, развлекавшие публику перед началом сеанса).

Дома приходилось регулярно упражняться. Чтобы никому не мешать, летом он репетировал в маленькой баньке в огороде, и если дверь была открыта, прохожие могли слышать мелодичный вальс из балета «Эсмеральда», стремительные пассажи увертюры к опере «Кармен»; временами звучали пьесы попроще – какая-нибудь популярная тогда кадрили «Милитэр» или «Бальная тарантелла», но и эти вещи надо было разучить так, словно предстоял экзамен – по-другому Петр Викторович играть не привык.

Скрипок у деда было три или четыре. Одна из них имела особенно красивый звук, вызывая зависть у коллег. Хорош был и ближайший «родственник» скрипки – альт, на его нижней деке сохранилась фа-

милия мастера – DAVID HOPF. К сожалению, во время войны, когда Петра Викторовича уже не было в живых, инструменты находились в неотапливаемом помещении и пришли в негодность. Лучшая скрипка впоследствии попала в чужие руки.

В 30-е годы трудно было приобрести скрипичные струны, приспособивали другие. В деревянном, похожем на маленький гробик, черном футляре дедовского альтя лежала коробочка с изображением лиры на фоне серпа и молота и надписью «Фабричная марка МУЗ-ПРЕД. Аккорд мандолинных струн». Там же остался клочок бумаги с написанным карандашом последним репертуаром Петра Викторовича: «Гавот» Люлли, «Поэма» Фибиха, «Ноктюрн» Шопена, произведения Шумана, Зуппе и другие – всего 15 названий. Позднее футляр изрядно поцарапал общий любимец и баловень – пушистый черно-белый кот Боцман, точивший о лакированное дерево когти – недосмотрели...

Программа спектакля с участием оркестра. 1909 год

Свою любовь к музыке дед передавал детям, терпеливо обучал их игре, но не выносил, если кто-нибудь ленится и плохо занимается. Однажды, когда его сын Федя в очередной раз не выучил урок, Петр Викторович вспылил: «Не хочешь заниматься серьезно, тогда лучше не учишь вовсе», и переломил маленькую детскую скрипку об колено. Дед в это время был уже серьезно болен.

Еще одним занятием моего деда была охота. Нередко он бродил по окрестностям с тяжелой бельгийской двустволкой, приносил домой глухарей, уток, зайцев и прочую дичь, это было при скромном музыкантском жаловании совсем не лишним. Уходил порой далеко, к высокой и мрачноватой Елевой горе, где в зарослях малины не редкостью было услышать медвежий рев, а поскольку тогда тоже встречались бродяги и прочие лихие люди, одевался в самую старую, потрепанную одежду, так что в лесу его самого можно было испугаться. «Семь верст до небес, и все лесом», — такая поговорка была у Петра Викторовича.

Случалось иногда рыбачить. Однажды с дочерью Соней (ей было лет 10–11) поехали на Выйский пруд, взяли лодку, отец потихоньку

греб, Соня сидела на корме и держала в руках так называемую дорожку — длинную леску с блесной и катушкой, и вот ведь везенье — ей попала крупная щука почти метровой длины. С трудом вытащили, но скользкая, сильная рыба продолжала биться, норовя выпрыгнуть. Петр Викторович прижал ее к днищу лодки ногой, и острые щучьи зубы тотчас пронзили отнюдь не тонкий ботинок рыбака. Зато потом испекли огромный пирог, на который пригласили всю родню.

Пироги непременно выпекались ко всем знаменательным дням — праздникам, именинам. Больше всего удавался пирог с грибами, особенно с рыжиками. На стол водворяли кипящий самовар; доставали из стеклянного шкафа (его называли этажеркой) лучшую посуду: белые обеденные тарелки с фабричным знаком И.Е.Кузнецова («На Волхове»), голубой, с двуглавым орлом на донышках чайный сервиз работы товарищества М.С. Кузнецова. Кроме чая, пили кофе, особенно Петр Викторович — у него имелась специальная «кофейная меленка» (кофемолка).

Интересно, что о пустых, скучных людях говорили: «Пирог ни с чем».

Соседи

Теперь надо рассказать о некоторых других жителях Средней Ерзовки (из числа знакомых моим родителям и мне).

Ближайшими нашими соседями с северной стороны была семья Топорковых. До них здесь жили Кашины; прежний хозяин служил на

железной дороге, ходил в очках, с палочкой в руках. Огород Топорковых примыкал к нашему участку и отделялся жиденьким забором из жердочек. Александр Николаевич Топорков, работал на оборонном заводе, где во время войны выпускали знаменитые танки Т-34; у Топорковых дома хранилась награда — большой пластмассовый макет грозного танка. Супругу Александра Николаевича звали Валентина Ивановна; у них подрастали двое сыновей, в хозяйстве помогала им безносая домработница тетя Клаша.

Следующий дом по этой стороне улицы выглядел повнушительней соседних построек — весь каменный, белый, с просторным полуподвалом. Им владело семейство Поповых, из которых помню представительного, солидного и молчаливого Владимира Николаевича, служившего начальником лаборатории обогатительной фабрики Высокогорского железного рудника, жену его, жизнерадостную и приветливую женщину, звали Юлия Александровна. У Владимира Николаевича имелась сестра Варвара Николаевна, сухонькая, скромно одетая, своим обликом напоминавшая монашку. Других двух сестер — Ариадну Николаевну и Нину Николаевну мне видеть не приходилось. Владимир Николаевич был ровесником моего дяди Федора Петровича и учился до войны с ним в горном техникуме.

За домом Поповых следовала ограда тенистого сада, и начинался приусадебный участок наших родственников Лёзовых. Там, в

Входо-Иерусалимский собор

Урок музыки. Петр Викторович и его сын Федор. 1930-е годы

Афанасия Герасимовна Дормидонтова

маленьком, но очень основательно построенном кирпичном домике, жила родная сестра моей бабушки Антонина Герасимовна, вышедшая замуж за Николая Родионовича Лёзова. У них была дочь Нина и внучка Виола. Лёзовы имели хороший рояль, хотя и небольшой («кабинетный»), но занимавший значительную часть жилой площади; играли на нем Нина Николаевна (в замужестве — Вагина) и Лёля (так в детстве называли Виолу). Впоследствии Лёля окончила Литературный институт и стала библиографом. Антонину Герасимовну звали Баба Тоня или Кока Тоня, однако она имела манеры и облик совсем не деревенские, так что мне порою чудилось некоторое сходство ее с пушкинской героиней, владевшей тайной трех карт. Как и многие старухи, Антонина Герасимовна боялась пожара и мышей. Однажды Лёля пошутила и жутко напугала свою бабушку хвостиком крупной свеклы, сказав, что он крысиный. Долго потом в нашей родне с улыбкой вспоминали эту историю.

По праздникам и в дни именин у Лёзовых нередко бывали гости. В полуподвальном помещении их дома стоял столик с вином для гостей, отдельно от главного праздничного стола, располагавшегося наверху; кому хотелось выпить — подходили и сами наливали себе.

Рядом с Лёзовыми жили Мельниковы, далее белел двухэтажный

дом Железковых. За ним улица спускалась вниз и шла к реке, там стояло еще несколько строений.

В самом конце Средней Ерзовки, у реки, находилась усадьба известного тагильского садовода-любителя Николая Красикова. У Красиковых росли различные сортовые яблони, хорошая смородина и другие культуры. Брат Николая, Петр, дружил с моим дядей и очень любил танцевать под патефон.

На восточной стороне улицы, напротив Железковых, в большом полукаменном доме жили Калинины. У них было много мальчишек, мать которых была весьма религиозная и заставляла детей ходить в церковь, молиться и украшать церковь к праздникам. Южнее Калининых следовали дома братьев Баженовых, Бобровых (один из них преподавал в школе геометрию и имел прозвище «Ваня-Треугольник»), Лепихиных (там часто плясали под гармошку, да так, что потом перестилали пол). И, наконец, напротив нас, на перекрестке с улицей Лесина стояло полутораэтажное здание (верх деревянный, низ каменный), где жили три сестры: старшая из них, Александра Павловна, вроде бы работала на санэпидстанции, и, может быть, поэтому у сестер в подвале содержались в клетках мыши и разные другие подопытные животные. Средняя сестра, строгая Мария Павловна, запомнилась больше других, мы ее звали «МареПална». Младшая, Лидия, как говорили, ув-

лекалась танцами, однако музыки из окон этих соседей я не слышал никогда. Из всех троих замужем (за бухгалтером Цветковым) была лишь «МареПална». Рядом с их немного таинственным, со скрипящей лестницей домом, росли два высоких коренастых тополя, мимо которых я ходил в школу. Тополя долго напоминали о нашей улице и после ее сноса; роковое совпадение — старые эти деревья спилили в недоброй памяти 1999 году, вскоре после кончины моей мамы.

На другой стороне перекрестка нашей Средней Ерзовки и улицы Лесина (Газетной), жили Котовщиковы, довольно небогатое семейство. Изредка Котовщиковы приглашали на новогоднюю елку соседских ребяташек; как-то раз позвали и меня, только веселье там не показалось мне искренним, к тому же в разгар праздника елка загорелась от свеч и ее едва потушили. У нас тоже ставили елку, а иногда — пихту. Под елку клали подарки для детей. Однажды родители подарили мне небольшую синюю коробку фигурных шоколадных конфет «Эстампо»; я таких никогда не ел (шоколад в те годы был в нашем доме большой редкостью), и коробка мигом опустела. Моя мама очень мягко и деликатно спросила меня: «Вкусные были конфеты?». Больше она ничего не сказала, но мне стало вдруг ужасно стыдно, что не дал ей даже попробовать: мама очень любила шоколад и наверняка не ела его с довоенной поры.

Средняя Ерзовка. Дом Дормидонтовых. Снято незадолго до сноса улицы.

Думаю, мне тогда было лет шесть. Горькая память об этом конфузе сохранилась на всю жизнь.

Напротив Котовщиковых, несколько наособицу, в «подсарайной избе» (бывший сарай для сена, а под ним изба) жил известный в Нижнем Тагиле человек, Александр Иванович Питерских, долгие годы служивший библиотекарем в Доме учителя. Несмотря на тяжелое ранение, полученное на фронте, он многое сделал для нашего города, сохраняя и приумножая накопленное десятилетиями литературно-историческое наследие.

Дальше находился высокий полукаменный дом, вмещавший несколько семей; прежде там проживал священник Воецкий, бла-

гообразный, с большой семьей, у него росли хорошенькие дочки, одна из которых, Вера, училась в школе с нашей родственницей Ниной Николаевной Лёзовой, другая, Наташа, была одноклассницей моей тети, Нины Петровны Дормидонтовой.

Затем стоял дом старика Смольникова, постоянно сидевшего у окна, и крохотный, на два окошка, домик Банниковых, очень любивших кошек; далее жили Шамарины и, кажется, еще кто-то, и, наконец, у перекрестка, в бревенчатом доме обитали Южаковы, на квартире у которых после свадьбы в течение пяти лет ютились мои родители. С противоположной стороны улицы угловое двухэтажное здание при-

В доме на Средней Ерзовке. Справа – П.В. Дормидонтов. 1930-е годы

надлежало некогда священнику Первушину, впоследствии там располагался так называемый избирательный участок.

Порой на Ерзовку приходили откуда-то нищие. Им подавали, кто что мог. Одна старушка всегда ходила с берестяным бурачком. Ее спрашивали: «Что у тебя сегодня в бурачке-то?». Нищенка с трудом шепелявила в ответ: «Кошка, заяц...». Это значило – окрошка, взварец; бедняга все складывала в один бурак – и хлеб, и кашу, туда же выливала и окрошку.

За перекрестком с Синицыной (потом Дзержинского, затем Ломоносова) улицей Средняя Ерзовка вела к зданию управления заводами и к Входу-Иерусалимскому собору, украсившему эту часть города (великолепному и внутри), имевшему замечательный хор – некоторые специально посещали этот храм, чтобы послушать прекрасное пение. В старину туда ходили мои родственники и другие жители нашей улицы. На Пасху всем желающим разрешалось звонить в колокола, и в детстве моя мама со своим отцом поднималась на колокольню собора и звонила. В 30-х годах собор варварски разрушили, церковная утварь была разграблена и уничтожена; по воспоминаниям нашей родственницы Евгении Ивановны Кожевниковой, на деревянных иконах, как на санках, дети катались с ледяной горки.

В 1930-е годы между Средней и Нижней Ерзовками, посреди бывших огородов, появились совсем другие постройки – бараки. Их жители тоже стали нашими соседями. Но рассказ об этом, к сожалению, выходит за рамки моих кратких записок.

Много еще можно рассказывать о нашей славной улице. Ее уже нет. Не звучит здесь теперь по утрам пастуший рожок, не стучит своей колотушкой ночной сторож. Давно умолкли колдовские звуки скрипки моего деда. После перепланировки района лишь два похожих на гигантские рогатки тополя, росших напротив нашего дома, долго напоминали о времени былом. Их тоже не сохранили. Возле пней из земли, среди огоньков одуванчиков, пошла молодая поросль, – и это все, что осталось от старой тагильской улицы.